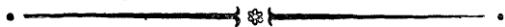

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБОТЫ ИДУТ

*Фантастические
произведения
о роботах
20-х – 30-х
годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

ИДУТ РОБОТЫ

Социально-фантастическая повесть

Владимир Владко

ИДУТ РОБОТЫ

ІДУТЬ РОБОТАРІ

Повесть, 1931 год

Перевод на русский: V.Timoshenko-Pastraki, USA,
(2018 г.), печатается с любезного разрешения.

Перевод сделан по изданию: В. Владко // ІДУТЬ РОБО-
ТАРІ//Харьков-Одесса: Дитвидав ЦК ЛКСМУ, 1936 г.
Рисунки и обложка А. ГОРОХОВЦЕВА

Использованы обложка и иллюстрации из издания: В.
Владко // ІДУТЬ РОБОТАРІ// Одесса-Харьков, Молодий
більшовик, 1931. Автор иллюстраций не указан.
Книгу повернув українському читачеві бібліограф
Вячеслав НАСТЕЦКИЙ (2015).

№ 8-9

В. ВЛАДКО

ПОВІСТІ
ТА РОМАНИ
ДЛЯ
ДІТЕЙ

ІДУТЬ РОБОТАРІ

ДВОУ

МОЛОДИЙ БІЛЬШОВИК

ПОВІСТІ ТА РОМАНИ ДЛЯ ДІТЕЙ

В. ВЛАДКО

ІДУТЬ РОБОТАРІ

СОЦІЯЛЬНО-ФАНТАСТИЧНА ПОВІСТЬ

МОЛОДИЙ БІЛЬШОВИК
ОДЕСА 1931 ХАРКІВ

В. ВЛАДКО

**І Д У Т Ь
Р О Б О Т А Р І**

ДИТВИДАВ

В. ВЛАДКО

ІДУТЬ РОБОТАРИ

РОМАН

НАГОРОДЖЕНИЙ ПРЕМІЄЮ
НА ВСЕУКРАЇНСЬКОМУ КОНКУРСІ 1931 РОКУ

*ВИДАННЯ ТРЕТЄ
ВИПРАВЛЕНЕ І ДОПОВНЕНЕ*

ДИТВИДАВ ЦК ЛКСМУ
ХАРКІВ 1936 ОДЕСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ВОЗДУХЕ ВЕЕТ ОПАСНОСТЬЮ

— Эй, Тим!

Тишина.

— Тим Кроунти, где ты?

Вновь тишина была ответом. Редактор рабочей газеты «Ред Стар», Джон Бостер, положил на стол трубку громкоговорящего телефона и пожал плечами.

— Такой беспокойный парень! Вот только сейчас был здесь, и уже нет его. Где же он?

Редактор вытер вспотевший лоб платком. Была жара, типичная южноамериканская жара, когда даже тонны съеденного мороженого не дали бы человеку желаемого охлаждения. Окна редакторского кабинета были зашторены плотными занавесями, но, казалось, палящие солнечные лучи прожигают эти занавеси насквозь. Электрический вентилятор на столе крутил своими лопастями, как бешеный; но и это не помогало, потому что сам воздух был насыщен зноем.

Из-за стены доносился отчаянный стук пишущих машинок доброго десятка репортеров. Может, Том просто не слышит звонка? Джон Бостер встал и, подойдя к дверям, выглянул наружу. Да, машинка Тима

Кроунти молчала. Неоконченная заметка торчала из нее белым бумажным прямоугольником.

— Исчез!..

Джон Бостер вернулся на свое место. Но не успел он вновь развернуть листы рукописи, как вдруг двери снова распахнулись. В кабинет влетел невысокий рыжеволосый парень. В одной руке он держал покрытую изморозью серебряную палочку эскимо, во рту у него торчала незажженная сигарета. Второй рукой мужчина сжимал какой-то толстый журнал и размахивал им в воздухе. Он широко раскрывал и закрывал рот, будто не в состоянии произнести хоть одно слово.

— Что случилось, Тим? — поднял голову редактор.
— Где ты был? Я вот звал тебя...

Но вот Тим наконец заговорил, не слыша ничего. Рыжие волосы его были растрепаны, глаза горели. Он забыл про мороженое, забыл про сигарету, он кричал, тыкая пальцем в одну из страниц журнала.

— Вы видели это? Вы знаете, что это такое? Вы ничего не знаете, товарищ Бостер, хоть вы и редактор нашей «Ред Стар». В воздухе веет серьезной опасностью, пахнет грозой, вот что!

Редактор невольно улыбнулся.

— Пахнет грозой — не знаю. Пока что вижу только, что мороженое растаяло и уже успело испачкать вам пиджак.

Тим посмотрел на руку, в которой держал эскимо. Действительно, с нее на пиджак капали мутные капли: мороженое таяло. Однако, это не смутило Тима. Он бросил эскимо в корзину под столом Бостера, непринужденно вытер ладонь о пиджак и, даже не улыбувшись, продолжал:

— Я не шучу, товарищ Бостер. Вот, прочитайте, — и вы тоже не захотите больше смеяться.

Он положил перед редактором журнал, который до сих пор держал в руке. Джон Бостер склонил свою седую голову над развернутыми страницами.

— Нет, прошу, читайте вслух, — настаивал Том.

— Пожалуйста. Итак, здесь напечатано: «Машиностроительные заводы Джонатана Говерса готовят выпуск первой партии механических людей — роботов»... Что? Роботов? Что такое?..

— То, что вы видите, — зловеще ответил Тим. — Но читайте дальше.

— «По нашим сведениям, роботы вполне могут заменить живых рабочих возле станков. Как известно, это уже далеко не первая попытка построить машину, которая могла бы заменить человека. Но до сих пор все изобретенные ранее роботы, механические люди, были примитивными, несовершенными, и не оправдывали надежд, которые возлагали на них изобретатели. Только роботы Говерса якобы решают окончательно эту сложную проблему. Механизм этого нового изобретения, конечно, остается секретом компании. Но уже известно, что роботы Говерса двигаются с помощью электричества, которое они получают через воздух без проводов. Управляют ими таким же способом — с помощью радио. Передают, что в ближайшее время компания Говерса попытается поставить первую партию железных людей к станкам».

Редактор поднял голову, и оторопело посмотрел на Тима. В глазах его застыло удивление.

— И никто ничего не знает?..

— Никто ничего, — мрачно ответил Тим. — Чертов капиталист до сих пор бдительно охранял свою тайну. Даже неизвестно, кто из инженеров его лаборатории является конструктором этих роботов. Заметка в научном журнале — это все, что мы имеем. Но, если

вспомнить, что заводы Говерса находятся в Нью-Гаррисе, и что именно в Нью-Гаррисе не утихают вот уже третий месяц забастовки рабочих, то...

Редактор вскочил со стула.

— Что ты хочешь этим сказать, Тим?

— То, что Говерс, и это очевидно, поставит своих роботов к станкам именно в Нью-Гаррисе.

— И тогда... тогда... — Джон Бостер не находил слов.

— Тогда это будет конец забастовке, потому что рабочие, увидев роботов, вынуждены будут согласиться на любые требования Говерса.

Джон Бостер стукнул кулаком по столу.

— И два месяца борьбы пойдут прахом? Не будет такого!

Тим мрачно пожал плечами. Он понемногу успокаивался. Теперь, наоборот, заметно заволновался редактор. Тим достал из кармана спички, зажег свою забытую до сих пор сигарету и ответил:

— Да, когда у них получится что-то сделать с роботами, то не только этим, но и всяким забастовкам вообще, скорее всего, придет конец. Вы же понимаете, что это такое? Фабрикант всегда сможет поставить к станкам нужное количество железных людей, машин, роботов, вместо рабочих, которые бастуют. Зачем же тогда бастовать, если заводы нельзя остановить? А в Нью-Гаррисе рабочие организации уже потратили почти все свои средства на поддержание забастовки. Вы же знаете, до сих пор было непонятно, почему компания все не уступала, хоть забастовка и наносила Говерсу значительный ущерб. Теперь я понимаю, на что надеялся Говерс.

— Вы же недавно были в Нью-Гаррисе, Тим. Неужели там действительно такое безнадежное положение?

— Да. Рабочие не могут держаться дольше, чем еще неделю-две. Железные люди — это последний удар от компании Говерса. И этот удар разобьет забастовку вдребезги. Я думаю, это так. Наша газета продолжает собирать и дальше средства в пользу забастовки в Нью-Гаррисе, но — для чего делать это, когда нет никакой надежды на победу?

Глаза Бостера блеснули.

— Тим, ты говоришь ерунду. Средства надо собирать и дальше. Но, одновременно, надо все хорошенько узнать об этих треклятых роботах. Не может быть, чтобы мы не нашли способа бороться с ними. Вы что же, думаете, что капиталистов, с их роботами, с их железными рабочими, уже и победить нельзя? Ерунда! Победим.

— Как? — уже спокойно спросил Тим.

— Я еще, конечно, пока не знаю. Увидим. А пока что я надеюсь на тебя, на твои репортерские способности. Надо, чтобы ты обязательно побывал у Говерса, и узнал все, что сможешь, о роботах. А? Интервью с Говерсом, Тим!

Тим усмехнулся.

— Нелегкая задача, потому что такой несдержанный человек, как Говерс, может меня даже из комнаты выбросить. Ведь его все знают как нашего заклятого врага. Однако, попробую. Хм... Интервью с Говерсом!..

— Желаю удачи, Тим. Мой мальчик, от этого зависит очень многое. Сделай все, что сможешь. Я верю, что ты выполнишь с честью это задание.

— Попробую, — задумчиво ответил Том.

Он уже двинулся к двери, но вдруг остановился, словно в нерешительности. Вот он поднял глаза и тихо заговорил, старательно подбирая слова:

— Знаете, товарищ Бостер... Стыдно сказать, но мне как-то... страшновато, что ли... Не могу преодолеть себя.

— Чего? Что с тобой, Том? — ласково положил ему руку на плечо Джон Бостер.

— У меня было много разных противников. Но это были живые противники. Теперь — новый враг. Это — машина, мертвая бездушная машина, которая умеет только одно — выполнять приказы своего хозяина. Разве это не страшно?

Джон Бостер не сдержал улыбки.

— Дорогой мой, — ответил он, — и ружье, и танк, и самолет — тоже машины. А ты их, кажется, не боишься. Чего же пугаться здесь? Знаешь старое правило: «Иногда и врага можно превратить в друга», да еще и в какого верного.

— Это касается только живых существ, — мрачно заметил Том.

— Ничего, поживем, увидим, может, это касается и роботов. Главное — надо иметь точное представление, что это такое на самом деле, эти роботы. Тим, я очень на тебя надеюсь. Если ты, мой лучший репортер, не получишь точных сведений о роботах, — их не получит никто. Удачи! Еще раз желаю тебе успеха.

Редактор снова взялся за журнал с заметкой о роботах, но вдруг подскочил и бросился к дверям.

— Тим! Эй, Тим! Я забыл тебе сказать, что после визита к Говерсу придется снова ехать в Нью-Гаррис. Пробудешь там с неделю, а может и больше. Теперь нам надо иметь в Нью-Гаррисе своего специального корреспондента. И ещё, — редактор хитро улыбнулся, — советую заехать к парикмахеру, привести в порядок свою шевелюру. Так?

— Почему это шевелюру? — донесся уже издали голос Тима.

— Если память мне не изменяет, — еще хитрее продолжал редактор, — в Нью-Гаррисе живет девушка по имени Мадлена... Вы слышите, Тим? А?

Но Том был уже далеко. Он очень не любил, когда кто-то касался его личной жизни, особенно потому, что иногда от таких намеков, какие вот сейчас сделал Джон Бостер, у него, Рыжего Тима (этим прозвищем его наградили друзья), лицо делалось еще краснее, чем волосы.

Однако, читатель наверняка согласится, что все это — личное дело Тима. Нас это уже совсем не волнует.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭТО – МОЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ РАБ

Машинистки и стенографистки, секретари и клерки, швейцары и лакеи, не скрывая своего удивления, смотрели вслед невысокому рыжеволосому молодому мужчине, который спокойно проходил через покои роскошного особняка великого Джонатана Говерса. Тихое, еле слышное шептание тянулось вслед мужчине, который, непринужденно положив руки в карманы и выпуская клубы дыма из своей сигареты, шел за старшим секретарем.

– Репортер?..

– И еще какой!

– Из рабочей газеты?.. Не может быть!

– И его принимает «сам»?..

– Невероятно!..

Да, это была чрезвычайное, неслыханное событие. Джонатан Говерс, один из могучих южноамериканских промышленных королей, властелин огромных машиностроительных заводов, человек, который не может спокойно слышать вообще о существовании рабочих газет, — на этот раз Джонатан Говерс любезно согласился принять репортера одной из боевых рабочих газет, «Ред Стар», Тима Кроунти, и даже согласился дать ему интервью.

Это было еще вдвойне, втройне непонятнее, потому что получить согласие на не то чтобы интервью, но и

на простую деловую беседу с машиностроительным королем было вообще практически невозможно. Уже два года, как Джонатан Говерс отказывался лично принимать посетителей, поручив это своим секретарям. Великий человек не желал тратить свое драгоценное время на такие мелкие дела. Кроме того, зачем рисковать? Теперь столько бандитов, столько преступников. Никогда нельзя быть уверенным в человеке, с которым согласишься разговаривать, да еще с глазу на глаз.

Джонатан Говерс не любил рисковать. В частности, теперь, когда в его лице, как в фокусе, сошлись сила и мощь машиностроительной промышленности целой страны. Он отказался даже от того, чтобы ездить каждый день до своей конторы. Разве не проще, не удобнее, чтобы, наоборот, контора ездила ежедневно в его особняк? Пусть контора с ее машинистками, стенографистками, клерками и секретарями будет здесь, под рукой. Немаленький особняк Говерса спокойно мог вместить небольшую контору с мизерным штатом в шестьдесят четыре человека. Правда, под это надо было отдать целых десять комнат. Но — Говерс потеснится, он проживет как-нибудь и в оставшихся ему восемнадцати комнатах.

Зато — как удобно, как выгодно работать у себя дома, никуда не выезжая и не рискуя тем, что вдруг шайка бандитов нападет на автомобиль Говерса, ограбит его или даже захватит короля в плен с целью получения выкупа.

Получить разрешение на посещение Говерса в его покоях — да это просто невозможно! Это прекрасно знали во всех газетных редакциях, не имело смысла и пытаться. И вот — репортер рабочей, как говорят, даже коммунистической газеты, — понимаете, коммунисти-

ческой!.. — свободно проходит по комнатам особняка, идя прямо к личному кабинету некоронованного короля.

Старший секретарь, провожая Тима к кабинету Говерса, не мог не выразить ему своего удивления.

— Знаете, случилось что-то чрезвычайное. Говерс принимает... Вас!

— Ничего, за это, когда-нибудь, я тоже соглашусь принять Говерса, соглашусь поговорить с ним... Конечно, если его до того не повесят, — совсем невежливо ответил Тим.

Секретарь только растерянно посмотрел на него и машинально поправил свой блестящий пробор на залакированных волосах: какие они невоспитанные, эти репортеры рабочих газет, их не обучили вежливому обращению!

Но Том уже исчез за дверью кабинета.

Вот она, эта комната, до которой в сто раз труднее добраться, чем до сейфа в банке. Панели и мебель мореного дуба, и толстые ковры, — вот и все ее убранство.

За большим столом сидит крупный мужчина с сигарой во рту. Глаза у мужчины серые-стальные; они холодно пронизывают Тима насквозь.

Мужчина смотрит на Тима хмуро, но с любопытством. Кажется, он изучает, какие на самом деле бывают представители зловредной рабочей прессы. Однако, Тим, все так же непринужденно, подходит к столу и останавливается в ожидании.

— Садитесь, прошу, — проскрипел сквозь стиснутые зубы Говерс (потому что человеком за столом был именно он).

Тим сел в большое кожаное кресло и, покопавшись в сумке, вытащил блокнот.

— Что вам надо? — так же холодно проскрипел машиностроительный король, попыхивая сигарой. — Предупреждаю: у вас десять минут.

— Мне этого хватит, — спокойно заметил Тим. — Нас очень интересует всё, что связано с роботами. Но мы не имеем никаких сведений об этом, кроме небольшой заметки в журнале «Мануфакчуриг Ньюс». Итак...

Словно молния сорвалась с глаз Говерса.

— Итак, — перебил он Тима, — вы ничего и не узнаете. Достаточно того, что есть в журнале. Могу лишь добавить, что мы начали производить роботов серийно, и в ближайшее время поставим первую партию в строй. Понятно? Конец.

Он уже хотел нажать кнопку электрического звонка, как Тим остановил его движение неожиданным вопросом:

— Есть основания предполагать, что первая партия роботов, если все это не ваша выдумка, поедет на завод в Нью-Гаррисе?

Говерс яростно, но с любопытством взглянул на Тима и переложил сигару в другой уголок рта.

— Ну хорошо, мистер газетчик. Если вы так хорошо осведомлены о положении дел в Нью-Гаррисе, могу вам ответить: да!

— Хотите задушить забастовку роботами? Хм!..

Вот именно это Тимово «хм», насыщенное откровенным недоверием и иронией, и повлекло весь дальнейший необычный ход разговора. Говерс почти взбесился: как, ему, всеильному Говерсу, осмеливается так отвечать какой-то несчастный газетчик?..

— Ну... ну... ладно! Вы не верите? Вы думаете, что роботы — пустяк? Думаете, они не способны на то, что-

бы забастовки навсегда прекратились? Вы, может, думаете даже, что все это выдумка? А?

Тим почувствовал, что интервью может получиться. В мозгах у него стучала одна мысль: только не расстреляться, только нажать на Говерса еще, еще. И он вполне спокойно (по крайней мере, внешне) ответил:

— Да, мы имеем основания полагать, что все это выдумка. Все это придумала ваша компания, чтобы повлиять на рабочие организации. Но мы не верим в существование роботов.

Говерс, казалось, захлебнулся гневом.

— Хорошо! Хорошо, я вам покажу! Увидите! Через какую-то неделю увидите. Роботы — выдумка? А? Какая наглость!

Сигара выпала у него изо рта и упала на стол. Но Говерс не замечал ничего, разъяренный крайне.

— Через неделю увидим, что ничего не случится, — смело поддал жару Тим.

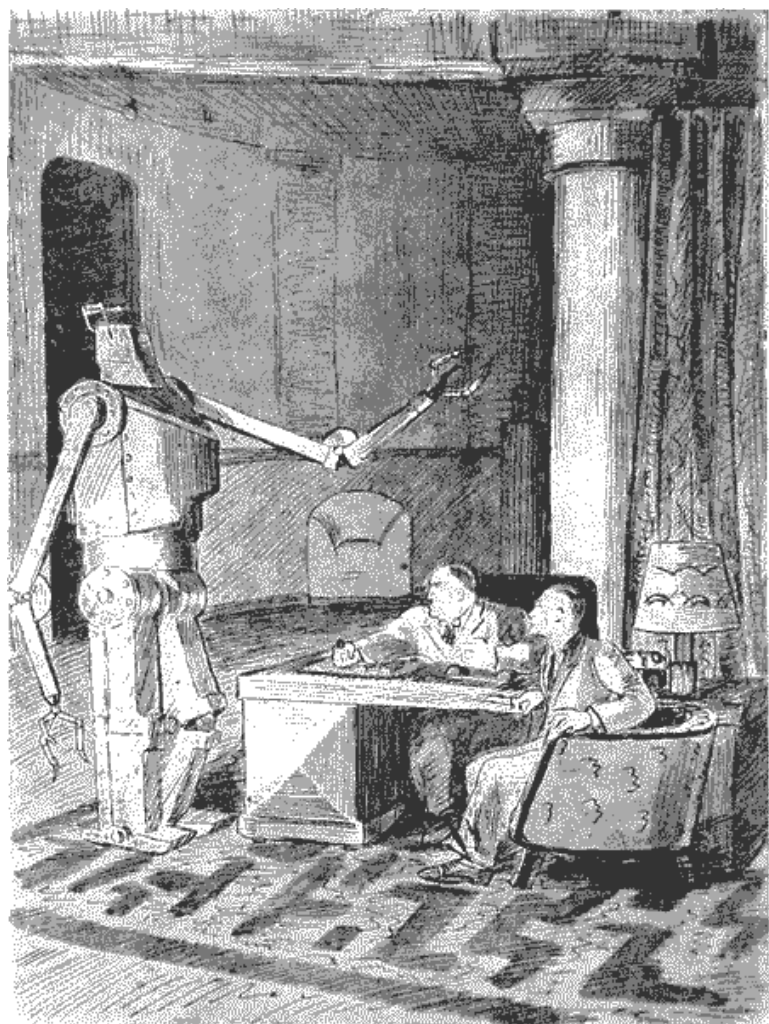
— Даже так? Ок! Ну, мистер газетчик, смотрите! Я вам покажу, какая это выдумка.

Дрожащими от ярости пальцами Говерс нажал какую-то кнопку на панели, которую Тим заметил на столе только сейчас. И почти одновременно Тим услышал легкое поскрипывание. Он оглянулся.

Одна из дубовых стен кабинета медленно расходилась в обе стороны. За ней скрывалось какое-то затемненное помещение, внутри что-то посверкивало.

— Смотрите же! — снова проскрипел Говерс, нажимая еще какую-то кнопку.

Что-то тяжело зашевелилось в глубине темного помещения, — и пораженный Тим увидел, как оттуда тяжелыми шагами вышла громадный истукан, сверкающий как железный. Да, он и впрямь был железный.

Постать ішла прямо на крісло, в якому сидів Тім

Истукан начал двигаться к столу. Что-то в нем напоминало средневекового рыцаря, закованного в латы. Но это не был панцирь. Истукан двигался, тяжело ступая, и, казалось, ничто не смогло бы остановить его движения.

— Видите?

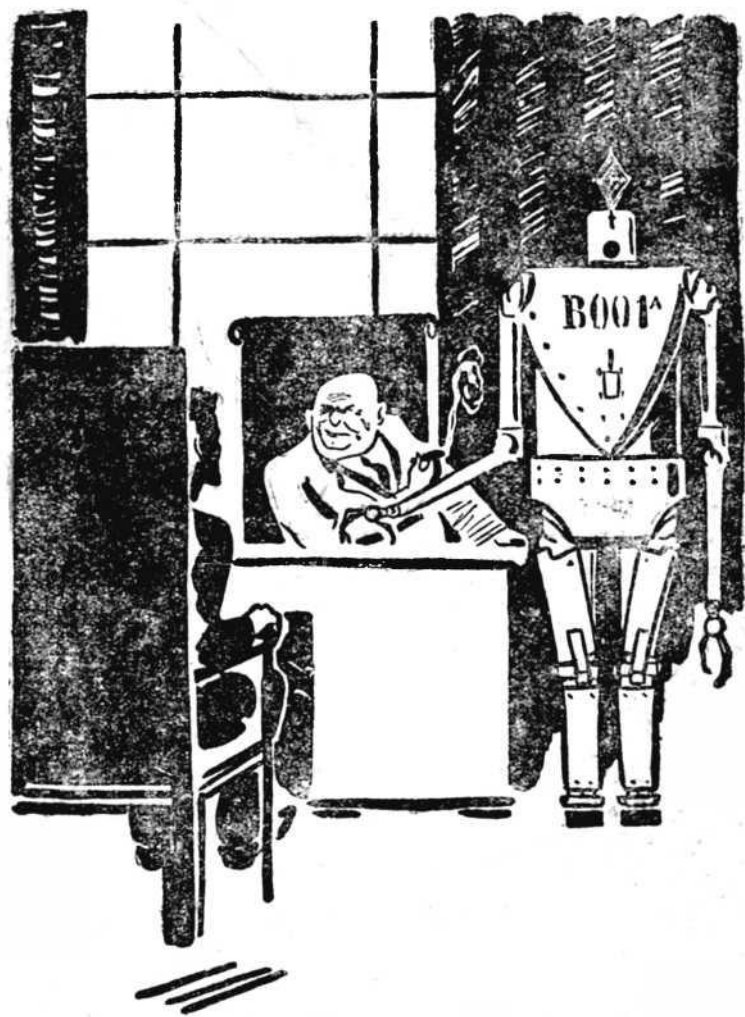
Истукан шел дальше. Он шел прямо на кресло, в котором сидел Тим, шел, не останавливаясь, медленно поднимая правую руку, словно для удара. До кресла осталось уже два - три шага, и Том не выдержал. Он приподнялся и вцепился руками в кресло, словно хотел вскочить и убежать от зловещей железной фигуры, которая механически, неумолимо надвигалась на него.

— Хо-хо! — злобно захохотал Говерс. — Кажется, мистер газетчик испугался нашей выдумки? Её же не существует, по-вашему, правда?..

Робот круто повернул к столу, обходя кресло Тима. Возле стола он склонился, будто ожидая приказа хозяйина. Руки его оперлись на стол, вся фигура его олицетворяла безразличную покорность.

Говерс заметно успокаивался, видя впечатление, которое произвел на Тима робот.

— Значит, я могу приказать ему задушить вас, и он выполнит это, — заговорил почти спокойно машиностроительный король. — Могу приказать ему броситься в окно с двадцатого этажа — и он бросится. Это вам не рабочий, чтобы болтать — «что» и «как». Это — мой железный раб. Поставлю к станку — будет работать. И не будет просить повышения зарплаты, потому что она ему ни к чему. Мой, понимаете? Полностью мой — и никакая рабочая организация не сможет убедить его остановиться, отказаться выполнить мой приказ. Плевал я на все ваши забастовки! Так, робот?

Він підійшов до столу й спинився.

Робот, будто соглашаясь, поднял руку.

Говерс вновь захохотал, закуривая новую сигару.

— Он выполнит все. Он — победа капитализма над всеми вашими *социализмами* и *коммунизмами*. Железный рабочий победит всех. Попробуйте-ка побороться с ним. И он вас задавит, раздавит первую же попытку оказать ему сопротивление. Робот — будущее капитализма. И это будущее уже наступило. С ним я никого и ничего не боюсь. Понятно?

Но Тим уже успокоился и сам. Он с интересом изучал внешний вид робота.

Действительно, странная механическая уродина. Раза в полтора выше человека, с широким крепким туловищем на относительно коротких толстых квадратных ногах, которые сгибались в коленях на круглых шарнирах. Длинные, сухие руки, как у гориллы, которые заканчивались тремя длинными же пальцами каждая. Блестящая грудь сужалась кпереди, как треугольный щит. На ней — номер робота, и, вроде бы, какой-то рублик. И вместо головы на плечах — небольшой плоский металлический цилиндр. Но что же приводит это чудовище в движение?

Тим внимательно искал провода, которые подводили бы к роботу энергию. Нет, нет... Только на его голове с боков Тим увидел какое-то странное украшение — несколько небольших шпенок, к которым прикреплена была блестящая серебряная спираль. Все это образовывало над головой робота некое причудливое подобие нимба.

Говерс заметил удивленный взгляд Тима.

— Интересно, правда? Так, робот носит на себе эту маленькую антенну, и через нее получает из эфира энергию, которую направляет к нему наш передатчик. Довольны? Понятно? Ну и достаточно с вас.

Говерс вновь нажал кнопку. Робот поднял руку, словно приветствуя хозяина, потом повернулся, и так же медленно, тяжело ступая, пошел обратно. Вскоре стены кабинета вновь сдвинулись, будто ничего за ними и не было. Том раскрыл было рот, чтобы вести разговор дальше. Но Говерс уже вполне овладел собой и, видимо, начал жалеть, что показал газетчику робота. Не говоря ни слова, он нажал кнопку звонка.

— Проводите мистера, — распорядился он, когда в кабинет вошел секретарь. — Наш разговор закончен.

Глаза его стали снова так же холодны, как и вначале. Однако, он больше не смотрел на Тима, а углубился в бумаги, что лежали перед ним на столе. Тишина снова царила в кабинете. Секретарь неподвижно встал у стола, давая Тиму всем своим видом понять, что аудиенция у некоронованного короля закончилась и пора на выход.

Тим понял: больше ему не извлечь из Говерса ни слова. Промышленный король вновь углубился в свои бумаги и не замечал больше репортера. Секретарь выразительно поклонился Тиму. Надо идти.

Рыжеволосый репортер спрятал блокнот, в котором он не успел записать ни строчки, и вышел, даже не обернувшись на Говерса.

И только на улице Тим заметил, что забыл надеть свою шляпу и несет её в руках. Выругавшись про себя, Тим бросился к такси.

— На почтамт, быстро!

Именно здесь случилось второе чрезвычайное происшествие этого дня.

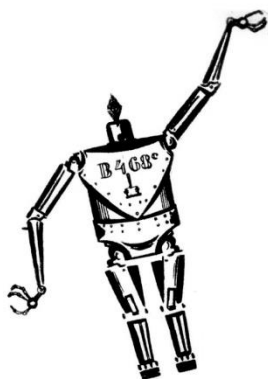
Тим Кроунти, самый опытный из репортеров «Ред Стар», который привык замечать все, что делалось вокруг него, не заметил, как за ним следом из конторы Говерса вышел высокий сухопарый мужчина в клетча-

том пиджаке, надвинутой на глаза шляпе, с трубкой в крепко сжатых зубах. Мужчина прислушался к адресу, который сказал Тим шоферу, и, прыгнув во второй автомобиль, приказал:

— Не отставайте от того такси. Оно едет до почтамта.

Сказав это, мужчина с трубкой откинулся на сидении. Оба автомобиля двинулись почти одновременно.

Но Тим, крайне взволнованный увиденным у Говерса, этого не заметил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОТОМУ ЧТО ТЫ ПРОДАЛСЯ КАПИТАЛИСТАМ!

...Значит, опасность действительно близка? И ещё какая опасность! Что сделаешь с таким железным чудовищем, когда оно будет стоять у станка! Но — разве только для такого пассивного, мирного, так сказать, сопротивления, — можно использовать роботов? А что, если Говерс двинет, например, отряд роботов на открытую схватку, на бой с рабочими? И против живых людей отправится металлический отряд бездушных чудовищ, которые не слышат ничего, не видят ничего — только слепо выполняют приказы своего хозяина. Их нельзя остановить, они идут, подавляя любое сопротивление, — железные уродливые машины, которым их сумасшедший изобретатель, словно издеваясь, придал человекоподобный облик...

Тим даже сам испугался картины, что предстала его воображению.

Вдруг он увидел, что такси останавливается. Что такое?

Он выглянул в окно. Такси встало на улице, немного не доехав до большого перекрестка между Мидленд-стрит и площадью Коломбо. Большое скопление автомобилей в этом месте регулировал дюжий, рослый полисмен, который стоял на перекрестке и крепко держал в руке толстую резиновую палку, разрешая ею

проезд одному потоку автомобилей и одновременно прекращая властным взмахом руки второй поток. Полисмен стоял неподвижно, как монумент. Лицо его было суровое, исполненное властью.

Тиму вспомнилось, что такие же суровые лица было у полисменов во время последней стычки рабочих с полицией в Нью-Гаррисе.

Те полисмены стояли посреди улицы шеренгой. Они угрожающе держали в руках свои тяжелые резиновые дубинки, не пропуская рабочих к воротам завода Говерса. Тим вспомнил и то, что сказал ему тогда один из руководителей забастовки, председатель забастовочного рабочего комитета, его хороший приятель, смелый и умный Боб Лесли.

— Понимаешь, Том, самих резиновых дубинок мы не испугались бы, хоть они и очень больно ими дерутся. Но — видишь, как вооружил их Говерс?..

Действительно, у каждого полисмена висел на боку большой револьвер в кожаной кобуре. Пока что эти револьверы висели спокойно, полицейские не притрагивались к ним. Но, если бы рабочие пошли против резиновых палок, тогда... о, тогда полицейские использовали бы не только револьверы, но и газовые гранаты, висевшие у каждого на поясе рядом с кобурами револьверов.

Тим снова взглянул на полисмена. И вдруг он похолодел, откинувшись к спинке сиденья.

— Что это? Может, я сошел с ума?..

Вместо полисмена в его серой форме — он увидел посреди улицы железного робота, неподвижно стоявшего, державшего тяжелую резиновую дубинку.

Да, да, это был робот Говерса, большой, крепкий и неподвижный. Властно он стоял на своих железных ногах. Одна сухая и длинная рука его, с палкой в ней,

была поднята вверх. Второй он запрещал путь автомобилям, в том числе и такси Тима.

Не отрываясь, сжав пальцами ручку автомобиля, Тим смотрел на робота. Железная фигура чудовища замерла в одной позе. Но чувствовалось, что робот на страже, и всегда готов двинуться куда угодно — в зависимости от приказов, которые принимает из эфира небольшая и причудливая блестящая серебряная антенна на голове робота...

— Безумие!.. — вновь пробормотал Тим.

Он закрыл на мгновение глаза, затем медленно открыл их.

Такси уже тронулось с места, и они поехали вдоль улицы. Полисмен стоял, как и раньше, неподвижно, изменилось только направление, куда показывала резиновая палка. Суровое лицо полисмена не смотрело ни на кого, оно было словно вырезано из камня. Полисмен, полисмен, а не робот!..

— Наверное, у меня слишком разошлись нервы, — вздохнул Тим.

Он вытащил сигарету, зажег ее и вновь закрыл глаза, откинувшись на спинку сиденья.

Через несколько минут такси подъехало к гигантскому зданию почтамта. Тим выпрыгнул из автомобиля, бросив шоферу деньги, и пробежал по лестнице вверх до телеграфа. И опять-таки, он не увидел, как вслед за ним, торопясь, прошел мужчина с трубкой в зубах. Шофер его такси выполнил приказ: он не потерял в уличном движении машину, что ехала перед ним. Но теперь мужчина с трубкой шел не так открыто, как раньше. Видимо, он не хотел встречи с Тимом, не хотел, чтобы Тим мог его заметить.

Мужчина с трубкой поднял воротник пиджака, поглубже надвинул шляпу почти на нос. Он издали сле-

дил за Тимом, не приближаясь к нему. И только тогда, когда Тим, склонившись над столом, уже писал текст телеграммы, ради которой он и приехал сюда, человек с трубкой быстро прошел позади него, будто случайно заглянув через плечо Тима. Он увидел всего две строчки:

**«НЬЮ-ГАРРИС, БРУКЛЕНД-СТРИТ, МАДЛЕНЕ СТРЭНД.
ПРИЕДУ ШЕСТИЧАСОВЫМ. ВАЖНОЕ ДЕЛО».**

Тим еще не успел подписаться, а может, он хотел еще дописать что-то. Однако, мужчине с трубкой в зубах было достаточно и этого. Он, не останавливаясь, прошел к другому столу, взял бланк телеграммы и, не задумываясь ни на мгновение, написал то же самое:

**«НЬЮ-ГАРРИС, БРУКЛЕНД-СТРИТ, МАДЛЕНЕ СТРЭНД.
ПРИЕДУ ШЕСТИЧАСОВЫМ. ВАЖНОЕ ДЕЛО. ТОМАС
БИРЗ».**

Затем он подписал телеграмму и понес ее сдавать, переждав, конечно, пока Том подал свою. Эта вторая телеграмма подана была на полминуты позже первой. Мадлена Стрэнд должна была получить обе одновременно.

Теперь мужчина с трубкой в зубах уже не следил дальше за Тимом; он знал, что встретится с репортером в поезде. Мужчина с трубкой опустил воротник пиджака, сдвинул шляпу назад и направился куда-то, словно совсем забыв о Тиме.

... Ровно в пять часов пятьдесят минут Тим приехал на вокзал. Он успел сдать в газету свой репортаж о разговоре с Говерсом, украсив его боевыми заголовками, успел поговорить с редактором и еще купить по

дороге несколько свежих вечерних газет. Усевшись в купе, Тим вытянул ноги перед собой, и начал читать газету.

Сразу ему бросилась в глаза свежая корреспонденция из Нью-Гарриса в газете «Дейли Телеграф»:

«Забастовка рабочих в Нью-Гаррисе приобрела неслыханные размеры. Она длится уже третью неделю, и рабочие не соглашаются на посредничество профессиональных организаций. Забастовкой руководит специальный забастовочный комитет. По нашим сведениям, забастовочный комитет является только прикрытием для коммунистической организации, которая прочно взяла в свои руки руководство забастовкой. Комитет требует от компании Говерса, чтобы та подписала соглашение о повышении зарплаты и установлении восьмичасового рабочего дня. Компания упорно отказывается подписать такое соглашение, хотя забастовка наносит ей все большие потери из-за того, что заводы не работают. Все попытки компании запустить заводы с помощью штрейкбрехеров, выписанных из соседних провинций, не дали никаких результатов, потому что рабочие бдительно охраняют завод и не пускают штрейкбрехеров. Уже было две стычки с полицией, которая пыталась разогнать рабочие патрули, которые задерживали штрейкбрехеров. Но разогнанные в одном месте рабочие патрули быстро собирались в другом и вновь изгоняли штрейкбрехеров. Все эти факты подтверждают мнение о том, что забастовкой руководит опытная рука коммунистов. Неужели правительство не видит этого? Надо решительно ликвидировать забастовку, арестовать коммунистов и командиров и дать возможность компании Говерса запустить, наконец, свои заводы».

Далее, в корреспонденции шли еще грубые ругательства в адрес коммунистов и забастовочного комитета. Но о роботах не было ни слова. Может, «Дейли Телеграф» еще не успела пронюхать о них?..

Тим положил газету и пробормотал:

— Как же, так сразу ликвидировать забастовку, разогнать патрули, арестовать коммунистов? Может и Боба Лесли так же? Э, нет, у нас в Нью-Гаррисе это сделать не так-то легко!..

— Простите, вы что-то сказали? — неожиданно услышал Тим чей-то вежливый голос.

Он поднял голову.

Напротив него, на втором диване, сидел мужчина в шляпе. Он выдохнул ароматный дым из трубки и внимательно посмотрел прямо в глаза Тиму.

— Вы что-то сказали? — повторил мужчина.

И вдруг, глаза его расширились, словно от удивления. Одновременно подскочил и Тим.

— Слушайте, черт вас побери, это же вы!.. Ты... Томас?

— Да, это я. А откуда же ты здесь, Тим?

— Вот неожиданность, — словно не слышал его Тим. — Встретились в поезде? Сколько лет не виделись — и так...

Мужчина с трубкой во рту, казалось, был очень потрясен неожиданной встречей. Он даже забыл дымить трубкой, и только удивленно качал головой.

— Куда же ты едешь?

— В Нью-Гаррис. А ты?

— И я туда же. Чего ты туда едешь?

— По делам своей газеты. Знаешь, там большая забастовка.

— И я почти в том же деле. Только я с другой стороны.

Тим недоверчиво посмотрел на собеседника:

— Что значит — «с другой стороны»? Что ты хочешь этим сказать? С какой другой стороны? Разве ты знаешь, с какой именно стороны я?

Собеседник Тима немного смутился. Однако, он быстро выкрутился.

— Видишь ли, я слышал, как ты говорил сам с собой о нью-гаррисовских делах. Итак, я понял, что ты сторонник забастовки. Ну, а я, с другой стороны, наоборот — противник забастовки.

— То есть?

— Да ты не смотри на меня такими враждебными глазами, Тим. Разве разница в политических взглядах мешает людям быть старыми друзьями? А?

— По-разному бывает, — сдержанно ответил Тим.

— Я работаю инженером в компании Говерса, — продолжал Томас. — Моя специальность, как тебе давно известно, радиотехника. Только я специализируюсь на направленной передаче радиоволн, на пересылке энергии по радио. И в этом деле кое-чего достиг. Имею некоторые... хм... ну, некоторые успехи. Надеюсь, что тебе понравятся результаты моей работы, — весело добавил он. — А ты где работаешь?

— Я же говорил: работаю в газете, «Ред Стар» называется.

Собеседник Тима покрутил носом.

— Откровенно говоря, не люблю я этой газеты.

— Потому что ты продался капиталистам, — отрезал Тим.

— Вижу, что ты такой же пылкий, как и раньше, когда мы с тобой учились в колледже, — примиряюще ответил Томас.

— Да, я не изменился. А ты, Томас Бирз, очень изменился. Значит, ты против забастовки? Может, бо-

роться против неё едешь?

— Может, и так. Но моя цель проста — увидеться с Мадленой Стрэнд. Ты давно ее видел? Встречаешься с ней?

Тим почувствовал, как краснеет его лицо. Чтобы скрыть неловкость, он наклонился, будто пытаясь поднять газету, упавшую на пол. Оттуда, снизу, он проворчал:

— Так... Иногда...

— Что же, и она тоже ... хм, красная, коммунистка? — словно не замечая поведения Тима, продолжал Бирз.

— Нет...

Бирз улыбнулся.

— Конечно, нет. Я тоже так думаю. Потому что последний раз, когда мы с ней виделись, по ее высказываниям было понятно, что она не очень пылкая поклонница забастовки. Что ж, это понятно: она трезво смотрит на вещи.

Он попытался трубкой и сухо добавил:

— Инженер знает, какая всегда получается ерунда, когда рабочие берутся не за свое дело.

— То есть? — вопросительно посмотрел на него Тим.

— Их дело — работать. А управлять предприятием и вообще жизнью — справимся и мы сами! — холодно ответил Бирз.

Тим промолчал. Он хорошо видел, что из этого разговора ничего путного не выйдет. Не было уже радости от встречи со старым товарищем по колледжу. Наоборот, ему было неприятно, что Бирз тоже едет к Мадлене.

Дальше разговор продолжался очень неудачно. Через несколько минут они и вовсе замолчали, углубившись в газеты. Бирз сбросил свой макинтош. Он был в клетчатом пиджаке, и крепко сжимал трубку в своих

зубах. Но все эти приметы, что могли многое рассказать внимательному читателю, Тиму, конечно, были ни к чему.

Поезд двигался дальше и дальше — до Нью-Гарриса, до рабочих-забастовщиков, к Мадлене Стрэнд.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РОБОТЫ ПРИЕЗЖАЮТ ЗАВТРА УТРОМ

Нам приходится немного отвлечь внимание читателя, чтобы познакомить его с Мадленой Стрэнд, о которой уже не раз упоминалось на предыдущих страницах. Кто же она такая?

Учились и дружили между собой когда-то в Джерсейском колледже трое молодых людей, достаточно разных по характеру. Тим Кроунти, первый молодой человек, был заядлый спортсмен, веселый парень, хороший организатор всяких студенческих обществ и комитетов. Томас Бирз, второй из друзей, был уравновешенный, гордый и холодный. Он никогда не выступал на собраниях, и никогда не спорил с профессорами. Дружил он с Тимом, возможно, только лишь потому, что его характеру не хватало живости и непосредственности. А именно эти свойства характера Тим мог одолжить кому угодно и сколько угодно.

Третьим другом была Мадлена Стрэнд.

Красивая девушка, умная и способная, она была родом из рабочей семьи, как и Тим. Такая же оживленная и непосредственная натура — она была, однако, гораздо более сдержанной, чем Тим. Оба — и Тим, и Томас, — ухаживали за Мадленой. Но она всегда отвечала на это шуточками и не давала преимуществ ни первому, ни второму.

Потом их пути разошлись. Тим познакомился с политическими студенческими кругами, вошел в коммунистическую организацию. Их отношения с Томасом

Бирзом приобрели сразу налет какой-то искусственности, потому что Томас относился ко всяким революционным делам откровенно враждебно.

Он говорил:

— То, что имеем мы в нашей стране, — лучший образец хорошего государственного строя. Нет смысла ломать его. Надо работать, чтобы наша страна становилась все более могущественной державой. А всякие коммунисты и анархисты способны только ломать то, что существует.

Зря Тим приводил ему пример большой Красной Страны, что смогла построить коммунистическую жизнь; страны, где коммунисты доказали, что они могут, сломав старое, хорошо построить свое, новое. Томас лишь презрительно пыхал своей трубкой.

— Глупости! Ты там был? Нет. Я тоже. И не хочу. И вообще, нечего тратить время на бесцельные разговоры. По моему мнению, на свете есть только две категории людей. Первые должны работать и повиноваться, — и вторые, что должны управлять первыми и держать в своих руках власть. Ты со своими коммунистами желаешь, чтобы категория, которая предназначена повиноваться, начала все разрушать. Для чего? Чтобы управлять самой жизнью? Не вижу смысла. Достаточно!

Он отворачивался — и разговор на этом неизменно заканчивался.

К большому сожалению, Мадлена тоже не относилась к политическим делам так, как того хотелось Тиму. Она, правда, не высказывалась так остро, как Томас Бирз. Однако, все это ее мало интересовало. Ее увлекала техника, он выбрала ту же специальность, которую выбрал Бирз, — радиотехнику. Она работала вместе с Бирзом и заметно была под его влиянием.

В конце концов, Тим Кроунти и Томас Бирз перестали встречаться. Тим переехал в столицу, где начал работать в газете «Ред Стар», иногда встречаясь с Мадленой. Но они всегда избегали разговоров о Бирзе. Тим — потому что это было ему просто неприятно; Мадлена — по чисто женской деликатности.

Мадлена работала в Нью-Гаррисе, в своей радиолaborатории. Она специализировалась на коротких волнах, и это ее интересовало больше всего.

Техника, скажем прямо, была для Тима китайской грамотой; но он всегда с искренним вниманием слушал, что рассказывала ему о своей работе Мадлена. Что поделаешь?.. Ведь Тим до сих пор подозрительно часто думал о Мадлене, и даже краснел, когда в редакции шутливо говорили о его приверженности к делам, которые требовали поездок в сторону Нью-Гарриса.

Получив сразу две одинаковые телеграммы, Мадлена задумалась. Что случилось? Почему они оба едут в Нью-Гаррис? Она знала, что Тим имеет отношение к забастовке, что он связан с рабочими организациями. Знала она также о том, что Бирз работает у Говерса и разрабатывает некое удивительное изобретение, о котором он всегда избегал говорить. Откровенно говоря, Мадлену интересовали больше дела Бирза, чем Тима.

— Не знаю, что будет, когда они встретятся, — прошептала Мадлена. — Это все равно, что вода и огонь...

Так или иначе, — Кроунти и Бирз ехали. И через час они были уже в Нью-Гаррисе.

Мадлена посмотрела в окно, что выходило на Брукленд-стрит, одну из крупнейших улиц Нью-Гарриса, которая связывала центр города с гигантским заводом Говерса. На улице было тихо, только иногда проходили, заметно спеша, одинокие люди. Проехал автомо-

биль с полицейскими. Из переулка вышел рабочий патруль и двинулся в сторону завода. Было как-то тревожно, в воздухе словно пахло грозой.

«Как же эта забастовка портит город! — подумала Мадлена. — Так было хорошо раньше, такой царил порядок. А теперь...»

Несколько тысяч рабочих оставили работу. Забастовочный комитет выбросил лозунг:

«Достаточно эксплуатации! Достаточно работать десять и двенадцать часов в сутки! Требуем восьмичасового рабочего дня, требуем увеличения зарплаты!»

Вслед за рабочими завода Говерса начали забастовку рабочие других предприятий Нью-Гарриса. Забастовочный комитет охотно принял новые рабочие отряды. Но успели собрать свои силы и администрация города, и дирекция завода, и руководящие органы округа. В город были стянуты большие силы полиции. Ходили слухи, что к городу стягивают даже войска. Но, может, это была ложь, потому что правительство, очевидно, выжидало, не теряя надежды на то, что желтым профессиональным организациям, штрейкбрехерам, повезет сорвать забастовку и помочь полиции наладить желанный «порядок».

Вдруг зазвонил электрический звонок на двери.

Мадлена открыла дверь и увидела перед собой маленького мальчика в красном галстуке.

— Простите, мисс, пожалуйста, скажите, не приехал еще товарищ Кроунти? — вежливо спросил ее мальчик.

— Товарищ? — удивленно переспросила Мадлена мальчика. — Нет, мистер (она довольно отчетливо произнесла это «мистер») Кроунти еще не приехал. Но

он должен здесь быть где-то через час. Откуда вы знаете, что он должен приехать?

— Забастовочный комитет получил об этом сообщение. Значит, еще не приехал? — мальчик задумался. — Тогда очень прошу вас передать товарищу (мальчик не менее выразительно подчеркнул слово «товарищу») Кроунти, как только он приедет, это письмо. Простите, что причиняю вам столько хлопот. Всего хорошего!

И он исчез со своим красным галстуком, оставив в руках у Мадлены сложенный вдвое листок бумаги.

«Ишь, какой упрямый!» — подумала Мадлена, и почему-то улыбнулась. Может, ей просто понравился этот мальчик-пионер; может, ей вспомнился ее маленький брат, который тоже, вероятно, носит красный галстук. Кто его знает, чему именно доброму улыбнулась Мадлена. Но она чувствовала, что мальчик понравился бы ей куда меньше, если бы он был не такой упрямый, и согласился бы назвать Тима не «товарищем», а «мистером», как поправила его Мадлена.

«Упрямый... вот такие они все, эти пионеры с красными галстуками», — подумала еще раз Мадлена и посмотрела на письмо. Оно не было заклеено: очевидно, тот, кто его писал, не делал из содержания письма особой тайны.

Что они могут писать Тиму?

Мадлена развернула лист бумаги. Там было написано торопливым резким почерком:

«Тим, друг, поспеши в забастовочный комитет. Положение очень серьезное. Говорят, что Говерс хочет натравить на нас автоматических рабочих, каких-то «роботов». Ты понимаешь, что это значит?.. Мы ждем тебя. Боб Лесли».

От неожиданности Мадлена тихо присвистнула.

— Вот тебе на! Неужели это и есть изобретение Бирза? Так вот что за важное дело, что гонит сюда их обоих? Вот интересная штука! Роботы!.. И это очень удивительно. Неужели Бирзу повезло решить эту сложную проблему?..

Глаза Мадлены засияли, она забыла о забастовке, обо всём остальном. Роботы!.. Железные рабочие, которые заменяют собой живых людей!

Необычная, смелая идея! Хоть бы скорее этот Бирз приезжал. Как интересно! И почепу до сих пор он ничего не говорил ей? Где же он?..

И, словно отвечая Мадлене, словно исполняя ее желание, снова энергично зазвонил электрический звонок. Мадлена бросилась к дверям, распахнула их. В дверях стояла высокая худощавая фигура Томаса Бирза. Он вынул изо рта свою неизменную трубку и радостно улыбнулся.

— Добрый день, Мадлена! Прежде всего, позвольте передать извинения от Тима Кроунти. Мы ехали вместе, но на вокзале его встретили какие-то подозрительные рабочие, и он отправился с ними. Сказал, что потом зайдет к вам.

Мадлена нетерпеливо прервала его:

— Достаточно об этом Тиме! Заходите скорее. Как могло случиться, что вы до сих пор не сказали мне о вашем изобретении, о роботах?

Томас Бирз подозрительно взглянул на нее.

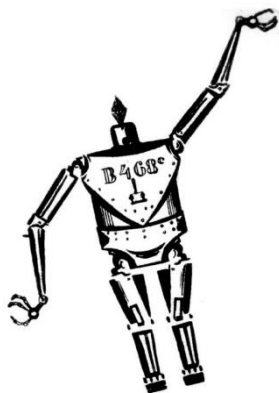
— Откуда вы узнали об этом?

Вместо ответа, Мадлена протянула ему письмо, что получила от мальчика с галстуком. Томас Бирз внимательно прочитал его и спокойно произнес, возвращая Мадлене:

— Да, это правда. Мы присылаем сюда роботов. Первая партия будет здесь завтра утром. Я приехал, чтобы поставить их на работу — а перед тем рассказать о своем изобретении вам, Мадлена. И этот Боб Лесли, что писал письмо, не ошибается. Роботы, Мадлена, это...

Он немного остановился, всосал из трубки струю горячего дыма и, выпуская изо рта седое пахучее облачко, закончил:

— Это — конец всяким забастовкам!

ГЛАВА ПЯТАЯ

БИРЗ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ РОБОТОВ

— Ты видел их, Тим? Видел собственными глазами?

Тим кивнул головой: да, видел, разглядывал своими глазами.

— Выходит, это не выдумка?

— Нет. Настоящая действительность.

В помещении забастовочного комитета было тесно и накурено. Боб Лесли, председатель комитета, сидел, жадно слушая рассказы Тима. Другие члены комитета тоже бросили свои дела, чтобы послушать его. Невнятные слухи о железных людях, о роботах, превратились в реальную угрозу. Не конец ли это забастовочному движению?..

Угроза становилась вполне реальной. Изменив своей привычке торопиться, Тим в этот раз рассказывал медленно, не спеша. И каждая его фраза, каждое его слово были насыщены напряжением, тревогой. Тим говорил о роботах.

— Он, этот робот, как будто закован в латы. Понимаете, полностью металлическая фигура. Весь с головы до ног железный. Ни одного неуверенного движения. Он идет, переставляя ноги, как человек.

— А если кто-то окажется на его пути? Обойдет? — не выдержал Боб Лесли.

— Не уверен... Не знаю...

Том вспомнил, как ему самому показалось у Говерса, что робот движется прямо на его кресло. Это было страшно!..

— Если хозяин истукана прикажет ему обойти, — мрачно сказал он, — истукан обойдет. Если же нет...

После короткой паузы голос Тима зазвенел с новой силой.

— Тогда робот раздавит своими железными ногами то, что окажется перед ним.

Все умолкли. Боб Лесли задумчиво постукивал пальцами о стол, поглядывая на Тима, и словно не решаясь что-то сказать.

Общее мнение выразил один из членов комитета, сухой, замученный болезнями рабочий, Майк Тизман.

— Вот что, ребята, — сказал он, борясь с кашлем, который всегда мешал ему говорить. — Мне кажется, что пришла серьезная беда. До сих пор мы боролись — и неплохо боролись. Но сможем ли мы дальше так же крепко держать ход событий в своих руках?.. Я не уверен в этом.

— Тим, а что думают товарищи в центре? — спросил Лесли.

Тим пожал плечами.

— Что они могут посоветовать? Деньги там собирают, и будут собирать дальше. Но никто не знает, как бороться против роботов. Единственный человек из нашего лагеря, что видел робота собственными глазами, — это я. Но я уже рассказывал вам, при каких обстоятельствах именно мне довелось видеть их.

— Не следует ли нам пойти на уступки? — нерешительно спросил Майк Тизман.

— Ко всем чертям! — словно взбесился Боб Лесли. — Уступать, лишь услышав о роботах, ничего не видя, — ерунда. А, Тим?

— Конечно, прекращать забастовку нельзя, — согласился Тим. — Мы же даже не знаем, что произойдет, когда поставят роботов к станкам. Будут ли они хорошо работать?

— Стой, Тим! — воскликнул Боб Лесли. — Ты говорил, кажется, что роботы получают энергию с помощью небольших антенн на голове?

— Да.

— Тим, это то же самое, что и радио?

— Наверно, похоже. Но что из этого?

— А то, что есть один человек, который может нам помочь. Она, по крайней мере, может хорошо понять, что это такое, в самом деле, эти роботы. Неужели ты сам не мог додуматься?

— Не понимаю.

— И человек этот — Мадлена Стрэнд. Она — радиоинженер, она хорошо знает свое дело. У тебя с ней хорошие взаимоотношения. Неужели ты не можешь попросить у нее помощи?

Тим не ответил ничего. Мелькнула мысль: конечно, Мадлена может пригодиться. Но... Ее негативное отношение к забастовке, ее знакомство с Томасом Бирзом...

— Не уверен в этом, товарищи, — наконец произнес Том. — Попробовать можно, но выйдет ли из этого что-нибудь, не знаю.

Снова наступила тишина. Все сидели, углубившись в свои мысли. Старые рабочие, что помнили не одну схватку с капиталом, — задумались. Такого врага они еще не встречали. Железные люди!..

... Когда-то этими двумя словами называли устойчивых закаленных людей, которые ничего и никогда не боятся. Так называли старых революционеров, так называли старых солдат. Теперь эти два слова приоб-

рели другой смысл: железные люди, — просто железные машины, существа, что становятся препятствием рабочему движению. Какими же стальными надо быть живым людям, чтобы победить этих железных чудовищ?..

Дверь тихо распахнулась, и в комнату вошел маленький толстенький человечек в синих очках. Он ласково поздоровался и спросил:

— Вы тут, часом, не секретничаете? Это хорошо. Мне надо что-то передать вам, забастовочном комитету, то-есть. Позвольте?

— Говорите, — небрежно ответил Боб Лесли.

Человечек снял очки, протер их аккуратно сложенным платочком, снова сложил платок и положил его так же аккуратно в карман. Потом посмотрел против света на свои очки: они были чистенькие, хотя такими были и до того, как он их протер. Далее, человечек надел очки себе на нос и вздохнул. Это был секретарь нью-гаррисского профсоюза рабочих машиностроительных заводов.

— Не тяните, пожалуйста, говорите прямо, чего вам надо. У нас есть другие дела, — не выдержал Боб Лесли.

— Говорю, говорю, — суетливо начал мужчина. — Вот уже и говорю. Положение у нас становится скверно, так сказать. Очень скверное.

— Да вы о чем именно? — переспросил Майк Тизман.

— И о вашем же положении. В связи с роботами.

Человечек в синих очках говорил мягко, убедительно, стараясь вложить в свои слова всю душевную силу.

— Уже слышали? — горько усмехнулся Боб.

— Как же, как же, слышали, — будто обрадовался мужчина в синих очках. — Идут роботы, через несколько дней, если не часов, их к работе поставят. Итак, не стоит ли, так сказать, согласиться на наше посредничество с компанией Говерса? Знаете ли, они на некоторые требования соглашаются, не на все требования, конечно, а на некоторые — но все же соглашаются. Не стоит ли это обдумать, так сказать? Потому что, знаете, роботы, это — ой, какая штука! Поставят их к станкам, и никаких штрейкбрехеров не надо. Честное слово, прямо не надо. Что же тогда вам делать? Что вы скажете рабочим массам?

Все молчали, но по разным причинам. Майк Тизман слушал секретаря с каким-то внутренним ужасом. Тима все больше раздражал этот сладенький ласковый голос. Боб Лесли — а за ним и остальные члены забастовочного комитета, — слушали, сжав кулаки, сдерживая себя, чтобы не броситься на эту отвратительную, чистенькую, аккуратную фигурку.

— Итак, давайте обсудим, — продолжал мужчина в очках, — лучше вам пойти на некоторые, так сказать, уступки, чем потом просто сдаться. Рабочие, знаете, очень раздражены. Каждый имеет семью, детей. Трудно, знаете...

— Это мы и сами понимаем, — вновь не выдержал Боб Лесли.

— Вот и хорошо, что знаете, я же так и говорю. Я только напомнить хотел, только всего. Наша профессиональная организация...

— Какая ваша профессиональная организация? Где она?.. От чьего имени вы говорите, генерал без армии? — решительно перебил его Тим.

— От имени союза... от имени рабочих-машиностроителей, — будто засомневался секретарь.

Отже, давайте обміркуємо, — від далі чоловіка в окулярах.

— Не вы говорите от их имени, а мы, забастовочный комитет.

Мужчина в очках ответил:

— И вы, и мы, я же и говорю. Наша профессиональная организация всегда готова к услугам...

— Знаем! Главным образом — к услугам капитала! — вновь перебил его Тим.

— Зачем говорить такое? — еще мягче ответил мужчина. — Для чего портить отношения? Давайте не спорить, так сказать, относительно этого. С вашей точки зрения получается так, с нашего — иначе. Однако, это не важно. Главное дело в роботах. Их думают, знаете, поставить к станкам прямо завтра...

— Откуда ты знаешь это, продажная шкура? — громко крикнул Боб Лесли.

Он раскраснелся, и еле сдерживал себя. Мужчина в очках почувствовал и сам, что сказал лишнее. Он попытался что-то сказать в оправдание, но его уже никто не слушал.

— Слышали, товарищи? — гремел Боб. — Этот мерзавец сам себя разоблачил. Он связан с компанией Говерса, он откуда-то знает, когда именно компания хочет поставить на работу своих железных чудовищ. Можем ли мы дальше разговаривать с негодяем, который продает рабочие интересы? Майк Тизман, ты, кажется, слушал его и обдумывал — не согласиться ли нам на предложения Говерса? Видишь, что получается? Нет, мы не исчерпали еще своих способов борьбы! Мистер секретарь, передайте там, где вы слышали все эти новости, что забастовочный комитет не складывает оружия. Слышали? Желаю успеха! И идите, ибо я человек не сдержанный, могу и кости попереломать!..

Но человека в очках не надо было подталкивать. Он исчез очень быстро, бормоча себе под нос:

— Сумасшедшие коммунисты!.. Сошли с ума... Боже мой!..

Боб Лесли огляделся вокруг себя. Он увидел, что настроение его товарищей резко изменилось. Теперь никто не думал о том, чтобы уступать. Глаза всех горели жадной продолжения борьбы. Видно, товарищи ждали предложения.

— Тим, слушай, что я скажу. Если что не так, скажи, — начал уже вполне спокойно Боб Лесли.

С этой минуты он вновь стал рассудительным, спокойным вожаком, который трезво оценивал положение и подчинял своей воле более слабых духом.

— Итак, товарищи, предлагаю вот что. Забастовку прекращать не будем. Рабочим надо сегодня же рассказать о новой опасности, надо созвать рабочих на завтра у заводских ворот на митинг. Надо всемерно поддерживать бодрое настроение. Наш лозунг: рабочий класс победит все препятствия. Победит он и роботов. Надо разоблачать каждого труса, высмеивать его. Смех — хорошее, крепкое оружие пролетариата. Надо рассказать всем о визите к нам этого профессионального мерзавца в очках. Пусть знают, пусть помнят, как выглядит истинное лицо этих профсоюзных чиновников, от которых уже отвернулись все честные рабочие. Этот генерал без армии, как метко назвал его Тим, теперь пытается спекулировать на нашей нищете, выступая как агент компании Говерса. Ведь больше ему ничего не остается делать, он остался один, все честные работники профессиональной организации — с нами, с массами рабочих, с единым фронтом. Только такие предатели и пытаются мешать нам. И это очень опасно, потому что сегодня этот мерзавец сладко поет, а завтра может...

Боб Лесли не закончил фразы. Дверь снова открылась. Неужели осмелился вернуться мужчина в синих очках?.. Нет. Для этого дверь открылась слишком энергично. Тим заинтересованно осматривал мужчину, который быстро вошел в комнату и остановился возле стола, властно положив на него правую руку.

Мужчина был одет в полувоенную одежду, в нечто вроде френча. У него была широкая повязка на левой руке с белым кругом и черным рогатым крестом-свастикой. Энергичное, чисто выбрито лицо сохраняло все время подчеркнуто презрительное выражение, словно мужчине было просто неприятно разговаривать здесь, с этими людьми.

«Да это же фашист!» — мелькнула у Тима молнией мысль. Но человек со свастикой на рукаве уже начал говорить, не дожидаясь вопросов, быстро и монотонно выбрасывая из себя заранее выученные слова:

— От имени организации «Боевых крестов» должен передать вам, если вы действительно являетесь так называемым забастовочным комитетом, следующие требования...

— Кто вы такой? — спокойно, но твердо перебил его Боб Лесли.

— Уполномоченный организации «Боевые кресты» Гордон Блэк, — сквозь зубы ответил мужчина в форме. — А вы, кажется, забастовочный комитет?

— Да. Что вам надо?

— Боевая организация... — опять начал уполномоченный, как бы рапортуя.

— Слышали уже, — перебил его вспыльчивый член забастовочного комитета Джорди Рундаль, — организация «Боевые кресты»... Довольно болтовни, чего вам здесь надо?

Мужчина в форме недовольно скривил лицо: оче-

видно, он не привык к тому, чтобы его перебивали. Но он начал снова:

— Организация «Боевые кресты» требует от забастовочного комитета прекращения забастовки. Иначе, организация предпримет нужные меры, направленные как против комитета, так и против забастовщиков. Работа на заводах будет восстановлена силами организации. Должен предупредить, что организация снимает с себя ответственность в случае, если комитет откажется...

Он вынужден был остановиться, потому что вдруг побледневший Боб Лесли поднял руку. Сдерживая себя, председатель забастовочного комитета проговорил:

— Это что, ультиматум?

— Если хотите.

— Да. Можете идти, мистер Как-Вас-Там. Мы не задерживаем вас. Двери открыты.

Теперь побледнел мужчина в форме. Он стиснул зубы.

— Это ответ? — процедил он угрожающе.

— Идите ко всем чертям! — рявкнул Боб Лесли. — Мистер, не забывайте, что мне очень хочется помочь вам выйти отсюда. Вот и весь ответ.

Он медленно начал закатывать рукава своего пиджака, понемногу приближаясь к мужчине в форме. Но тот не стал ждать. Быстро повернувшись, он вышел. Уже из-за двери послышалась его последняя угроза:

— Пожалеете, господа... или товарищи!..

— Мы тебе, собака, не товарищи! — воскликнул Джорди Рундаль.

Но Боб остановил его.

— Товарищи, хватит! Видите, как делаются дела? Это — первое выступление фашистских «Боевых крестов». До сих пор они не решались что-то сделать. Но

теперь... Товарищи, у них есть оружие!

Тревожная пауза подчеркнула важность его слов.

— Итак, — продолжал Боб Лесли, — мне мало что остается добавить. Смех — хорошее оружие против желтого секретаря. Но против «Боевых крестов» нужно другое оружие. Надо готовиться к серьезным столкновениям. Тим, ты сообщишь в газету: мы упорно будем стоять на наших позициях. Но нам нужна помощь. Пусть «Ред Стар» всеми средствами организует ее. Так?

Тим кивнул головой. У него мелькнула мысль: какой же сильный, закаленный человек этот Боб!

— Что можешь добавить ты, Тим?

— Немного. Прежде всего, я, конечно, попробую кое-что сделать, чтобы Мадлена Стрэнд помогла нам. Кроме того, мне нужна помощь двух или трех ребят завтра утром. Поэтому я считаю вполне возможным, что роботы, как сказал тот предатель в очках, могут появиться даже завтра. Итак, дадите мне двух крепких ребят. Товарищ Лесли дал общую установку, избежав конкретных планов. Я считаю это правильным, потому что мы не знаем еще, удастся ли вообще компании поставить роботов к станкам. Предлагаю назначить собрание забастовочного комитета на завтра, в двенадцать часов дня. Если роботы появятся к тому времени, будет что обсудить. А сегодня все члены комитета должны немедленно сообщить рабочим о новой опасности, как сказал перед этим Боб. Кроме того, я лично считаю, что нам надо серьезно готовиться к борьбе с «Боевыми крестами». Я сейчас же протелеграфирую об их выступлении в редакцию.

Предложение приняли единогласно. Сборы закончились. Тим попрощался и вышел на улицу.

Темнело. Дневная жара сменялась приятной вечер-

ней прохладой. Всей грудью вдыхая свежий воздух, Тим быстро шел к дому, где жила Мадлена. Это было недалеко, всего несколько кварталов от помещения забастовочного комитета.

Тим по дороге старался обдумать определенный план, следуя которому бы он мог надеяться добиться помощи от Мадлены. Мадлена была очень увлечена техникой вообще, вот что очень осложняло дело. Ведь неизвестно, не находится ли она под влиянием Томаса Бирза? И чем этот Бирз действительно является для нее?..

Теперь Тим жалел, что не сдержал себя в вагоне во время разговора с Бирзом. Надо было поговорить с ним, не ругаясь, извлечь из него все, что знает Бирз о роботах, все, что он знает о планах Говерса и его компании. Ведь он должен что-то знать.

— Глупый ты, Тим, до сих пор не научился сдерживаться! — обругал сам себя тихо Тим.

Ну, ничего, вот сейчас, придя к Мадлене, он докажет, что может быть деловым человеком. Если он увидит там Бирза (а это вполне возможно), он постарается хоть что-нибудь у него выведать...

Вот и коттедж Мадлены. Окна открыты, из них слышен разговор. Голоса так слышны, словно разговор идет совсем рядом... Вот голос Мадлены. Что? Что она говорит?..

— Томас, вы гениальный человек. Я не могу опомниться после того, что вы мне рассказали. Роботы — действительность? Это ведь и есть ваше выдающееся изобретение?..

Мадлена говорила взволнованно, она говорила необыкновенно мягко, словно охваченная новым чувством уважения, а может и больше?.. — к Бирзу. Том застыл на месте. Неужели он не ошибается? Бирз —

изобретатель роботов?

— Так, Мадлена, — раздался уверенный и торжественно-возвышенный голос Бирза. — Это мое изобретение. И я его приношу вам, кладу к вашим ногам, как искренний подарок от человека, который страстно любит вас... принимаете ли вы его?

Ноги Тима приросли к земле. Он почувствовал, как горячая волна пробегает по его телу, как краснеет лицо, как тяжелеют руки. Он весь напрягся: что же ответит Мадлена?

Мадлена молчала. И вновь послышался голос Бирза:

— Может, вы все еще думаете о Тиме Кроунти? Может, вы даже связаны словом? Отвечайте, Мадлена!

— Нет... — тихо ответила Мадлена.

— Забудьте о нем, Мадлена. Что может дать вам этот сумасшедший парень, увлеченный глупыми коммунистическими идеалами? Он уже проиграл свою игру, как и весь его лагерь. Забастовки уже нет, понимаете? Вы же слышали, что я говорил вам только что. Завтра утром я ставлю на работу первую партию роботов. На сцену выступают две новые силы — мои железные роботы и «Боевые кресты». Вы будете со мной, вы увидите, достоин ли я вашего доверия, достоин ли я вашей любви. Отвечайте, Мадлена!

Снова молчание.

— Большая армия сильных и нестигаемых роботов идет за мной, Мадлена. Нет больше рабочего движения. Нет никаких социальных недоразумений, не говоря уже про всякие там революции. Роботы непобедимы. Я кладу к вашим ногам эту непобедимую железную армию вместе с ее вождем, который страстно любит вас, Мадлена!..

Молчание.

Еще увереннее, еще проникновеннее звучал голос Бирза:

— Железной рукою роботов мы схватим за горло всех тех, кто осмелится противостоять нашей воле. Тяжелыми ногами роботов мы растопчем всех, кто попытается стать нам помехой. Разве вы не понимаете этого, Мадлена? Разве не захватывает вас мощь и невиданная красота этого нового чуда техники?..

Наконец Мадлена ответила. Голос ее звучал устало, он прерывался почти после каждого её слова.

— Я не знаю, Томас... мне трудно сразу ответить вам что-то определенное... Дайте мне время... Я отвечу вам... завтра... вечером. Не спорьте... я ничего более не скажу вам... сегодня...

— Но вы позволяете мне надеяться, что...

— Хватит, Томас, хватит!

Дальше Тим не стал слушать. Он повернул назад, забыв о своем желании увидеться с Мадленой. Что ему теперь делать здесь, где идут такие разговоры, где Мадлена позволяет Бирзу говорить такие вещи?

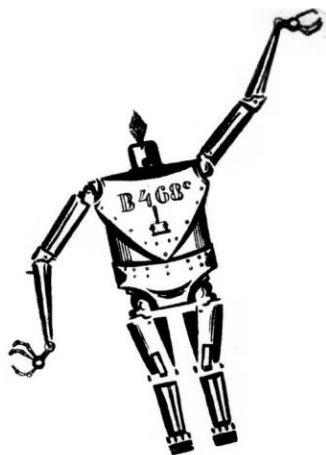
В голове Тима все перепуталось. Бирз — изобретатель роботов... Завтра он ставит к станкам первую партию? Он любит Мадлену? И она отвечает ему тем же?..

Улица стала казаться Тиму неровной, ноги спотыкались на гладкой асфальтовой поверхности тротуара. Он шатался, словно пьяный.

— Что такое, Тим? — неожиданно раздался возле него бодрый голос Боба Лесли. — Чего это ты шатаешься? Выпил, что ли? Пойдем, есть о чем поговорить, пойдем, дружище!

— Да. Пойдем, действительно, есть о чем поговорить, — механически ответил Тим Кроунти.

И через минуту обе фигуры исчезли в вечернем сиянии полумрака.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ШИРЕ ОТКРЫВАЙТЕ ВОРОТА ПЕРВОМУ РОБОТУ!

— Третий!.. Третий!

Шепот волной пробежал в толпе — и опять все стало тихо. С грохотом к воротам завода подъехал третий большой грузовой автомобиль, накрытый, как и предыдущий, широким брезентом. Никто точно не знал, что именно привозили на завод эти таинственные автомобили, которые охраняли вооруженные полицейские. Автомобили подъезжали, полисмены открывали ворота, пропуская автомобиль, и вновь наглухо закрывали их.

Рабочим, которые стояли плотной толпой на площади перед воротами завода, не удавалось увидеть ничего из того, что происходило там, за заводскими стенами. Неразрывная цепь полисменов никого не подпускала к воротам.

А за полисменами виднелась еще вторая цепь людей. Это стояли люди в форме, с широкими повязками на руках, люди, отмеченные рогатым крестом свастикки.

«Боевые кресты» впервые открыто вышли сегодня против рабочих. Правда, они пока что держали себя мирно, лишь прячась за полицейскими. Но кто знает, что будет дальше? Люди со свастикой, которые прятались позади полиции, раздражали. Однако, главное

внимание привлекали к себе таинственные автомобили, которые подъезжали к воротам завода и исчезали за ними.

Рабочие имели все основания думать, что автомобили подвозили к заводу роботов. Но — разве можно точно знать, что именно везет закрытый автомобиль?

Слухи о роботах овладели городом. От одного рабочего дома до другого бежала эта новость, угрожающая, страшная. Забастовочный комитет выполнил свое постановление, объявив рабочим о новой опасности. Но он также дал понять всем, что дело еще не проиграно, что забастовка еще не прекратилась. И тысячная толпа рабочих собралась здесь сегодня утром, созванная комитетом.

Тим был недалеко от ворот. Он нетерпеливо ждал какого-то решения дела, хотел получить ответ на основной вопрос: роботов ли привозили те автомобили, или нет? Боб Лесли стоял тоже здесь. Он сжимал кулаки, видя уверенную недвижимость полисменов и цепь «Боевых крестов» за ними.

Двое полицейских уже начали открывать ворота, как раздался еще один громкий сигнал автомобиля. Тим оглянулся. К тяжеловозу подъехал небольшой красивый легкий автомобиль и остановился. Из него выпрыгнул Томас Бирз. На лице его была печать раздражения; он громко позвал к себе сержанта полисменов.

— Ерунда! — услышал Тим голос Бирза, такой ненавистный ему со вчерашнего вечера. — Я вам говорю, ерунда! Разве так выполняют приказ? Кто приказал вам заводить автомобили во двор? Кто, я вас спрашиваю?

Полисмен беспомощно показал рукой на рабочую толпу: мол, вы же сами видите опасность.

— Ерунда! — кричал Томас. — Именно поэтому и надо было точно выполнить приказ. Вы будете отвечать, сержант. Вы сорвали нам первый психологический эффект. Черт знает что!

Затем он остановился, словно вспомнив о чем-то, и вернулся к автомобилю. За стеклом окна машины Тим, не веря своим глазам, увидел знакомое лицо Мадлены. Оно было какое-то бледное, напряженное. Бирз что-то сказал Мадлене, она кивнула головой — безвольно и механически.

— С Мадленой, кажется, дела плохи, Тим, — тихо проговорил Боб. — Вряд ли она будет помогать нам.

Бирз, тем временем, вновь вернулся к грузовому автомобилю. Решительным движением он сам отбросил брезент с одного края — и толпа зашумела, сначала тихо, потом все громче. За высокими бортами матово сверкали огромные железные фигуры странных чудовищ, которые лежали друг на друге вдоль всего автомобиля.

— Роботы!.. Железные чудовища! — побежал в толпе шепот.

Да, это были роботы. Слухи оправдывались. Тим сразу узнал чудовищ, родных братьев того робота, которого он видел во время своего интервью с Джонатаном Говерсом. Те же металлические фигуры, чем-то напоминающие средневековых рыцарей, закованных в блестящий панцирь, те же причудливые серебряные антенны на головах.

— Они? — горячо спросил Боб.

— Они, — коротко ответил Тим.

Бирз вынул из кармана какой-то небольшой аппарат и положил его на крыло автомобиля. От аппарата шли провода, связанные с наушниками, которые Бирз надел на голову. Затем он достал маленькую черную

плоскую коробку овальной формы. Ее он держал в руке, внимательно прислушиваясь.

Тысячная толпа молча следила за каждым его движением. Было слышно, как работал незаглушенный мотор автомобиля, на котором приехал Бирз.

Наконец, Бирз снял наушники.

— Так, — сказал он, облегченно вздохнув. — Все в порядке. Сержант, дайте сюда четырех ваших людей. И самых сильных.

Четверо полицейских подошли к автомобилю. Это были действительно крепкие, коренастые полисмены. Они поглядывали на Бирза с недоумением.

— Хорошие ребята, — сказал он, внимательно осмотрев их. — Берите верхнего робота и аккуратно ставьте его на землю. Слышите? Как человека, ставьте на ноги.

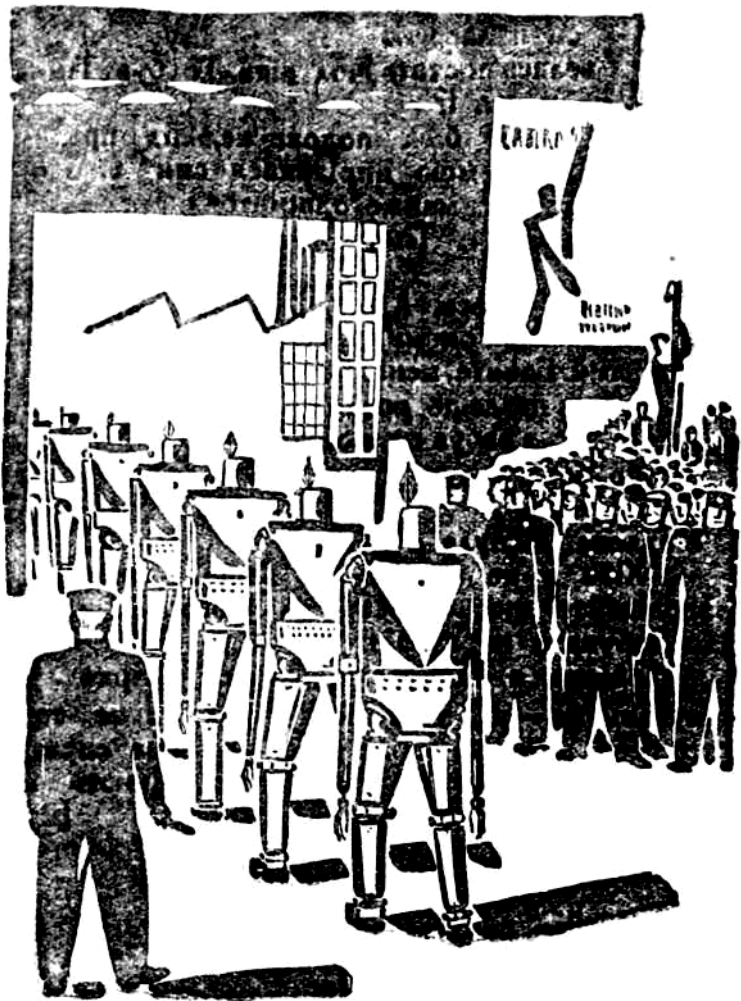
Казалось, толпа не дышала. Каждый боялся не услышать хоть слово; вытягивая шею, каждый старался не пропустить ни одного движения полисменов. Вот, те осторожно подняли верхнего робота. Сделали они это неожиданно легко, потому что казалось, что робот должен весить значительно больше.

— Пожалуй, дюралюминий, — услышал Тим голос Боба Лесли.

Полицейские поставили робота на ноги, боясь выпустить его из рук, чтобы тот не упал. Снова они посмотрели на Бирза с недоумением.

— Отпустите, — приказал тот. — Отпустите! Он будет стоять.

И действительно, робот неподвижно встал на свои железные ноги. Томас Бирс подошел к нему и поспешно повернул выключатель на груди робота. В тот же миг робот словно выпрямился и сделал шаг вперед. Толпа замерла.

А роботарі все йшли та йшли.

Робот переступил на вторую ногу, поднял первую — и ровно и тяжело двинулся к воротам. Шаг за шагом шел он, четко поднимая ноги, и тяжело, со странным грохотом ставя их на землю. Бирз блестящими глазами следил за ними.

— Отворите шире ворота! — крикнул он, наконец. — Шире открывайте ворота первому роботу, первому нашему железному рабочему!..

Робот так же ровно прошел ворота и исчез во дворе. Толпа пододвинулась к воротам, чтобы увидеть, куда пойдет робот дальше. Но полисмены и «Боевые кресты» плотно заступили дорогу.

— Назад, назад! Ни шагу дальше!

Полисмены уже снимали с автомобиля второго робота. Он также пошел к воротам. За ним третий, четвертый, пятый. Бирз позвал к себе сержанта.

— Вот что, сержант, — сказал он. — Я поеду на завод ставить роботов к станкам, а вы, пожалуйста, следите за порядком. Пусть смотрят все, кто желает. Но — ни шагу к роботам. Ведь у вас же есть определенные инструкции? Помните, что вы обязаны, какими хотите способами, поддерживать порядок. Люди хорошо вооружены? Это хорошо. Роботов запускать будет этот техник.

Он подтолкнул вперед маленького мужчину в синей спецодежде, что приехал вместе с ним. Затем он сел к рулю своего автомобиля и медленно поехал к воротам.

Тим не выдержал: лицо Мадлены проплывало за стеклом окна в шаге от него. Он оттолкнул полисмена, что стоял перед ним, и громко позвал:

— Мадлена!..

Бирз оглянулся. Он заметил Тима и остановил автомобиль. Лицо его искривилось. Но он важно сделал

полисменам, что уже схватили Тима, знак отпустить его и с ироничной улыбкой произнес:

— К большому сожалению, не могу взять тебя с собой. Потому что мои роботы очень не любят красного цвета. А ты доказал мне вчера, что ты такой же красный внутри, как рыжий снаружи. Ведь так?

И, совсем не пряча насмешливой своей улыбки, он поехал дальше. За стеклом окна обозленный, обиженный Тим увидел мрачное лицо Мадлены. Глаза ее были грустны, она смотрела прямо перед собой, словно не слышала ни возгласа Тима, ни наглого насмешливого ответа Бирза.

А вслед за автомобилем Бирза один за другим шли роботы, шли тяжелыми железными шагами. Вот раздался грохот новых грузовых автомобилей: к заводу подъезжали все новые и новые партии железных чудовищ. Толпа загудел:

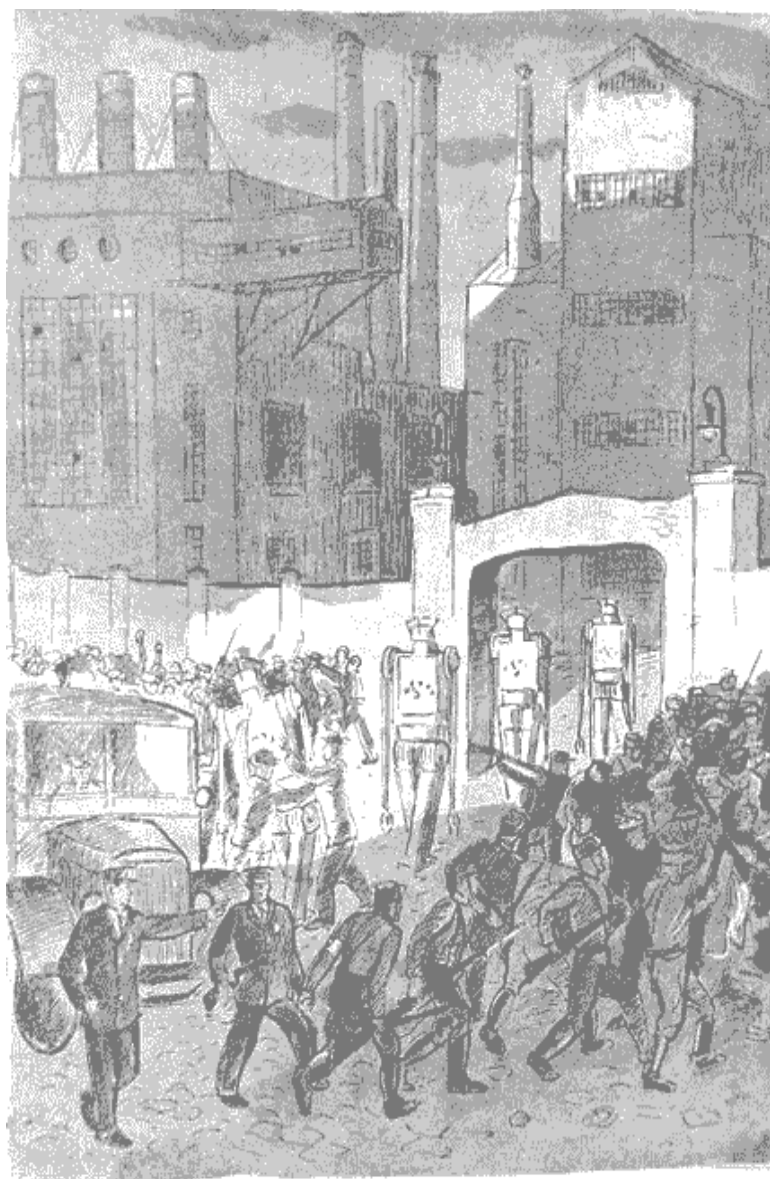
- Железные штрейкбрехеры!
- Говерс объявил нам войну!
- Вон роботов!
- Они отбирают у нас последний кусок хлеба!
- Прочь!

Толпа окружила грузовой автомобиль, с которого полицейские снимали очередную железную уродину. Техник в спецодежде испуганно ахнул:

- Сержант!..
- Этот возглас утонул в четкой команде:
- Отряд, вперед!

Полисмены расступились. Из-за их цепи вышли шеренгами по четыре штурмовики «Боевых крестов». Они шли как на параде, далеко выбрасывая ноги. Они держали винтовки дулами вперед. Толпа рабочих загудел с новой силой.

- Фашисты! Фашисты защищают роботов!

А робогарі йшли від вантажних автомобілів до воріт заводу

Винтовки были угрожающе направлены на людей. Передние ряды рабочих отшатнулись назад.

— Назад! Назад! — раздался звонкий голос командира штурмовиков, что стояли возле автомобиля. — Назад! Иначе будем стрелять!

— Мерзавцы! — не выдержал кто-то в толпе.

Но дула винтовок передней шеренги «Боевых крестов» почти уперлись в грудь рабочих. Черная сталь дул сверкнула прямо перед глазами.

— Назад! — раздался вновь голос командира.

Толпа не отступала. Штурмовики видели перед собой угрожающие бледные лица рабочих. Еще мгновение, и наступление «Боевых крестов» остановилось бы. Но прозвучала новая команда:

— Приготовиться к стрельбе!

Сухим металлом щелкнули затворы винтовок, что смотрели в грудь рабочих. Во внезапной тишине испуганно вскрикнула какая-то женщина. И вдруг, передние шеренги рабочих нажали назад. Толпа рабочих начала отступать. А холодные дула винтовок следили за ним, захватывая каждый сантиметр площади перед воротами, который освобождали рабочие.

— Продажные собаки! Сколько за каждый шаг получаете? — насмешливо раздался сзади звонкий женский голос.

Однако, фашисты, словно ничего не слыша, выдавливали толпу все дальше и дальше, не опуская винтовок. Наконец, они остановились.

А роботы шли от грузовых автомобилей до ворот. Они ничего не слышали, ничего не видели, они слепо выполняли приказ своего хозяина...

Тем временем, к сержанту подошел какой-то маленький человечек. Он что-то сказал сержанту; тот, соглашаясь, кивнул головой. Тогда мужчина повернул-

ся к толпе и поднял руку. Тим сразу узнал его: это был секретарь в синих очках, который вчера приходил на заседание забастовочного комитета.

Тим посмотрел на Боба.

— Вот мерзавец! Неужели будет и тут птичкой распевать!

Мужчина в синих очках подождал, пока на него обратили внимание, и начал:

— Товарищи, позвольте мне, старому, опытному, так сказать, рабочему, который несколько лет уже охраняет ваши интересы, сказать вам кое-что.

— Не надо! Чьи ты интересы охраняешь? — воскликнул кто-то позади.

Тим узнал голос: это был Майк Тизман.

— Нет, товарищи. Я спрашиваю весь рабочий класс, а не коммунистов. С ними вообще я не хочу разговаривать, потому что они предали рабочее дело, втянули вас в эту несчастную забастовку, — продолжал мужчина в очках, очевидно, подготовившись ко всему. — С коммунистами я, представитель профессиональной организации, не хочу разговаривать...

— И от кого ты представитель? Кто тебе поручал, когда за нас всех говорит забастовочный комитет, говорит единый фронт? — насмешливо прозвучал голос из толпы.

Но мужчина словно не слышал ничего. Он продолжал:

— Так и знайте, с коммунистами просто не буду разговаривать. Потому что они предатели, эти коммунисты...

— Да, предатели! — неожиданно раздались голоса вокруг выступающего.

Кто это? Это отозвались штурмовики. «Боевые кресты» стояли возле автомобилей. И еще кое-кто подо-

шел поближе к ним — двое-трое пожилых и пятеро-шестеро молодых людей, все в белых воротничках и шляпах. Это были служащие компании, напуганные событиями клерки. Боб толкнул Тима.

— Вот тебе гвардия Говерса: фашистский отряд штурмовиков, клерки, похожие на цыплят, и еще предатель из профессиональной организации.

А мужчина в очках, ободренный помощью от своих сторонников, продолжал еще настойчивее:

— Коммунисты — предатели, как вот только что подтвердили сознательные рабочие, которые имеют трезвый ум и правильно относятся к событиям. Коммунисты ведут вас в пропасть, отдают вас на избиение полисменам и штурмовикам.

— То-то ты так крепко и стоишь в окружении этих самых полицейских и фашистов! — снова отозвался тот же голос из толпы.

— Я стою, потому что я сторонник порядка, который они защищают, — ответил мужчина. — Мы, профессиональная организация то есть, всегда стояли за порядок. Мы говорили вам: не надо этой забастовки, потому что с компанией можно договориться мирно, так сказать, конечно, если не выдвигать невыполнимых требований. Или не так? А коммунисты, эти всякие Бобы Лесли и Майки Тизманы, тащили вас в пропасть. Теперь мы снова обращаемся к вам: хватит сходить с ума, возвращайтесь к честному труду. Мы договоримся с компанией. Вы сами видите, что такое роботы, это угроза для вас. Ведь компания сможет поставить их, сколько захочет, на завод вместо рабочих. Что вы тогда будете делать? Просить работы, а компания ответит: «нам не надо, потому что у нас работают роботы», не так ли? Итак, долой забастовку! Хватит верить коммунистам, надо понять все, пока не поздно.

Толпа вновь загудела. И неожиданно для самого себя, Тим закричал:

— Товарищи, дайте сказать! Товарищи...

Мгновенно он оказался высоко над землей, потому что его подняли соседи и поставили себе на плечи.

— Говори, говори, Тим, — ободряюще воскликнул Боб Лесли.

— Товарищи, мы достаточно хорошо знаем этого мерзавца, что нам сейчас пел сейчас, — начал с пылом Тим. — Вчера он приходил к забастовочному комитету и предлагал свое посредничество между комитетом и компанией Говерса. Мы выгнали его, потому что он сам разоблачил свою продажность. Он еще вчера знал, что именно сегодня на завод привезут роботов. Откуда он знал это? Ему сообщила компания. Вся эта задумка с роботами имеет только один смысл: компания хочет любыми средствами повлиять на нас, чтобы сорвать забастовку. Если бы на самом деле было бы так, как говорит этот негодяй, если бы компании выгодно было бы поставить вместо рабочих к станкам этих железных чудовищ, — неужели вы думаете, что тогда компания направила бы к нам профессионального мерзавца, чтобы уговаривать бросить забастовку?.. С какого это времени Говерсова компания так заботится о наших интересах? Ерунда! Компания сама не уверена, что с роботами что-то получится, что они будут стоить дешевле, чем живая рабочая сила? Итак, не слушайте советов продажных профессионалистов, верьте единому фронту, верьте коммунистам, которые страдают и борются вместе с вами и ведут вас к окончательной победе над капиталом.

— Молодец, Тим!

— Долой продажных собак, которые срывают забастовку!

— А кушать что будем?..

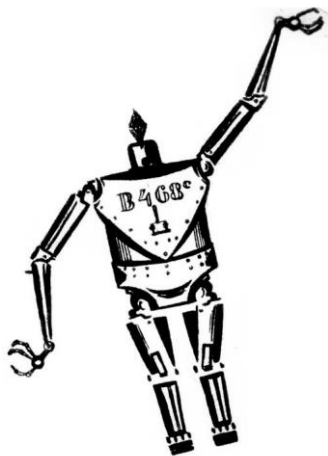
Тим услышал это острый вопрос.

— Товарищи, — отозвался он, — я забыл сказать, что газета «Ред Стар» собирает и дальше средства на поддержку забастовщиков. Деньги есть, немного, конечно, но бояться нечего. Давайте не волноваться, переживем несколько дней. Пусть роботы докажут нам, что они могут работать по двенадцать часов в сутки, как работали вы. Пусть докажут они, что содержание их обойдется компании Говерса дешевле той зарплаты, которую требуем мы. Я уже не говорю ничего о расходах компании на содержание этой фашистской организации «Боевых крестов», представители которой, в белянских воротничках, осмеливаются обвинять коммунистов в предательстве. Пусть сами рабочие скажут, кто предаёт их интересы: коммунисты, которые упорно бьются в первых рядах забастовщиков, или те негодяи, которые угрожают нам полученными от полиции винтовками?

Толпа бешено загудела: последние фразы Тима словно зажгли пламя.

— Долой фашистов! Долой подлецов!

Полицейские вместе с «Боевыми крестами» были начеку. Вновь зловеще щелкнули затворы винтовок, вновь холодные дула были направлены в сторону рабочих. И не только Тим и Боб Лесли сцепили яростно зубы: со сжатыми кулаками, с мрачными лицами шаг за шагом отступали рабочие под натиском вооруженных фашистов...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕДЬ ВЫ ИНЖЕНЕР, МАДЛЕНА.

Автомобиль, в котором сидели Томас Бирз и Мадлена Стрэнд, проехал непосредственно к главной конторе завода. Мадлена удивленно взглянула на Бирза, выходя из автомобиля.

— Почему мы приехали в контору? Ведь вы хотели, кажется, показать мне роботов, а не заводских клерков?

Бирз усмехнулся.

— С вашего разрешения, я только сделаю некоторые распоряжения. Это нас не задержит, будьте уверены. Только на одну-две минутки я прошу вас зайти в мой кабинет. Прошу вас, Мадлена!..

— Ну, хорошо.

Быстрыми шагами Мадлена поднялась по широкой лестнице на второй этаж, в бывший кабинет главного инженера завода, где теперь находился кабинет Бирза. Бирз шел позади нее, на расстоянии нескольких шагов, внимательно следя за походкой Мадлены — свободной, независимой и смелой. Зубы его были сжаты, он словно чего-то ждал.

И почти одновременно с тем, как на лице Бирза появилась торжественная улыбка, которая раздвинула его стиснутые до того зубы, — почти одновременно с этим Мадлена внезапно остановилась и схватилась ру-

ками за перила. Ее голос прозвучал как-то особенно тревожно.

— Томас, это же ваш робот! Чего он здесь стоит?

У дверей кабинета стояла громадная металлическая фигура. Она стояла неподвижно, как мертвая статуя, как стоят в музеях металлические фигуры рыцарей в броне. Короткий цилиндр-колпак был у нее вместо головы. И на нем — странное серебряное полукружье, нимб спиральной антенны. Никакого движения, тяжелый непоколебимый покой в длинных руках, опущенных вниз, в коротких толстых ногах, на которые твердо опиралось широкое туловище с большим рубильником-выключателем на груди.

И только в маленьком овальном окошке на цилиндре-голове что-то светилось беспокойным вибрирующим оранжевым светом. Словно что-то кипело и пыталось выплеснуться наружу. Это странное огненное око заставляло вспомнить о сказочных одноглазых гигантах-циклопах из древних мифов...

Мадлена отступила на шаг назад. Не отрывая широко открытых глаз от металлического чудовища, нового механического циклопа, она произнесла:

— Чего он... он стоит здесь? Томас, какой он страшный!..

Бирз еще раз улыбнулся — криво и саркастически. Но ответил кротким, ласковым голосом:

— Пусть вас это не беспокоит, Мадлена. Это мой слуга. А все мои слуги всегда к вашим услугам, Мадленочка. Вот смотрите, какой он предупредительный, этот механический слуга. Разве он не лучше живого человека?

Говоря так, Бирз взял Мадлену под руку, и вежливо, спокойно, но твердо провел ее вперед, к роботу.

Мадлена сделала всего два-три шага до двери и остановилась.

Словно видя ее, словно чувствуя ее приближение, робот неловким движением поклонился ей, склоняя вниз свое тяжелое туловище и опуская длинные руки так низко, что они коснулись пола. Потом он выпрямился, медленно поднял руку и надавил ею на дверь, та широко распахнулась.

Бирз громко рассмеялся.

— Ну, разве не замечательный швейцар? Как поклонился, а? Как дверь открыл! Смотрите, он даже просит вас зайти.

Действительно, робот второй рукой сделал широкий жест, словно приглашая зайти в комнату. Он застыл в этом движении, держа дверь открытой.

— Ну, прошу, Мадлена! Повторяю, только на одну минуту, — говорил Бирз.

Его лицо вновь стало мрачным, улыбка исчезла с него.

Мадлена осторожно прошла мимо робота, не сводя с него глаз. Он оставался неподвижным. Но, едва они вошли в кабинет, как робот, будто увидев это, опустил руку вниз. Двери мягко закрылись, не поддерживаемые более железной рукой.

— Нравится, Мадлена? — спросил Бирз.

Мадлена ответила честно.

— Лучше без такого чудовища. Я лично отдам предпочтение живому швейцару.

Бирз вновь улыбнулся.

— Привыкнете, Мадленочка. Это только сначала, пока для вас это в новинку. А потом... потом вы привыкнете к мысли, что все эти механические люди существуют для вас, готовы к вашим услугам, готовы выполнить первые попавшиеся ваши желания, потому

что они — мои слуги, мои рабы... они у ваших ног так же, как у ваших ног, Мадлена, и я сам!..

— Томас, вы обещали мне не говорить пока о ваши чувствах, — перебила его Мадлена.

— Но вы позволили мне надеяться...

— Только не сейчас... в другой раз.

Мадлена мягко положила руку на плечо Бирза. Ее глаза смотрели на него с просьбой. Томас Бирз вежливо поклонился.

— Ладно, пусть будет по-вашему. Садитесь, прошу вас. Я только позвоню по телефону.

Он снял трубку громкоговорящего телефона. Через секунду, голос из громкоговорителя сказал:

— Станция управления роботами слушает.

Бирз недовольно скривил лицо.

— Простите, Мадлено. Я забыл выключить громкоговоритель, вам ведь не интересно слушать эту беседу.

Мадлена безразлично махнула рукой.

— Делайте, как хотите.

Бирз повернул рукоятку, которая выключала громкоговоритель. Теперь Мадлена слышала только его голос — уверенный, властный голос, который приказывал:

— Система восемнадцать, буква «К». Контакт четыре. Управление моим карманным генератором. Проверьте прием.

Он вынул из бокового кармана небольшую черную плоскую овальную коробочку с блестящими кнопками, и нажал одну из

них.

— Да? Правильно, значит, все в порядке. Так, настройте и оставьте до моего сигнала. Все.

Бирз положил трубку на аппарат и обратился к Мадлене вновь таким же вежливым тоном:

— Все готово, Мадлена. Могу продемонстрировать вам моих роботов. Не одного лишь слуги, который — вот видите? — вновь открывает перед нами двери, а десятков роботов, что ждут нас.

Они вышли из кабинета. Мадлена, невольно, уже на ступеньках огляделась: робот вновь стоял неподвижно, как статуя. И только огненное окошко на его голове жило какой-то своей, непонятной, странной жизнью.

Издали доносились раздраженные возгласы рабочих и крики полисменов. Стычка перед заводом все еще продолжалась. Бирз нахмурился: это было неприятным осложнением. А впрочем — разве не сам он решил организовать сегодня этот торжественный приезд и марш роботов через заводские ворота? Пусть рабочие, пусть все забастовщики посмотрят на железных штрейкбрехеров. Это неплохой способ психологического воздействия!

Мадлену поразило почти полное безлюдье на заводе. Пустые цеха, огромный пустой двор, пустые проходы между цехами. Лишь кое-где можно было заметить отдельные человеческие фигуры. Это были или смотрители — представители особой структуры, внутризаводской полулегальной полиции, или настоящие полисмены, что проходили, осматривая двор, как бдительные стражи.

Далеко с левой стороны что-то металлически сверкнуло и исчезло за углом. Робот? Ведь именно в той стороне заводские ворота. Мадлена вопросительно взглянула на Бирза. Но тот смотрел в другую сторону, набивая табаком свою неизменную трубку. Поэтому Мадлена задала совсем другой вопрос.

— Куда мы сейчас идем?

Бирз впервые улыбнулся весело, даже шутливо.

— В общежитие роботов.

А так как Мадлена посмотрела на него очень удивленно, то он добавил:

— Ведь я сегодня еще не ставлю роботов к работе, к станкам. Для этого им нужно немного «отдохнуть». Вот роботы и идут в свое «общежитие», где должны пожить до завтрашнего дня. Ну, не сердись, Мадлена, это я, конечно, шучу. Просто — мы идем в цех, где пока поставлены роботы. Однако, вот мы уже и пришли.

Возле больших дверей здесь стоял уже не робот, не металлический человек. Двое смотрителей, двое людей в форменных куртках компании Говерса стояли при входе в цех. Они четко поднесли ладони к кепи, увидев Бирза, который спросил у них:

— Все в порядке?

— Да, мистер Бирз, — ответил один из смотрителей.

— Прошу, мисс Стрэнд, — поклонился Бирз, показывая Мадлене на дверь и приглашая ее войти.

Переступив порог, Мадлена не смогла сдержать возгласа удивления, смешанного со страхом. Действительно, это было необычное, странное зрелище.

Большие электрические лампы заливали ярким белым светом все уголки большого цеха, посередине которого ровными шеренгами по четыре в ряд стояли гигантские железные чудовища, стояли роботы. Они были похожи друг на друга, как две капли воды. Глаз не в состоянии был отличить их чем-то друга от друга. Только крупные четкие цифры на груди каждого давали возможность заметить, что все эти чудовища были одного выпуска, одной серии, сделанные один вслед за другим. Номера шли подряд:

В 460 «С»,

В 461 «С»,

В 462 «С»,

В 463 «С», — и так далее, вплоть до 475 «С». Тогда начиналась дальнейшая серия — «D», в которой было так же пятнадцать номеров. Роботы стояли ровными шеренгами, ожидая приказаний.

Застыв на месте, Мадлена смотрела на них.

Тем временем, Томас Бирз властно выступил вперед. Он держал в руках только что вынутую из кармана, уже знакомую Мадлене черную плоскую коробочку с кнопками. Вот он оглянулся на Мадлену. На лице его сияла улыбка уверенного в себе победителя.

— Прошу, Мадлена. И, если после этого вы не убедитесь, что это мои рабы, я просто не поверю вам. Ведь вы — инженер, Мадлена, вы понимаете красоту механического чуда.

Он поднял руку и громко воскликнул:

— Привет, ребята!

Вместо ответа — роботы, как один, протянули вперед и вверх правые руки, словно приветствуя своего хозяина.

— Опустите руки!

Роботы вновь опустили руки; ни секунды задержки не заметила Мадлена.

— Три шага вперед! — раздался голос Бирза.

Со скрежетом, словно это передвигались танки, тяжело ступая, отряд металлических ужасных гигантов сделал три шага вперед по направлению к Бирзу и остановились.

— Но... но разве они могут слышать вас, Томас? — удивленно проговорила Мадлена.

— Скоро всё узнаете, Мадлена, всё, — хриплым, немного напряженным голосом ответил Бирз.

И почти сразу он воскликнул вновь:

— Ну-ка, пошли прогуляться, ребята! Вокруг меня, вокруг меня!

Как во сне, Мадлена видела: один за другим двигались вперед роботы, высоко поднимая ноги и медленно помахивая в такт шагам длинными руками. Они шли чередой один за другим, образуя круг вокруг Бирза и Мадлены. Они приближались к двум живым людям, что стояли в центре круга. Мадлена со страхом заметила, что круг начал заметно сужаться.

— Э, нет. Шире круг, шире! — воскликнул Бирз.

Почти сразу круг стал заметно шире. Но Мадлена, чрезвычайно испуганная, прижалась от страха к Томасу. Она едва сдерживала нервную дрожь.

— Хватит, Томас, хватит, — шептала она, прижимаясь к плечу Бирза. — Я верю вам, верю... Достаточно!

Однако, Бирз словно не слышал ее. Восторженно, как сумасшедший, он горящими глазами следил за ритмичными движениями роботов, которые кружили вокруг него. Он взмахивал руками в такт их походке, он был в эту минуту не менее страшен, чем эти ужасные машины, — он, ранее всегда выдержанный и спокойный Томас Бирз! Он следил за передним роботом, поворачиваясь вокруг себя и неотрывно вглядываясь в его движения.

— Достаточно, Томас... достаточно... Я не могу больше... — уже совсем бессильно повторила Мадлена, почти потеряв надежду повлиять на Бирза.

Он не слышал ничего, он был увлечен созерцанием своих творений, изобретенных им механических людей.

Только теперь Мадлена заметила, что пальцы Томаса Бирза

легко, играючи касаются кнопок загадочной черной плоской коробочки. Так играет музыкант на аккордеоне — только музыкант играет ритмично, в темпе мелодии. А пальцы Бирза выбивали совсем другой

ритм, не совпадающий даже с ритмом походки роботов.

Невольно Мадлена отметила определенную последовательность в движениях пальцев Бирза. Эта последовательность почему-то напомнила Мадлене азбуку Морзе. Будто Бирз пересылал какие-то сигналы.

И вдруг Мадлена поняла: ведь из своего кабинета Бирз говорил по телефону: «буду руководить через мой карманный генератор...» Эта коробочка — автоматический генератор. Вот оно что!

Опытный инженер-радиотехник, Мадлена Стрэнд начинала понимать суть дела. Роботами управляют при помощи условных радиосигналов. Теперь она смотрела уже не на роботов, а на маленький загадочный генератор в руках Бирза. Вот где секрет управления этими ужасными созданиями!

Но вот, Бирз остановился. Он, казалось, заметил неотрывный взгляд Мадлены, которая следила за движениями его пальцев. Быстрым движением он отвернулся, спрятав коробочку генератора за собой.

Через две-три секунды роботы внезапно остановились. Они замерли в разных позах. Это напоминало странную картину, как если бы в кинофильме пленка перестала двигаться — и люди, которые только что двигались и жили на экране, застыли неподвижными мертвыми силуэтами, как на фотографии.

Во внезапной тишине голос Бирза прозвучал резко и настойчиво:

— Кажется, Мадлена, места для сомнений не остается. Что вы скажете мне теперь?

— Вы — гениальный изобретатель, Томас, — тихо ответила Мадлена.

— И это все?

— Пока. Мы не закончили осмотра. Я хочу еще посмотреть, как ваши роботы будут работать. Можно будет это сделать?

— Завтра я к вашим услугам. Завтра, ибо я ставлю, как уже сказал вам, роботов к станкам только завтра.

— Значит, и я отвечу вам завтра, — полуиронично произнесла Мадлена, уже окончательно овладевшая собой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВЕДЬ ВАШ ОТЕЦ – РАБОЧИЙ, МАДЛЕНА!

Прошел еще один день. Мадлена возвращалась домой одна. Томас Бирза остался на заводе, чтобы встретить вторую партию роботов. Несколько часов пробыла Мадлена на заводе и сегодня, глядя на работу механических людей у станков. И она действительно увидела непобедимую силу изобретения Бирза.

Мадлена шла по улице быстрым шагом; и ей все время мерещились железные фигуры роботов. Необычное, никогда не виданное зрелище!

Роботы стояли около станков и работали. Четкими машинными движениями они поднимали руки, брали какую-нибудь деталь, закрепляли ее в станке, пережидали, пока станок обработает ее, — и затем доставали уже обработанную деталь из станка и клали ее в ящик с готовой продукцией.

Конечно, им не хватало человеческого сознания, Мадлена хорошо это видела. Например, иногда робот клал на станок деталь боком — потому что она так лежала раньше, так ее неправильно положил перед роботом человек-смотритель. Станок, конечно, калечил деталь, — однако робот, не замечая этого, брал бракованную деталь и клал вместе с хорошими.

— Ничего не поделаешь, машина, — пояснил Мадлене Бирз. — Нельзя машину научить сознательно относиться к вещам. А впрочем, для нас достаточно и того, что роботы точно выполняют несложные приказы. Мадлена согласилась.

Но вскоре она утомилась. Надо было иметь слишком крепкие нервы, чтобы спокойно находиться среди роботов. Ужасала машинная четкость их движений, и не было уверенности, что робот вдруг не подойдет и с такой же четкостью не задушит человека своими сильными руками.

Почему-то Мадлене вспомнилось, как она когда-то посещала с осмотром психиатрическую лечебницу. Больные стояли, сидели, лежали по палатам. Врач, что показывал Мадлене больницу, что-то рассказывал ей про болезни, о методах лечения больных. Но Мадлена не слышала почти ничего. Ее поразили странные взгляды больных.

Они смотрели не на нее, а куда-то вдаль, далеко-далеко, сквозь находящихся рядом людей, сквозь Мадлену. Казалось, они не видели ее, казалось, они внимательно созерцали что-то неизвестное, находящееся за ней, будто она была совершенно прозрачна для их лихорадочного взгляда.

И неизвестно было, останется ли больной в следующую минуту спокойным, или сделает что-то такое, чего никто и не ждал от него... Полная неизвестность ближайшего будущего — вот то, что показалось тогда Мадлене самым страшным.

И что-то вроде этого почувствовала Мадлена и здесь, возле роботов. Она удивлялась и сама: ведь — что схожего между психически больными людьми и усовершенствованными машинами, роботами?.. Но это

было так. Мадлена, немного колеблясь, сказала об этом Томасу Бирзу. Тот улыбнулся.

— Странное, странное впечатление, Мадлена! Ведь в моих роботах, напротив, можно быть уверенным всегда, в каждую следующую минуту. Они всегда будут делать только то, что я прикажу им через мой передатчик. Понимаете — я! И никто другой. Как же могли бы они сделать что-то неведомое мне, неожиданное для меня, непредвиденное мной? Нет, такого не может быть. Правда, ты, чучело?

Бирз шутливо хлопнул ладонью по спине ближайшего от них робота. Послышался странный звук — будто кто-то ударил по железному ящику, где хранились музыкальные инструменты. Робот ответил на удар длинным тихим эхом — словно зазвучало что-то у него внутри.

А руки его все так же четко работали: принимали деталь из ящика, закрепляли ее в станке, и доставали, когда станок заканчивал обрабатывать деталь...

Вспоминая об этом, Мадлена вздрогнула: как ужасно, когда машина приобретает сугубо человеческие свойства и внешний вид. И она вздрогнула еще раз: в вечерней тишине ей почудился голос Бирза, который уверенно говорил:

«Железными руками роботов мы схватим за горло всех тех, кто осмелится противостоять нашей воле. Тяжелыми ногами роботов мы растопчем всех, кто попытается стать нам помехой!..»

Это были его слова. Слова расчетливого, самоуверенного, жестокосердного человека. Действительно, не растоптали бы роботы уже сегодня всякого, кто попытался бы остановить их движение? Мадлене вспомнились бледные лица рабочих, которые она видела сквозь окно автомобиля. Почему-то вспомнился Тим.

Почему это он так и не зашел к ней? Может, не хотел ее видеть? Но тогда почему он бросился вчера утром к автомобилю?

Углубившись в свои думы, Мадлена вошла в свою квартиру, — и остановилась на пороге своей рабочей комнаты. Навстречу ей из кресла поднялся человек. Это был Тим — но в каком виде?

Лицо его было поцарапано, под правым глазом темным пятном выделялся кровоподтек, один рукав пиджака был почти оторван.

— Что с вами, Тим? — удивленно спросила Мадлена.

— Не бойтесь, Мадлена, — тихо ответил он. — Маленькая неприятность. Небольшая стычка с полицейскими. Видите ли, мне очень нужно было побывать на заводе, кое-что разглядеть. Ну и случилось... Однако, я забыл попросить у вас прощения за то, что без вашего разрешения ворвался в вашу квартиру.

Мадлена махнула рукой.

— Разве я не привыкла к вашим чудачествам? Расскажите лучше, что случилось, и для чего вам надо было побывать на заводе.

Она подчеркнуто равнодушно сняла жакет и, подойдя к зеркалу, начала поправлять прическу.

— Вы знаете, Мадлена, что я всегда был склонен к чудачествам, — горько отозвался Тим. — К моему большому сожалению, я не такой сдержанный человек, как...

Он увидел, как сурово глянули в его сторону зеленатые глаза Мадлены, словно ожидая: что он скажет дальше, этот невежливый посетитель?..

Тим вздохнул.

— Однако, здесь всё было иначе. Мне надо было разглядеть, Мадлена, как работают роботы. Вы же

помните, что ответил мне Бирз, когда я окликнул вас в автомобиле?

Мадлена промолчала.

— Так вот, с помощью двух хороших парней, двух рабочих, которые неплохо знают всякие входы и выходы с завода, я прошел на территорию без разрешения полицейских. Увидел то, что мне надо было. Возвращаясь назад, был замечен полицейскими. Конечно, они не хотели отпускать меня одного, а предложили мне свое общество — хотя бы до встречи с их сержантом. Но я посчитал, что их общество для меня — излишняя честь. Пришлось показать полисменам некоторые образцы хорошего бокса, чтобы они не подняли шума и не применили оружия. Мне повезло, все закончилось хорошо, если не обращать внимания на синяк и порванный пиджак. Еще раз простите, но у меня не было другого способа убежать. А у вас меня никто не будет искать — ибо кому придет в голову, что мятежник сидит в квартире уважаемой дамы, которая приезжала на завод с самим господином Томасом Бирзом...

— Бросьте свои шутки, Тим! — гневно ответила Мадлена... — Зачем вы говорите ерунду?

Тим внезапно вспыхнул.

— А потому, Мадлена, что мне стыдно за вас. Я не узнаю той Мадлены, которая дружила со мной в Джерсее. Конечно, вы можете ответить мне, что не хотите слушать такие вещи. Можете сказать, что я вообще слишком много себе позволяю. Особенно после позавчерашнего визита к вам Бирза...

— Что вы хотите этим сказать? — гневно выкрикнула в его сторону Мадлена.

— Ничего, Мадлена, ничего, я могу лишь отметить ваше искреннее восхищение железными чудовищами,

несущими голод и другие страдания десяткам тысяч рабочих.

Тим говорил пылко, чувствуя, что ставит на карту все, что имеет. Или выиграет, или проиграет — все равно другого выхода у него нет.

Мадлена села в кресло, нервно перебирая руками перчатки.

— Напрасная ирония, бесполезная вспыльчивость, Тим. Я просто стараюсь трезво относиться к положению вещей, — ответила она, пытаясь восстановить спокойствие. — Не надо громких слов про нищих и страдающих. Вы сгущаете краски, по своей журналистской привычке. Рабочих никто не заставлял бастовать. Разве не правда? И если забастовочный комитет проиграл свою игру — в этом виноват он сам.

Тим не выдержал. Он порывисто вскочил с кресла, куда было сел перед этим, и, бегая по комнате, заговорил, забыв про вежливость, про свое отношение к Мадлене.

— Не проиграл игры комитет, нет! Я не употребляю громких слов, не сгущаю красок! Вы, Мадлена, умышленно закрываете глаза на все происходящее, и не хотите видеть того, что происходит в действительности. Хорошо, допустим на минутку, что забастовка сорвана, что рабочие согласились на все требования компании Говерса. Что будет тогда? И я, по вашим словам, сгущаю краски? Вы видели, Мадлена, что делается уже теперь среди рабочих? Видели ли вы, как голодают дети? Видели ли вы, как мать отказывает себе и отцу в куске хлеба, чтобы сохранить его для ребенка?.. Люди, что работают по двенадцать часов в сутки, по вашему мнению, не имеют права требовать человеческих условий жизни?..

Он на мгновение остановился, жадно хватая ртом

воздух. Мадлена смотрела на него широко раскрытыми глазами. Тим вновь горячо заговорил:

— Я понимаю, что такой человек, как Бирз, откровенно плюет на рабочих. Понятно. Ведь он всегда был такой, он не зря продался Говерсу. Но вы-то, Мадлена! Я не нахожу слов, чтобы выразить вам свое возмущение. Взгляните в будущее: ладно, пусть роботы победили. Говерс диктует рабочим свои условия. Им не остается больше ничего, чем безропотно согласиться на них. Конец забастовкам, потому Говерс всегда имеет в резерве армию железных штрейкбрехеров. И нищета навеки, навеки тяжелая, напряженная работа, так?.. Мадлена, — голос Тима стал неожиданно мягким, теплым, — Мадлена, вспомните на минутку вашу собственную семью. Ведь ваш отец — рабочий, Мадлена. Что ждет вашего брата? Вашу сестру? А сколько таких родителей и сестер есть на свете? Вы забыли об этом? Кто знает, может, именно сейчас ваш старый отец обдумывает, не принять ли ему участие в забастовке, чтобы спасти для семьи те несколько долларов в месяц, которые отбирает у него фабрикант, уменьшая зарплату. Он обдумывает, он, наконец, решается принять участие в забастовке, чтобы бороться, несмотря на голод... ибо не знает он еще ничего о роботах, не знает, что его дочь, - его дочь! - помогает Бирзу дуть рабочих руками бездушных чудовищ.

— Я не помогаю, — тихо отозвалась Мадлена.

— Ну, так горячо сочувствуете, по крайней мере. Как же, — большое завоевание техники, новая эра капитализма! Так же, Мадлена?

Мадлена молчала. В мозгу ее стучали слова Бирза: «Железной рукой роботов мы схватим за горло всех тех, кто осмелится противостоять нашей воле...» И вот,

слова Тима о ее отце, ее сестре, ее брате, который носит красный галстук... Тим заметил ее колебания.

— Позвольте, Мадлена, говорить с вами откровенно. Может, это будет в последний раз.

— Говорите.

— Забастовочный комитет два дня назад поручил мне просить вас помочь нам бороться против роботов. Забастовочный комитет поручил мне напомнить вам о том, что вы дочь рабочего. Я шел позавчера вечером к вам, чтобы сказать вам об этом, но... — голос Тима звучал горько, — но ваши окна были открыты. Невольно я услышал конец вашего разговора с Бирзом. О, Мадлена, я не хотел подслушивать! Никогда в жизни! Однако, несколько фраз я услышал. И, услышав их, я не пошел уже к вам. Я повернул обратно, потому что мне было слишком тяжело. Вы помните ваш разговор с Бирзом, Мадлена?

— Я ничего не ответила ему, — тихо произнесла Мадлена, словно обороняясь.

— Вы обещали ему сказать что-то на следующий день. Что вы ответили ему? Вы любите его, так? О, я знаю, он умеет красиво говорить. Кто против него я, чудаковатый парень, который мечтает о коммунизме, о победе рабочих над Говерсом... Так, Мадлена?

— Тим, вы ошибаетесь... Я не люблю Бирза... Я уважаю его за его гениальное изобретение. Но, насчет любви... Я просто не могла тогда ему прямо сказать, потому что меня очень поразили его рассказы о роботах...

Мадлена говорила медленно, с трудом подбирая слова. Том подбежал к ней:

— Это что, действительно так? Это не шутка, вы не обманываете меня?.. Мадлена, я не верю своим ушам!

Мадлена посмотрела на него и невольно улыбнулась: такой был чудной в этот момент Рыжий Тим. Волосы его растрепались еще больше, глаза сияли радостью, он весь пылал.

— Мадлена, я ничего более не хочу спрашивать у вас теперь. Я только прошу вас: подарите мне один час. Пойдемте со мной! Вы сами увидите, что творится среди рабочих. Вчера и сегодня, на заводе, вы с Бирзом видели только одну, парадную сторону медали — механических рабочих-роботов, последнее достижение капиталистической техники. Очень прошу, пойдемте! Я покажу вам другую сторону этой медали, я покажу вам, что именно несут роботы живым рабочим, их семьям. Пойдемте, Мадлена!

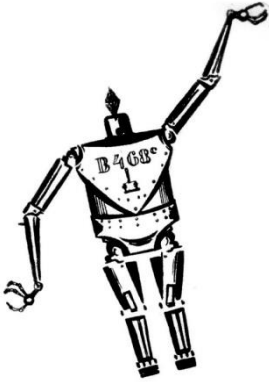
Мадлена не могла отказать такой пылкой просьбе. Она поднялась:

— Ладно, пошли. Но, вы в таком виде... — она выразительно посмотрела на рваный пиджак Тима.

— Ничего. Там фраки не нужны. Пойдем!

... В этот вечер Томас Бирз не застал Мадлену Стрэнд дома. Очень удивленный, он вернулся на завод, оставив ей записку:

«Что случилось, Мадлена? Где вы? Буду очень рад увидеть вас завтра на заводе. Дела идут хорошо. Когда придете, роботы будут приветствовать вас. Как? Увидите. Они мои — и будут делать то, что захочу я, без каких-либо неожиданностей для меня. Томас».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ИЗ ГАЗЕТ И ТЕЛЕГРАММ

Из передовицы газеты «Дей-ли Телеграф»:

«Мы рады, что можем предоставить нашим читателям в сегодняшнем номере газеты самую точную информацию о том, что произошло вчера в Нью-Гаррисе. Это был исторический день, от которого действительно надо теперь начинать новое летоисчисление. День, когда впервые к станкам заводов гигантской компании Говерса поставлены механические люди — роботы. Руководил этой операцией известный, талантливый инженер Томас Бирз, знаменитый изобретатель роботов.

Изобретение роботов надо считать чрезвычайно важным событием, которое решительно меняет соотношение сил между капиталом и рабочим классом. До сих пор, рабочие всегда имели возможность влиять на хозяина предприятия угрозами забастовки, что нанесло бы капиталисту большие потери. Выдерживать рабочие забастовки и даже отвечать на них локаутами — могли только богатейшие промышленные компании. Но и в них борьба не всегда давала желаемые последствия.

Теперь картина резко изменилась. Нет нужды пытаться сорвать забастовку, пользоваться услугами штрейкбрехеров. Не надо тратить деньги и время на

борьбу против забастовки вообще. Любое предприятие теперь всегда может выписать себе партию роботов, которые немедленно встанут к станкам и, тем самым, лишат забастовку всякого смысла. Для чего бастовать, если забастовка не останавливает производства?..

Вчера роботы Томаса Бирза блестяще сдали экзамен. Поставленные к станкам, они работали весь день, и могли бы работать еще и ночью, если бы не нехватка зрителей. Живые люди устали, они нуждались в отдыхе, а их железные товарищи по работе были такими же свежими и работоспособными, как в начале дня. Через несколько дней нью-гэрииские заводы компании Говерса снова будут работать полным ходом, как работали до забастовки. Ведь вскоре компания Говерса отправит в Нью-Гэриис новые партии роботов, чтобы обеспечить механической рабочей силой все основные цеха.

Мы предполагаем чрезвычайный расцвет компании Говерса — первого капиталистического предприятия, которое пошло на решительные меры в деле преодоления рабочих выступлений, — этой тысячеголовой гидры, которую до сих пор никак не удавалось победить. Известно же, что корни всяких революционных рабочих выступлений надо искать в преступной деятельности Красной Страны, которая все время поддерживает такие выступления с помощью своих бесчисленных агентств-коммунистов. Но теперь этому наступил конец. Железных роботов не сагирует ни одна из Красных Стран с их красноречивыми коммунистами. Настало время настоящего сотрудничества капитала с мудрыми рабочими, которые не хотят слушаться коммунистических главарей. Мы знаем, что организация «Боевые кресты» в Нью-Гэриисе в последние дни значитель-

но увеличилась. Эта организация берет в свои руки руководство общественной жизнью в Нью-Гаррисе. Ее решительные действия помогут рабочим выйти окончательно из-под коммунистического влияния. Опираясь на организацию «Боевые кресты», на честных сознательных рабочих, — правительство установит порядок. А тех, кто и в дальнейшем будет стараться не прекращать безумной борьбы, ждет поражение, если не понимать возможности еще более серьезных последствий, таких, как, к примеру, — гибели под ногами роботов...»

Из авторской колонки редактора газеты «Ред Стар»:

«Итак, роботы — случившийся факт. Капитал напрягает свои последние силы, чтобы выйти целым, хоть и потрепанным, из борьбы против рабочих. Бесплодные попытки! Капитал доживает свои последние часы.

Роботы его не спасут. Но, — могут сказать нам, — роботы работают, роботы основательно меняют соотношение сил между капиталом и рабочим классом, роботы уже срывают забастовку в Нью-Гаррисе?..

Да, роботы работают. Однако, неизвестно еще, как именно они работают. Неизвестно, насколько дороже обойдется их труд предприятиям. Роботы пока не изменили соотношение сил, ибо они даже не смогли сорвать забастовку в Нью-Гаррисе. Ведь забастовка не прекращается. Рабочий класс не сдает своих позиций.

Кроме того, Говерс забыл о солидарности рабочего класса. Еще неизвестно, что принесет нам будущее... Пока что мы можем констатировать: забастовка не сорвана. Победа роботов является, по сути, их пораже-

нием. Потому что ставили их к станкам не для того, чтобы они там работали вместо рабочих, — ведь это стоило бы слишком дорого, — а для того, чтобы немедленно сорвать забастовку, которая все сильнее увеличивает потери компании Говерса. Капиталист надеется взыскать с рабочих, по окончании забастовки, все те понесенные им расходы, на которые он пошел, ставя роботов к станкам с единственной целью — сорвать забастовку. Но надежда сорвать забастовку не оправдалась. Итак, роботы не победили, наоборот, они потерпели жестокое поражение. А с ними вместе — и все- сильная Говерсова компания...

Борьба не утихает. Пусть помогают капиталу его верные лакеи — фашисты с их боевой организацией. Это не новость для нас и всех рабочих. Ведь еще два месяца назад мы печатали неоспоримые материалы, которые доказывали, что так называемые «Боевые кресты», эта организация фашистов регулярно получает деньги от самого Джонатана Говерса. Она, эта бесславная организация, просто находится на его изживении.

Мы никогда не станем закрывать глаза на опасности, которые ждут нас. Мы готовы к решительному бою. Несмотря ни на что, коммунистическая партия призывает рабочий класс избегать стычек с полицией, избегать открытых столкновений. Мы не хотим лишних жертв. Но — когда дело пойдет о решительных действиях, когда надо будет бороться за окончательное освобождение из-под железной пяты капитала, который направляет против нас роботов и вооруженных фашистов, — мы встретим врага как следует, готовые биться до последней капли крови. Пусть помнят об этом наши враги! Ибо пришла наша очередь идти в наступление — нам, революционному рабочему классу,

и под руководством Коммунистической партии мы завоеуем свою власть.

Победят рабочие, победит пролетариат, который, несмотря на нищету и голод, бастует и дальше. За короткое время Говерс с его компанией и роботами лопнет, как мыльный пузырь. И вместе с ними лопнет вся капиталистическая система, которую разъедают системные противоречия. Кризис капитализма как раз предшествует его гибели. Да здравствует рабочее движение, да здравствует забастовка в Нью-Гаррисе, которая воспитывает несокрушимых борцов-революционеров! Да здравствует пролетарская революция!..»

Из бюллетеня «Биржевые новости»:

«Вчера, в двенадцать часов дня столичная биржа узнала о том, что компания Джонатана Говерса, все-таки, поставила к станкам вместо бастующих рабочих механических людей, роботов. В результате этого акции компании Говерса поднялись за один час на двадцать восемь пунктов. Это повышение можно считать рекордным, потому что в этом году никакие акции даже в моменты наибольшего подъема деятельности биржи не поднимались так высоко в течение такого короткого времени.

Но картина резко изменилась в третьем часу, когда стало известно, что появление роботов в Нью-Гаррисе не принесло за собой прекращения забастовки рабочих. Ведь биржа ждала именно такого последствия появления роботов у станков. Сведения о том, что забастовка продолжается, несостоятельность прежних надежд на прекращение забастовки, — свели на нет повышение курса акций компании Говерса. Акции начали падать —

и в течение получаса снизились на тридцать два пункта, то есть, оказались по курсу ниже, чем они стояли вчера. Биржевые деятели объясняют это тем, что, пока продолжается забастовка, нельзя ничего сказать о реальном экономическом эффекте от установки роботов, а тем более, о полной победе над забастовкой.

Катастрофическое снижение курса акций компании Говерса остановилось только закрытием биржи. Следовательно, положение акций компании Говерса такое: утром, до получения сведений о роботах, — сто четыре доллара. В час дня — сто тридцать два доллара. В четыре часа — сто долларов. Передают, что на завтра можно предвидеть и дальнейшее катастрофическое снижение цены их акций».

И, наконец, — радиотелеграмма Джонатана Говерса в Нью-Гаррис, инженеру Томасу Бирзу (отослана в пять часов того же дня):

«Положение не спасено акции падают требуют решительных мер используйте все возможности влияния на забастовщиков делайте что хотите забастовку надо сорвать любой ценой Говерс».

Бирзу принесли эту радиотелеграмму на завод. Он прочитал ее и нервозно пожал плечами. Попытался вдохнуть дым из трубки — и неожиданно для себя понял, что трубка погасла. Бирз очень долго набивал ее табаком и зажигал. Когда над трубкой, наконец, взвился сизый пахучий дымок, Бирз заметил, что у него дрожат пальцы левой руки, которая держала трубку. Это было очень неприятно. Это говорило о том, что нервы изобретателя роботов были не в порядке.

Раскуривая трубку, Бирз нервно метался по своему кабинету, повторяя как заклинание:

— Больше спокойствия, больше выдержанности...

И только тогда, когда он убедился, что пальцы его левой руки перестали дрожать, когда от нервной напряженности не осталось уже, казалось, и следа, — только тогда Бирз вышел из кабинета и подошел к молчаливой гигантской железной фигуре робота, который стоял у его двери. Он вновь вынул из кармана радиотелеграмму Говерса, еще раз внимательно прочитал ее и процедил сквозь зубы:

— Да, решительные меры... Хотел бы я знать, какие именно?.. Но, попробуем, попробуем!

С неожиданной улыбкой он энергично потрепал по плечу робота:

— Ты слышал, мальчик? Говерс требует решительных мер; хорошо! Придется что-то сделать. А?

Робот ничего не ответил, как и следовало ожидать. Но Бирз и не ждал ответ. Он улыбнулся еще раз и направился обратно к кабинету, рассеянно повторяя:

— Действительно, действительно интересно... А ну, обдумаем это!

Уже совсем спокойными движениями он взял бумагу, вынул автоматический карандаш и внимательно начал чертить на бумаге какой-то план. Он чертил, зачеркивал, стирал, и снова чертил. Через несколько минут громким звонком он вызвал в свой кабинет технического директора завода.

— У меня к вам есть просьба, мистер Кроль, — обратился к нему Бирз. — Вы, кажется, хорошо знаете город. Проверьте, пожалуйста, правильно ли я начертил план?

— Совершенно верно, — подтвердил мистер Кроль, проверив рисунок.

— А в забастовочном комитете вам не приходилось бывать?

— Нет, никогда, — удивленно и даже немного обиженно ответил мистер Кроль.

— У кого же я мог бы узнать о плане помещений забастовочного комитета? — задумчиво проговорил Бирз.

— Я мог бы вам рекомендовать одного из наших профессиональных рабочих, — не колеблясь, посоветовал мистер Кроль. — Он, безусловно, не раз бывал в комитете.

— Очень хорошо. Только я попрошу вас лично выяснить у него кое-что, чтобы не вызывать этого человека сюда. Меня интересуют очень простые сведения. Пусть ваш профессиональный рабочий внимательно начертит карандашом на бумаге, как заходить с улицы в комитет. И пусть не забудет отметить, куда открываются двери дома — на улицу или в комнату. Это очень важно.

И, проводив спокойным взглядом выходящего и удивленного непонятым приказом мистера Кроля, — Томас Бирз еще раз зловеще улыбнулся и взялся за бумаги.

Но работать он не мог. Какой-то неприятный осадок остался от тех ощущений, с которыми он читал телеграмму Говерса и разглядывал потом дрожь своих пальцев.

Томас Бирз ждал заказанных сведений.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИМЕНЕМ ЗАКОНА – КОМИТЕТ РАЗОГНАН!

Заседание было назначено на восемь часов вечера.

Все члены забастовочного комитета уже собрались. Не было только Тима, который обещал принести окончательный ответ от Мадлены Стрэнд. Майк Тизман обратился к Бобу Лесли, который писал какое-то письмо:

— Вот что-то не верится мне, Боб, что с Мадленой получится хорошо.

Боб Лесли оторвался от письма и строго ответил:

— Кто сказал тебе, что я очень в это верю? Однако, не попробовать было бы крайне неразумно. Ведь это единственный человек, который мог бы помочь нам.

Майк Тизман ответить не смог. Его душил кашель. Сухой тяжелый кашель, который он заработал двадцатью годами работы у доменных печей на заводе Говерса. Откашлявшись, он обратился к соседу:

— Говорят, товарищи, что в Красной Стране рабочих отправляют за счет государства лечиться. Как заболел, так и посылают... На море или в горы... Все не так, как у нас. Вот где по-настоящему живут люди!..

Кашель снова помешал ему говорить. Но, прокашлявшись и ухватившись сухими желтыми пальцами за воротник рубашки, Майк мечтательно продолжил говорить дальше, словно рассказывая удивительную сказку:

— Говорят, каждый работник вообще имеет там отпуск ежегодно. Подходит твое время, тебе говорят: иди, товарищ, в отпуск. Вот тебе деньги за две, три недели вперед, делай что хочешь... Это так всем, вообще всем рабочим. А больным — лечение. Кому на реку, кому в лес, — у кого какая болезнь. Таким, как я — на море... Живи себе на берегу моря, лечись. Удивительно!..

И он вновь закашлялся. Затем выбрал подходящий момент между двумя приступами кашля, и закончил:

— Двадцать лет мечтаю о море. Хоть бы взглянуть на него, какое оно в действительности...

— А еще чего бы ты хотел?

— Так бы на море, или просто в Красную Страну... — мечтательно произнес Майк Тизман. — Более ничего не хотел бы. Только это совершенно невозможно, потому что правительство не выпустит. Это раньше было можно ехать куда хочешь. А сейчас...

— Да ладно тебе, — нетерпеливо перебил Майка Боб Лесли, — куда этот Тим делся? Что с ним случилось?..

— Не ругайся, Боб, — вдруг послышался веселый голос Тима. — Я уже пришел. И, как видишь, не один.

Действительно он был не один. Рядом с ним стояла женщина в синем плаще. Она с некоторым смущением смотрела на присутствующих. Это была Мадлена.

Боб Лесли поднялся:

— Очень рад приветствовать товарища Мадлену Стрэнд. Мы долго ждали вас, и даже было время... было время, когда мы почти потеряли надежду видеть вас у себя. Однако, очевидно, это уже в прошлом. Еще раз от имени всего комитета поздравляю вас!

Мадлена поняла намек Боба. Они потеряли надежду тогда, когда она ездила на завод с Томасом Бирзом. Она покраснела, не зная, как оправдаться, но Тим тут же пришел ей на помощь:

— Ім'ям закону оголошую, що страйковий комітет рознущено.

— Дело, товарищи, дело — прежде всего, — весело воскликнул он. — Товарищ Мадлена пообещала помочь нам, — и этого достаточно. Но надо, чтобы об этом никто не проболтался. Потому что иначе у нее могут быть неприятности. Я предлагаю на сегодня только одно: подумать, что делать дальше с роботами. Товарищ Мадлена потом тоже поделится с нами своими соображениями.

Все переглянулись: что делать с роботами?.. Нелегкий вопрос!

— Тим, я не понимаю, — переспросил Боб Лесли, — что мы можем делать с ними? Как бы, наоборот, они чего не сделали с нами. Конечно, я шучу, но твоего вопроса не пони...

Он не закончил своих слов. С улицы раздался детский крик.

Затем послышался тяжелый стук — словно кто-то размеренно ударял по земле молотом.

— Что такое?..

Двери распахнулись, и в помещение комитета вбежал испуганный мальчик с бледным, искривленным от страха лицом. Мадлена едва узнала его: это был тот самый мальчик с красным галстуком, который приносил ей письма Тиму от Боба Лесли.

— Чего ты? Что случилось?

Мальчик едва переводил дух. Наконец, произнес:

— Робот... Идет...

Действительно, громкий мерный стук приближался. Теперь уже можно было точно сказать, что это были чьи-то шаги — тяжелая медленная поступь. Мадлена чувствовала, как холодеют от страха у нее кончики пальцев. Боб Лесли невольно вцепился руками в край стола, словно хотел использовать его, как оружие.

Тим лихорадочно вслушивался в эти странные и страшные звуки — и перед его глазами вновь предстала незабываемая картина появления первого робота в кабинете Говерса. Идет, идет железный истукан... не потому ли ему в такси было видение превращения полисмена в робота?.. Железный человек вышел уже на улицу, он идет сюда!

Стук становился все громче. Он звучал уже совсем рядом с домом. И вот, тяжелые шаги раздались возле двери. В тревожной тишине дверь с громким скрипом широко распахнулась.

Мальчик еще раз вскрикнул и бросился к окну, подалее от двери. В черном прямоугольнике двери вырисовывалась громадная железная фигура. Робот, открыв дверь, остановился и встал недвижно, словно ожидая чего-то.

Ни одна часть его сложного и тяжелого тела не шевелилась. Робот стоял, как статуя — металлическая неподвижная статуя, поставленная неизвестным сумасшедшим скульптором прямо в дверях, чтобы загородить проход. Неподвижность его пугала; он словно глядел в центр комнаты, впившись в застывших в страхе людей невидящим взглядом своей округлой металлической головы, своего единственного огненного ока.

Люди за столом неподвижно сидели, не сводя глаз с робота. Но, вот, он шевельнулся. Он круто свернул направо, сделал два шага — и снова повернулся металлическим лицом к людям.

— Чего он хочет? — тихо прошептал Тиму Боб Лесли.

— Не он, а тот, кто его прислал, — также тихо ответил Тим. — Разве я знаю? Подождем!

Робот снова стоял неподвижно. Снова не шевелилась ни одна часть его железного тела, он снова превратился в недвижимую статую. Тишина вновь воцарилась в комнате, — тяжелая, напряженная тишина... Вдруг Мадлена прислушалась и вздрогнула.

— Еще... Еще идет!.. — произнесли ее побледневшие уста.

Снова послышался тяжелый стук металлических ног о мостовую, который перешел потом в тяжелые шаги у двери. Замедленным шагом в комнату вошел второй робот. Он также постоял с несколько секунд в дверях, прошел вперед, повернулся и встал, но уже слева от двери. И вновь послышалось буханье, вновь послышались тяжелые шаги: теперь роботы шли не по одному, а вместе, по три-четыре. Они останавливались, не заходя в комнату, перед дверью, становились под окнами, образуя собой неподвижную железную стену, которая отрезала членам забастовочного комитета все выходы на улицу.

Боб Лесли обвел взглядом окна комнаты. В каждом из них мрачно виднелись тяжелые железные фигуры. И в неуверенном свете уличных фонарей еле заметно сверкали серебряные антенны на головах роботов...

— Что это? Кажется, нас арестовали? — попытался пошутить Тим, обращаясь к Мадлене.

Но шутка не вышла. Тим и сам чувствовал, как дрожали его губы. Майк Тизман зашелся кашлем. Он кашлял все громче, лицо его посинело. Мальчик отскочил от окна: сквозь оконное стекло он увидел, как неподвижные до этого железные фигуры роботов, которые, казалось, стерегли все выходы, — единодушно подняли свои длинные руки и сложили их, скрестив на широкой груди. Это было последней каплей, последним выражением насмешки над людьми: роботы стоя-

ли в победных позах, они стояли, как стража, как полисмены.

— Ладно! Какого черта вам здесь надо? — воскликнул, наконец, Боб Лесли, обращаясь к роботам, как к обычным людям.

Ответа, разумеется, не было.

Вдруг зазвонил телефон громкой связи. Боб спросил в микрофон:

— Алло, кто это? Что? Томас Бирз?

— Да, это я, Томас Бирз, — услышал он, а вместе с ним и все присутствующие, холодный голос.

— Чего вам надо? И кстати, какого черта вы при-
слали к нам ваших уродов?

— А что, разве они плохо себя ведут с вами? — иронично ответил Бирз. — Они, как мне кажется, не трогают вас.

— Бросьте болтать, мистер Бирз. Что вам от нас надо?

— Я хотел наглядно показать вам моих роботов. Хотел, чтобы они нанесли вам визит. Вы же теперь, говорят, хозяева положения, все рабочие находятся под вашим влиянием. Это так? — голос Бирза приобрел еще более издевательское выражение. — Итак, мои железные рабочие, роботы, тоже пришли к вам, — засвидетельствовать вам свое почтение.

Бирз громко захохотал: так ему пришлось по душе его шутка. Но Лесли было не до смеха:

— Забирайте отсюда ваших уродов ко всем чертям! Что это за демонстрация?

— Не демонстрация, а серьезное дело, — вновь холодно ответил Бирз. — Я доказываю вам, что с этого времени я больше не шучу. Конец всяким разговорам и вежливым отношениям. Война, — так война. Итак, я предлагаю...

— Что? Вы осмеливаетесь предлагать?

— Я не осмеливаюсь, а просто предлагаю, потому что сила в моих руках. Оглянитесь вокруг: разве вас не окружают мои роботы? Итак, я предлагаю: вы прекращаете забастовку, не позже, чем завтра утром. Вы оповещаете газеты о прекращении забастовки. Вы отказываетесь от ваших требований и соглашаетесь на посредничество профессиональной организации.

— Никогда! — горячо воскликнул Боб Лесли.

— Увидим. Если вы не сделаете этого, забастовочный комитет будет разогнан совместными силами полиции, «Боевых крестов» и роботов. Руководители комитета будут арестованы. Роботы совместно с полицией займут все ваши помещения, так, как сейчас это сделали одни роботы. Компания закрывает все свои магазины. Если вы попытаетесь продолжать будоражить рабочих и организовывать любые выступления, — в город введут войска, которые стоят в десяти километрах от него. Понятно? Итак, обдумайте все это. Ответа мне не надо, потому что бороться дальше могут только безумцы или глупые дети. А я все же считаю вас за взрослых, хоть и не совсем умных...

Боб не выдержал. Не дослушав, он бросил трубку на аппарат. Потом вернулся к товарищам:

— Понимаете? Он предлагает! Слышали?

— Слышали, — ответил Тим, — потому что телефон орал на всю комнату. Ну?

— Пусть разгоняют, пусть приходит войско, нам поддаваться нельзя, — строго проговорил Майк Тизман. — Нам нечего терять, кроме своих цепей. Оповедем всех о наступлении капиталистов. Мы попросим помощи у рабочих других городов и областей.

— Но, перед этим, нам надо иметь возможность выйти отсюда, — словно про себя задумчиво сказала

Мадлена, поглядывая на железные фигуры роботов.

Действительно, роботы стояли все так же неподвижно. Взволнованные словами Бирза члены забастовочного комитета позабыли о них.

Вдруг молниеносная мысль мелькнула у Тима. Он подскочил:

— Товарищи, знаете ли вы, что все это означает? Это означает поражение роботов! Понимаете: если бы они могли хорошо заменить рабочих возле станков, то Бирз не посылал бы их сюда. Зачем ещё ему было бы это делать? Выходит, что он не уверен в них как в работниках, значит, будем бороться дальше!

— Правильно, Тим, — отозвался Боб Лесли.

Тим раскрыл рот, чтобы сказать еще что-то, но вдруг остановился: он заметил, что роботы зашевелились. Вот они, один за другим, начали поворачиваться и выходить из дверей. Ушли, наконец, и те, что стояли у окон. Через минуту шум тяжелых шагов, понемногу удаляясь, исчез совсем.

— Арест снят, — пояснил Тим. — Бирз уверен, что нам ничего не остается, как согласиться на его предложение, и он отозвал их обратно. Ладно. Итак, заседание продолжается. Я желал бы все же обсудить, что мы будем делать дальше с роботами?

Все вновь удивленно посмотрели на него: что, в конце концов, он хочет этим сказать? Делать... С роботами?..

— Опять-таки вижу, что вы не понимаете меня. Я хочу сказать, что нельзя дальше относиться к ним, как к бездушным железным истуканам. Я предлагаю попробовать повлиять на них. Разве мы не можем сагитировать их?

Боб Лесли встал, подошел к Тиму и осторожно постучал ему согнутым пальцем по лбу:

— Кажется, ты того... немного сошел с ума. Агитировать машину? Влиять на них? Это ты, товарищ, просто слишком переволновался. Ну ничего, Тим, успокойся. Помолчи немного, выпей воды. Оно помогает...

Но Тим отвел его руку.

— Я не сошел с ума и не шучу, — вполне серьезно ответил он. — Я просто высказался литературно, так сказать, образно. А объяснит вам это товарищ Мадлена.

Все взгляды сосредоточились на хрупкой фигуре Мадлены Стрэнд.

— Тим довольно правильно сказал, хоть и не так, чтобы его можно было сразу понять, — начала Мадлена, — но я сейчас объясню вам, в чем дело. Вы знаете, что роботами движет радиоэнергия, которую они получают через воздух. Итак, я хочу сделать вот что...

Она не успела закончить, потому что в комнату вновь вбежал мальчик и воскликнул:

— Полисмены!

За ним в комнату вошло четыре полисмена с сержантом. Сержант приложил руку к каске и спокойно произнес:

— Именем закона, объявляю забастовочный комитет распущенным. Пожалуйста, расходитесь. По одному, через каждую минуту. Если вы попробуете еще раз собраться, мы всех вас арестуем.

Его взгляд остановился поочередно на каждом из присутствующих. И задержался на единственной женской фигуре.

— Мисс, — обратился сержант к Мадлене Стрэнд, — пожалуйста, выходите первой.

Томас Бирз начал выполнять свои утробы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

РОБОТОВ НАДО ПОДЧИНИТЬ НАШЕЙ ВОЛЕ

Как случилось, что Мадлена согласилась помогать забастовщикам? Как случилось, что она пришла на заседание забастовочного комитета с Тимом?

После памятного разговора с Тимом Мадлена пошла с ним в рабочие кварталы. Тим попросил Мадлену саму указать, куда пойти. И то, что увидела Мадлена в рабочих домах, произвело на нее чрезвычайно удручающее впечатление. Она никогда не думала, что борьба рабочих против компании Говерса приводит к такой нищете.

Мадлена думала, что забастовка лишь просто нарушила жизнедеятельность города, что она только мешает честным людям спокойно работать. Теперь она воочию увидела, на что приходится идти рабочим во время жестокой борьбы против капиталиста.

Люди сидели почти без еды. Люди с похудевшими лицами не имели одеял, чтобы укрыть ими детей. Мать дрожащими руками распределяла между детьми небольшой кусок хлеба и немного картофеля. Она не ела сама, она прятала скудные остатки еды на завтра, хоть и видела, что дети не наелись, что они голодны; она откладывала, хоть и слышала, что дети умоляют дать им еще хоть немного еды.

Забастовочный комитет помогал рабочим, он выдавал им деньги, хлеб и тому подобное. Но средства бы-

ли слишком ограничены, а рабочих, которые бастовали, было слишком много. На семью из матери, отца и трех детей приходилось на день двадцать центов — это где-то по два фунта хлеба.

Мадлена вспоминала сухое, уверенное лицо Томаса, вспоминала его жестокие слова о железных руках, которыми он обещал задушить всех непокорных. Ей казалось, что она видит эти руки, что она слышит, как тяжело топчут тяжелые ноги роботов эти маленькие дома с рабочими и их детьми.

...Идут, идут железные роботы — и земля гудит под их шагами! Они идут сплошной шеренгой, они не сворачивают в сторону, словно не видят, не чувствуют преград. Они идут с завода, они движутся сюда, в рабочие кварталы. Высоко возносят они свои не знающие жалости ноги. Люди бегут от них, люди с испуганными лицами бегут, как муравьи. Родители несут на руках своих детей, пытаются спасти их, бросив все остальное имущество на произвол судьбы.

И не видя, не слыша ничего, — роботы идут по лужайкам, по домам. В грозном треске падает, рушится все. А роботы идут, идут, — безжалостные, тяжелые, металлические чудовища! И где-то далеко позади улыбается злобной, яростной, жестокой улыбкой худое лицо Томаса Бирза с крепко зажатой в зубах трубкой ...

В голове Мадлены все кружилось, она с трудом приходила в себя. Отгоняла все кошмарные призраки. Она вновь видела перед собой обездоленных, изголодавшихся, бледных людей.

И все же, рабочие не уступали! Нигде Мадлена не слышала разговоров о прекращении забастовки. Отец утешал девочку:

— Ничего, дочка, вот скоро победим, тогда куплю тебе конфет. Ты какие больше любишь, леденцы или шоколадные?

Тим почти ничего не говорил Мадлене. Он просто иногда давал сухие справки о том, как помогает забастовочный комитет и сколько у него имеется в наличии денег. Наконец Мадлена не выдержала:

— Достаточно! Я не могу больше. Чувствую, как будто я соучаствую в каком-то страшном преступлении...

Они возвращались обратно на автомобиле. Мадлена откинулась на спинку кресла, и о чем-то напряженно думала. Как сквозь сон она слышала, что Тим все еще продолжает рассказывать ей о борьбе рабочих, о помощи забастовке, которую они организовали через газету «Ред Стар». Вдруг она почувствовала, как голос Тима снова сделался мягким и ласковым. Тим спрашивал ее:

— Что же теперь ответит мне Мадлена? Неужели она не убедилась в правдивости моих слов?

Автомобиль приближался к центру города. Мадлена вздохнула:

— О, Тим, зачем спрашивать! Вы же и сами хорошо видите, что я не могу не согласиться с вами. Но...

— Что именно?

— Неужели для того, чтобы помочь рабочим, чтобы победить Говерса, надо сводить на нет изобретение роботов? Неужели нет другого пути? Ведь подумайте, какое это удивительное изобретение, роботы! Я не припомню за последние двадцать-тридцать лет ничего, что бы значило хоть примерно столько же, сколько это изобретение!

Тим усмехнулся. Автомобиль остановился. Он помог Мадлене выйти из него, и охотно принял пригла-

шение Мадлены зайти отдохнуть к ней. И, когда он уже сидел в широком и удобном кресле рабочей комнаты Мадлены, когда Мадлена села в такое же кресло рядом с ним, — Тим осторожно взял в свои широкие ладони маленькую руку девушки и сказал:

— Кто вам сказал, что роботов надо уничтожать? Их надо подчинить нашей воле. Неужели мне, журналисту, надо объяснять вам, специалисту радиотехники, как именно приступить к этому делу?

Мадлена посмотрела на Тима широко раскрытыми глазами.

— Что, разве вы не понимаете, Мадлена? Вы только подумайте, какая бы это была чрезвычайно полезная вещь. Роботы, это действительно гениальное изобретение, работают не против рабочих, а вместе с ним. Железные чудовища превратятся из врагов рабочих — в их друзей. Человек, который бы смог это сделать, с моей точки зрения, заслуживал бы называться гением! Но как это сделать — я, конечно, не знаю.

— Как? То есть вы думаете, что роботов можно действительно подчинить вашей воле? А Бирз?

— В том-то и дело, что надо вырвать роботов из-под влияния Бирза. Слушайте, Мадлена, вспомним исторические факты. Когда-то, например, дикари и думать не могли о том, чтобы вырвать из рук белого авантюриста ружье, из которого он стрелял в них. А потом?.. Потом они хорошо научились обращаться с ружьями и направлять пули из него против тех же белых захватчиков. Мадлена, если уж дикарь смог овладеть техникой стрельбы из ружья, — неужели мы не сможем овладеть техникой управления роботами? Ведь робот — это просто машина, современная, передовая — но машина, ведь это всего лишь новая винтовка в руках авантюристов-капиталистов. Мы еще не знаем ее, ма-

шина просто ужасает нас потому, что ее изобретатель сразу и неожиданно направил ее против нас. Но, разве мы не можем прибрать эту машину к рукам? Это только дело времени. Для этого я и прошу вас помочь нам, чтобы приблизить это время.

Мадлена сжала руку Тима, глаза ее сияли:

— Ладно, Тим! Соглашение подписано. Это проблема не менее важная, чем та, которую решил Томас Бирз. Итак, наша цель: покорить роботов нашей воле. Ладно. И, знаете что?..

Мадлена остановилась. Она задумалась. С лица ее понемногу сбегала радостная улыбка, которую с увлечением до этого наблюдал Тим. Лицо Мадлены заметно грустнело, словно темная тучка набегала на него.

— Да что с вами, Мадлена? — спросил ее смущенно Том.

Мадлена молчала. Она вспоминала:

... маленькая, черная овальная приплюснутая коробочка, которую Томас Бирз вынимает из кармана. На коробке блестящие кнопки. И вот, тяжелые и неуклюжие роботы идут кругом, образуют кольцо, повинуясь приказам Бирза, который пересылает им приказы с помощью маленькой черной коробки, нажимая на ее блестящие кнопки, играя теми кнопками, как музыкант играет клавишами гармошки.... И ритм движения пальцев Бирза не совпадает с движением роботов, этот ритм напоминает азбуку Морзе... Условные сигналы...

— Что с вами? Вы побледнели? — Мадлена услышала обеспокоенный голос Тима.

Она провела рукой по лбу, по глазам, словно отгоняя какое-то видение.

— Слушайте, Том, — сказала она медленно, — слушайте. Есть один способ управлять роботами, который я видела собственными глазами.

— Какой? — подпрыгнул Тим.

— Не радуйтесь чрезмерно. Это не такое легкое дело.

И Мадлена рассказала Тиму о карманном генераторе Томаса Бирза. Она не успела еще закончить, как Тим, который во время рассказа поддакивал энергичными движениями своих рук и головы, воскликнул:

— Так это же прекрасно! Мы возьмём генератор у Бирза...

— Как? — спокойно спросила Мадлена.

Тим поёжился, словно на него вылили ушат холодной воды:

— Э... ну, одно слово, возьмём.

— Силой отберёте, или украдёте? — спросила Мадлена теперь уже насмешливо.

Этого Том спокойно перенести уже не мог.

— А хоть бы и силой, а хоть бы и украдём? Разве это меняет что-то? Разве для нашей великой цели не все равно, какими путями и способами мы подчиним себе роботов?

Мадлена вяло махнула рукой:

— Ну, хватит, хватит, Тим. Право, вы как пожар, как вулкан. Ну, ладно, предположим даже, что вы как-нибудь достанете этот генератор. А дальше? Ведь надо еще уметь с ним обращаться.

Тим смущенно посмотрел на Мадлену:

— А разве вы не умеете, Мадлена?

Она покачала головой.

— Так вы же радиоинженер!

Мадлена еще раз качнула головой:

— Мало быть инженером. Откуда я могу знать все тайны изобретения Бирза? Ведь он никому об этом не рассказывал и не рассказывает. А впрочем, посмотрим, — вдруг сменила она тон, заметив, как нахмурился

Тим. — Не унывайте, Тим. Еще все впереди. Не надо только ничего воровать или грабить. Я же сказала вам, соглашение подписано. Так или иначе, а мы подчиним роботов нашей воле. Сагитируем их. Согласны?

— Согласен, Мадлена, конечно, согласен! — радостно ответил Тим Кроунти.

... Теперь вам, дорогие читатели, стало понятно, как Мадлена попала на заседание забастовочного комитета. Понятно стало также и то, о чем именно думал Тим, когда удивлял членов комитета своими словами о агитировании роботов. К сожалению, ни он, ни Мадлена не успели хорошо объяснить комитету, что они имели в виду...

С разогнанного заседания Мадлена спешила обратно к себе, в свою лабораторию.

Теперь она хорошо видела, что терять времени нельзя, ибо верный слуга компании Говерса, инженер Томас Бирз, не остано-

вится ни перед чем, чтобы только задавить забастовку.

Сбросив плащ, Мадлена немедленно приступила к работе. Однако, посторонний зритель почти ничего в этой работе не понял бы.

Мадлена сидела возле необычного вида аппарата, который напоминал собой какой-то очень сложный радиоприемник, и напряженно выстукивала что-то телеграфным ключом. Если бы посторонний зритель был опытным радиотехником, то он, взглянув на все это, объяснил бы нам:

— Это — замечательный радиопередатчик на коротких волнах. Мадлена пытается связаться по нему с какой-то далекой станцией. С какой именно? Подождите, дайте разобраться, что именно означают те точки и

черточки, которые она неумышленно выстукивает. Что? Неужели?.. Так! Она выстукивает азбукой Морзе условные сигналы, название коротковолновой станции Красной Страны, страны, где победил социализм. Что ей там надо? Ведь это запрещено — связываться даже по радио с кем угодно из Красной Страны. Дайте прислушаться: вот, ей кто-то уже отвечает. Она говорит...

Но мы с читателем, несомненно, не дали бы возможности стороннему слушателю, тем более радиотехнику, слушать дальше разговор Мадлены с Красной Страной. Кто знает, может, тот техник перескажет это потом сторонникам Бирза и Говерса...

А нам этого совсем не хотелось бы. Потому что, бесспорно, все наши симпатии принадлежат другому лагерю — рабочим Нью-Гарриса, которые упорно продолжают свою борьбу против капитала. Ведь так?..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СТРАННЫЕ ШТРЕЙКБРЕХЕРЫ

Хмурое утро. Вот-вот пойдет дождь. Вокруг заводских ворот, как и раньше, стоит шеренга полисменов, которые зорко охраняют завод от забастовщиков. А впрочем, заводские ворота охраняют не только полицейские.

Недалеко от них стоит еще более многочисленная шеренга рабочих, которые тоже охраняют заводские ворота. Но эта шеренга охраняет завод от штрейкбрехеров. Рабочие не пропускают ни одного из них, хоть штрейкбрехеры и имеют специальные справки от желтой профессиональной организации, которая удостоверяет их «добрые» намерения.

Вначале рабочие со смехом говорят им:

— Продажные души, забастовку сорвать хотите? Вот такие это ваши «добрые намерения»? Ну, заворачивайте обратно! И скорее, а то у нас руки-то чешутся!

Умные штрейкбрехеры хорошо понимают такие намеки. Они поворачиваются и спешат назад, потому что не хотят снова испытать на своей спине тяжелые рабочие кулаки. Однако, некоторые штрейкбрехеры пытаются пройти и спорят с забастовочными патрулями.

Тогда им приходится несладко. Потому что хоть рабочие и помнят приказ забастовочного комитета избегать стычек и драк, — но трудно сдержаться, когда видишь такого мерзкого человека, который хочет заработать на нищете забастовщиков.

И тогда в воздухе раздаются ругательства, кто-то кричит, кто-то бежит назад от завода, проклиная забастовку и рабочие патрули. Полицейские у ворот слышат, но не вмешиваются.

Им пока запрещено ввязываться в стычки между рабочими, если такие столкновения, конечно, не относятся непосредственно к полиции.

Очевидно, Бирз еще не сказал последнего слова. Он чего-то ждет. Он хорошо видит, что забастовочный комитет не выполнил его ультиматум, забастовка не прекращена. Однако, Бирз все же не осуществляет своих угроз. Том сказал бы, что здесь что-то неладное: неужели Бирзу удалось так хорошо наладить дело с роботами, что он перестал угрожать рабочим?

Вновь стычка между рабочими и дежурными штрейкбрехерами, которые пытаются пройти к воротам. Их двое, мужчина и женщина. У мужа, видимо, болят зубы, у него перевязана щека. Женщина тоже вся какая-то неопрятная, скособоченная и чумазая. Даже ее родственники не смогли бы признать под той грязью и обносками свою мать или сестру.

Штрейкбрехеры пытаются пройти. Им кричат:

— Назад! Назад! Ты, чертов сын, не лезь, ибо последние зубы выбьем.

Удивительно, но оба штрейкбрехера все же прорвались. Потрепанные, растирая себе спину и плечи, они, однако, подбежали к полисменам — и тут только почувствовали, что избавились от опасности.

— Ваши документы? — сухо обратился к ним полисмен.

— Вот, прошу, — вздыхая и поправляя повязку на лице, ответил мужчина, — все в порядке. Меня и жену присылала сюда профессиональная организация, — убираться в помещениях, мыть окна и тому подобное.

Ну и проклятые патрули, что делают... И почему вы не помогаете нашему брату? — неожиданно обратился он к сержанту.

— Проходите! — вместо ответа сухо скомандовал сержант, возвращая документы. И когда штрейкбрехеры прошли дальше, он строго сказал полисмену, стоявшему возле него: — Не люблю я этих гадин, штрейкбрехеров. Конечно, я хороший полицейский, я добросовестно выполняю свои обязанности. Но, как вспомню, что они предают своих же братьев, — с души воротит. Вот заразы!

Тем временем, штрейкбрехеры были уже далеко. Они шли рядом молча. Дошли до цеха, разыскали смотрителя. Тот подозрительно посмотрел на них:

— Как это вам удалось пройти?

— Ой, и не говорите, — громко вскрикнул мужчина, — чуть костей не попереломали. Жена вот до сих пор стонет.

Смотритель улыбнулся:

— Вот черти, хорошо охраняют завод, эти патрули. Словно свой собственный. Ну, идите в цех, там надо окна помыть.

Штрейкбрехеры пошли дальше. Мужчина незаметно, еле слышно прошептал женщине:

— Хорошо сказал смотритель: «охраняют, как свой собственный». А?

Женщина не ответила. Они шли уже мимо железных чудовищ. Роботы стояли спиной к ним возле станков и спокойно работали.

В цехе почти не было людей, только смотритель проходил время от времени мимо станков и внимательно присматривался к работе роботов. Иногда он замечал неверное движение или нечеткое поднятие руки. Тогда он останавливался, осматривал робота,

что-то исправлял. Иногда ему не удавалось самому исправить; тогда он звонил куда-то по телефону. Мужчина-штрейкбрехер услышал, например, такое:

— Лаборатория? Робот номер 468 - «С» не доносит руки. Да. На том же самом месте, что и предыдущий. Да, наблюдаю каждое движение. Выполнено, буду около него.

Мужчина подтолкнул женщину:

— Здесь! Дальше не пойдем.

Потом громко спросил зрителя:

— Можно начинать? Ок! Ну, ты, неуклюжая, лезь вверх.

Женщина полезла по лесенке вверх, захватив с собой ведро с водой и приборы для мытья стекол. За ней следом полез и мужчина. Они принялись мыть стекла, тихо переговариваясь между собой. Надсмотрщик был далеко, говорить можно было свободно.

— Видите эти неуверенные движения? Это, значит, какое-то электрическое внешнее воздействие. Что именно? Может — какая-то индукция?

— Разве я знаю? Но смотрите, что этот робот совсем не то делает...

Женщина осмотрелась: действительно, робот номер 468 - «С», похоже, сломался. Он поднимал и опускал то правую, то левую руки, ходил вперед-назад, пошатывался.

Зритель немедленно остановил станок и попытался прикоснуться к роботу, переключить что-то на его спине. Однако, из этого ничего не вышло, потому что робот, словно живое существо, отмахнулся от зрителя и продолжал свои странные движения. Зритель бросился к телефону.

— Алло, алло, — услышали те, что мыли окна. — Лаборатория? Очень плохо. Номер 468 - «С» похоже, со-

всем сломался. Не могу даже выключить его. Прошу доложить инженеру.

А робот все выплясывал какой-то свой дикий танец. Он как будто обезумел: крутил ногами и руками, кивал головой, качался и переступал с ноги на ногу.

Это было так странно и страшно, что даже привычный ко всему зритель с удивлением смотрел на безумную машину, все дальше отступая назад, чтобы не попасть случайно под тяжелые взмахи рук робота.

Мужчина и женщина бросили мыть окно и, стоя на стремянке, не сводили с робота изумленных глаз.

Однако, это изумление не мешало женщине внимательно следить за роботом, словно изучая каждое его движение. Наконец, она тихо произнесла к своему спутнику:

— Видите? Получается, что его механизм можно испортить очень легко. Хорошо, пока никого нет, измерю волну.

Женщина вытащила из кармана небольшой ящичек и поставила его на лестнице. Потом повернула большую ручку на ящичке. Аппарат тихонько засвистел. Женщина поворачивала ручку дальше. Свист делался все ниже, пока не исчез совсем. Тогда женщина взглянула на цифры, нарисованные на ручке.

— Двенадцать с половиной метров, — сказала она. — Эх, какая короткая волна! Неужели такая частота может дать постоянное и надежное насыщение энергией?

— Осторожно, Мадлена, идут, — предупредил ее Тим (ибо это был он).

Действительно, в цех вошли трое людей. Мадлена испуганно склонилась над ведром. Тим тщательно растянул пошире повязку на лице: одним из трех вновь прибывших был сам Томас Бирз.

Чоловік та жінка кинули моти вікна.

Его лицо, всегда такое спокойное, было непривычно мрачным и напряженным. Казалось, изобретатель роботов был готов за малейшую провинность жестоко избить подвластных ему людей. Его спутники шли на шаг позади него.

Все трое остановились возле робота, который продолжал танцевать свой безумный танец. Смотритель почтительно склонился перед Бирзом.

— То же самое место, мистер Бирз. Не могу ничего понять...

— Это не ваша обязанность понимать, — грубо оборвал его язык Бирз. — Ваше дело ухаживать. А думать и понимать буду я. Ну, что с ним такое?

— Вновь начал делать неуверенные движения, затем словно взбесился, — мрачно ответил смотритель.

— Выходит, все это было так, как и с предыдущим?

— Совсем одинаково.

Не подходя ближе к сумасшедшему роботу, Бирз вынул из кармана уже знакомую Мадлене черную плоскую коробку с блестящими кнопками, свой загадочный генератор. Мадлена легонько толкнула Тима плечом:

— Видите?

— Генератор? — еле слышно отозвался Тим.

Он весь превратился во внимание. Мадлена вместо ответа только наклонила голову.

Бирз, глядя неотрывно на робота, нажал несколько кнопок на генераторе. Помощники его не сводили глаз с чудовища, которое вдруг изменило характер своих движений. Робот уже не танцевал, не подпрыгивал. Он стоял на месте, время от времени переступая с ноги на ногу. Но вся его способность двигаться, вся мощь перешла, казалось, в сухие и длинные руки. В отдельные моменты эти руки нельзя было даже разглядеть: так

быстро он крутил ими в воздухе, так быстро размахивал, что стал похож на огромный пропеллер вентилятора.

Тим видел, как Бирз нажимал одну за другой разные кнопки генератора. В зависимости от этого, изменялись и движения робота. Но все равно, они оставались необычными - порывистыми и неуверенными.

Наконец, Бирз потерял надежду повлиять на робота. Он махнул рукой, положил генератор в карман и сказал спутникам, не оборачиваясь к ним:

— Похоже, полностью вышел из строя... Вообще непонятно. Его надо отключить.

Бирз подошел ближе к роботу и хотел дотронуться до его спины, чтобы повернуть главный рубильник. Но ему не удалось сделать это, потому что робот как раз снова начал с силой размахивать руками. Бирз выругался:

— Чертов недотепа! Скажите, чтобы выключили весь цех, — приказал он смотрителю.

Тот бросился к телефону и передал приказ.

Через мгновение все остановилось. Роботы замерли, каждый в той позе, в которой застал его поворот общего выключателя.

Неожиданно раздался тяжелый удар: это упал на пол робот номер 468 - «С». Он упал на том месте, где стоял, и лежал неподвижной кучей. Только руки его едва заметно дергались.

— Чего это он движется, мистер Бирз? — спросил один из тех, что пришли к цеху вместе с Томасом. — Ведь подачу энергию отключили.

— Черт его знает. Какое-то воздействие или остаточный ток. Надо хорошенько посмотреть.

Бирз повернул выключатель на спине робота — и руки номера 468 - «С» перестали дергаться. Потом

Бирз оглянулся, осматривая все вокруг. Его взгляд остановился на толстых кабелях, которые подводили к цеху электрический ток для моторов станков. Кабели проходили вдоль стены рядом с местом, где работал робот номер 468 - «С».

— Не это ли?.. — неуверенно сказал Бирз.

Он вновь повернул выключатель на спине робота-ря. Железная тварь чуть шелохнулась, и руки ее вновь начали дергаться.

— Выключите ток питания моторов! — велел Бирз.

Надсмотрщик выключил рубильник. Станки остановились — и в тот же миг у робота, что лежал на полу, окончательно перестали дергаться руки. Теперь он стал совершенно недвижим и лежал, как мертвый.

— Вот что мы имеем! — громко сказал Томас Бирз. — Индуктивное влияние тока с кабелей. Интересная штука! Ладно. Не ставить на это место сегодня ни одного робота. Потому что причина не в механизме роботов, а в этих чертовых кабелях. Сразу пришлите сюда монтеров, пусть передвинут кабели в сторону. Или не так, это лишнее...

Он остановился, немного подумал, приложив руку ко лбу, и закончил.

— Пусть экранируют эти кабели железом. Это уничтожит индукцию.

Он повернулся, чтобы уходить из цеха, и вдруг заметил мужчину и женщину, которые уже старательно мыли окна.

— А это ещё кто? — спросил он смотрителя.

— Прислала профессиональная организация убирать цех, по нашему заказу, мистер Бирз. Немного им намяли бока забастовщики, пока они добрались до заводских ворот. Но ничего, работают.

— Ладно. Слушайте, вы! — крикнул Бирз вверх. —

Передайте там подробно о том, что видели здесь, как работают наши роботы. Скажите этим сумасшедшим, которые бесятся, а работать не идут, скажите им, что забастовкам наступил конец. Слышите?

Очевидно, Бирз не считал возможным потерять хотя бы малейшую возможность психологически повлиять на протестующих, используя для этого даже случайных штрейкбрехеров. Он вопросительно смотрел вверх. Мужчина, который мыл окно, кивнул головой в повязке:

— Ладно, мистер, передадим! — громко ответил он.

Бирз удивленно посмотрел на него: кого ему напоминает этот голос?.. Будто какого-то знакомого... Но времени для того, чтобы вспоминать, было мало. И он, не вспомнив, быстро ушел из цеха.

— Тим, какой вы неосторожный, — с упреком сказала Мадлена. — Ведь он мог бы узнать ваш голос.

— Что вы? Ему и в голову не придет, что это чудовище с повязкой на лице может быть Тимом Кроунти. Так же, как не может быть, чтобы эта грязная женщина была очаровательной Мадленой Стрэнд. Ха-ха-ха!..

— Эй, вы там, чего гогочете? Работать надо! — строго прикрикнул на них снизу смотритель.

— Работать, так работать, — тихо ответил Тим. — Ну, я мою стекло, а вы, Мадлена, заканчивайте ваши измерения. Надо все же поскорее убежать, потому что, откровенно говоря, я не привык старательно мыть окна... так же, кажется, как и вы?.. Так значит, волна очень короткая?

Однако, Мадлена не отвечала: она углубилась в дальнейшие измерения.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПЛАН ТИМА КРОУНТИ

— Мне это не нравится, Тим.

Боб Лесли решительно встал и подошел ближе к Тиму.

— Ну, хорошо. Предположим, что мы нашли способ достать этот самый генератор, который управляет роботами. Ладно. Это не главное. Но — а если он у Бирза не один? А когда мы прикажем роботу повернуть налево, а Бирз своим вторым генератором прикажет ему повернуть направо, — что сделает робот тогда? А?

Тим мрачно молчал.

— А если бы и так, — продолжал Боб, — то надо хорошо уметь обращаться с генератором, знать, когда и какую именно кнопку нажимать. Разве ты знаешь это?

— Нет, — вынужден был признать Тим. Но он сразу добавил: — Мадлена поможет. Это же ее специальность.

Теперь задумался Боб Лесли. Конечно, помощь Мадлены, — решающий фактор. Это бесспорно. Но...

— А как относится вообще к этой твоей мысли товарищ Стрэнд? — наконец спросил Боб Лесли.

И как хорошо, что, спрашивая это, он рассеянно смотрел в окно. Потому что иначе он, безусловно, заметил бы, как покраснел Тим.

Ведь впечатлительный репортер хорошо помнил последний разговор с Мадленой, уже после посещения завода под видом штрейкбрехеров. Тим горячо доказывал Мадлене насущную необходимость раздобыть

любыми путями загадочный генератор, чтобы покорить роботов своей воле. Мадлена спорила, она категорически отказывалась принимать участие в осуществлении этих планов. Правда, ее доводы не совпадали с доказательствами Боба Лесли, но сказать, что она благосклонно относилась к лихим авантюристическим замыслам Тима, — было бы слишком смелым. Потому что Мадлена говорила:

— Ни вы, ни я, Тим, не знаем, как связаны роботы и генератор. Как это работает? Однако, это вопрос второстепенный. А прежде всего — как вы раздобудете генератор? Думаю, что Бирз по своей воле вам его не отдаст. А грабить или воровать — это плохие методы! Я не хочу иметь с этим никакого дела. Не хочу — и все.

— А если бы я принес вам генератор, отказались ли бы вы работать с ним? — спросил Тим.

— Я бы спросила, прежде всего, как именно вы его получили.

Тим вспыхнул:

— Допустим, я сказал бы, что украл его. Что тогда? Вы бы отказались?

Мадлена медленно покачала головой:

— Не знаю, Тим. Вполне возможно, что и отказалась бы.

Вспоминая этот разговор, Тим чувствовал себя очень неловко. Что ответить Бобу? Ведь сказать ему, что Мадлена против, это значило провалить все дело. Узнав об этом, Боб никогда не поможет Тиму осуществить его план.

— Так как же относится к этому Мадлена? — раздался вновь голос Боба Лесли.

И Тим решил. Собрав все силы, напрягшись, как человек, которому предстоит прыгнуть в холодную воду, он ответил, изображая безразличие:

— Конечно, хорошо. Положительно. Она поможет освоить эту штуку. Дай только возможность.

Тогда Боб медленно повернулся к Тиму:

— Ну, ладно. Пусть будет по-твоему. Я остаюсь при своих мыслях, но тебе мешать не хочу. Хорошо. Ребята помогут тебе. Скажи Джорди Рундалеви, что я не возражаю. Только... может, ты лучше бы бросил это дело, Тим?

— Нет. Я сделаю все так, как сказал тебе. И тогда ты вынужден будешь полностью согласиться со мной, — твердо ответил Тим.

Так или иначе, а отступить Тим уже не мог. Он должен был доказать, что именно он был прав, а не кто-то другой.

Томас Бирз возвращался домой. Выйдя из дома губернатора, он шел к своему автомобилю. Не оборачиваясь, он чувствовал, с каким уважением смотрят ему вслед люди, которые провожали его до дверей дома после разговора Бирза с губернатором.

Да, Томас Бирз теперь стал достаточно важным лицом. Сам губернатор обещал ему полную, всемерную поддержку. Он сказал:

— Я не собираюсь форсировать события, мистер Бирз. Но должен вас проинформировать: в случае необходимости, военные силы придут вам на помощь. Мы имеем определенные инструкции из центра.

Бирз выходил из дома губернатора, самоуверенно улыбаясь. Увидим, увидим, что останется теперь от сопротивления этого несчастного забастовочного комитета!

Вдруг он увидел двух мужчин, которые, пошатываясь, шли по тротуару по направлению к нему. Кажется, они были пьяны. Бирз ускорил шаги, чтобы не пересячь с ними на тротуаре и поскорее сесть в свой авто-

мобиль. Но он не успел этого сделать.

Один из прохожих налетел на него и чуть не упал, толкнув Бирза в сторону. Он удержался на ногах лишь потому, что вцепился в плечо инженера руками. Он еле стоял, и сохранял равновесие, только опираясь на Бирза.

— Э-э... простите... э-э... — бормотал он.

Второй, который нес на руке красивое пальто на шелковой подкладке, подбежал к Бирзу и начал извиняться. Очевидно, ему было неудобно за своего товарища.

— Простите, мистер, — говорил он, без остановки кланяясь, — он немного выпил... И вот, никак не удержится на ногах...

Но вот он и сам качнулся так, что чуть было не упал. Его сжатый кулак неожиданно ударил Бирза по голове. Инженер почувствовал, как все перевернулось перед его глазами. Он крикнул:

— Да отстаньте от меня вы, гуляки! Что вы — с ума сошли? Разве же можно так неосторожно?..

— О... простите...

Второй гуляка, наконец, схватил своего товарища под руку и быстро оттащил его, освободив Бирза. Они быстро отошли в сторону. И тут же к Бирзу приблизился полисмен, который заметил эту сцену со своего поста.

— Ничего не надо, — отмахнулся Бирз и прыгнул в автомобиль. — Домой, — приказал он шоферу и привычным жестом опустил руку в карман, чтобы взять спички и зажечь трубку.

И вдруг он схватился за боковой карман. Он увидел, что его пиджак расстегнут.

— Мой бумажник! — воскликнул он, ощупывая себя руками.

Бумажника не было. Но не это было главное.

Дрожащими от ярости пальцами Бирз ощупал второй боковой карман, где лежал его карманный генератор. Генератора тоже не было.

Только теперь Бирз понял, что он стал жертвой ловких карманников, которые под видом пьяных обокрали его. Очевидно, воры украли генератор, обманутые его формой. Видимо, они приняли его за кошелек или футляр с драгоценностями.

Бирз аж сплюнул с досады. Такой старый способ — и он не понял сразу. Досадно, досадно... Бирз заметил, что шофер вопросительно смотрит на него.

— Что такое? — недовольно спросил он.

— Мистер Бирз, вы говорили что-то про свой бумажник. Может, позвать полисмена?

— Нет. Всё ерунда. Поехали!

Автомобиль тронулся, оставляя позади себя легкое голубоватое облачко бензинового дыма. Бирз полуприлег на кресле сидения и курил, полностью углубившись в свои размышления.

Воры, если бы им довелось это увидеть, были бы удивлены не меньше шофера, который иногда поглядывал на Бирза в зеркало на переднем стекле. Странно: человека ограбили, выхватили бумажник и еще что-то важное, а он так спокоен. Может, Бирз только изображает безразличие? Нет.

Инженер думал совсем о другом. Полуприкрыв глаза, он мечтал о том, что уже сегодня сможет окончательно поговорить с Мадленой. О бумажнике с небольшой суммой денег и о генераторе он почему-то совсем и не думал.

Вот он дотронулся до спины шофера:

— Поворачивайте на Брукленд-стрит. К коттеджу инженера Стрэнд, — приказал он.

Тем временем, гуляки быстро шли тихим переулком, так быстро, что теперь уже вряд ли кто-либо мог бы подумать, что они только что пошатывались и с трудом сохраняли равновесие. Еще через квартал у парадной стоял мужчина в кепи. Он подождал, пока бывшие гуляки не поравнялись с ним, и коротко спросил:

— Ну, как?

Первый из гуляк показал рукой на второго. Второй, оглянувшись, подал мужчине в кепи две вещи: кожаный бумажник и черную плоскую коробочку. Затем они вместе с товарищем еще быстрее пошли вперед. А мужчина в кепи, усмехнувшись, спрятал вещи под макинтош и пошел совсем в другую сторону.

Тем временем автомобиль Бирза подъехал к коттеджу Мадлены Стрэнд. Бирз выпрыгнул из автомобиля, но сразу же остановился: окна квартиры Мадлены не были освещены. Бирз прикусил губу. Это было совсем неприятно. Вот уже второй день Мадлена избегает встречи с ним. Чтобы убедиться окончательно, Бирз энергично нажал кнопку электрического звонка. Ему никто не ответил, как этого и следовало ожидать.

Вот почему Томас Бирз вернулся на завод значительно раньше, чем надеялся.

И именно тогда, когда автомобиль Бирза отъезжал от коттеджа Мадлены, — Тим Кроунти внимательно рассматривал небольшую плоскую черную коробочку, которую положил перед ним на стол веселый жизнерадостный Джорди Рундаль, сказав:

— Сделано, товарищ Кроунти. А бумажник я, с вашего позволения, сдам Бобу. Может, он найдет в нем что-нибудь интересное.

Он вышел. Тим остался один. Серьезные сомнения мучили его. Действительно, что делать с этим генера-

тором? Что Мадлена откажется с ним работать, — Тим был полностью уверен. Он хорошо знает принципиальность Мадлены Стрэнд. А сам он... что сделает он сам с этой коробкой?

Четыре ряда кнопок, без каких-либо надписей и пояснений, что к чему. Два небольших рычажка. Два гнезда, куда можно было воткнуть штепсель. И все. То, что было в черном эбонитовом корпусе, скрепленном винтами, оставалось загадкой для Тима. Что делать с этой загадкой? Ведь он должен как-то оправдать всю эту историю.

Тим осторожно передвинул один из рычажков. В коробке что-то тихо загудело. Тим повернул второй рычаг. Гудение стало выше. Но и это не помогло Тиму понять назначение рычагов. Он отметил лишь для себя:

— Рычажками, очевидно, включают этот генератор. А уже затем, нажимая кнопки, управляют роботами. Разные кнопки — разные движения.

И, как Тиму показалось, он нашел решение сложной проблемы использования черной коробки. От радости он подпрыгнул почти до потолка:

— Хей-хей, вот оно!

— Что такое, Тим? — удивленно спросил у него Боб Лесли, который вошел в комнату вместе с Рундалем.

— Нашел! Нашел! — восклицал Том.

— Что ты нашел?

— Как обращаться с генератором.

— Так скажи, — Боб Лесли спокойно сел возле стола.

— Слушай, Боб, я говорил уже тебе, что, в зависимости от того, какую ты нажмешь кнопку здесь, робот делает то или иное движение. Это мне и Мадлена рассказывала, и я сам утром на заводе видел.

— Ну? Откуда же ты узнаешь, какая кнопка вызывает какое именно движение.

— А мне и не надо этого знать, — гордо ответил Тим.

— Как так? — откровенно удивился Боб.

— Очень просто. Мне достаточно вывести из строя роботов. Пусть Бирз руководит ими, пусть чинит их. А с меня хватит сейчас, на данном этапе, того, что они будут делать глупости.

— Да что ты, с ума сошел, что ли?

— Нет, все в порядке. Слушай. Допустим, роботы делают определенные движения. А я, тем временем, нажимаю первые попавшиеся кнопки. Одну, вторую, третью, несколько одновременно. Робот будет получать беспорядочные, запутанные приказы, и он сломается. А чего же нам еще надо? Ведь весь план компании Говерса, таким образом, будет порушен. Роботы не будут работать возле станков. И конец всей истории.

Боб Лесли задумался.

— Что же, Тим, может быть, ты прав. Если роботов, одного за другим, придется чинить, то это будет означать провал, срыв планов Говерса. Давай, давай, посмотрим. Пойду вместе с тобой. А ты, Джорди, подожди здесь. Сюда должна прийти товарищ Мадлена. Скажи ей, что мы с Тимом пошли на завод.

Разве мог Бирз подумать, что самая бдительная охрана заводских ворот и стен не помешает председателю забастовочного комитета и рыжему репортеру пробраться на завод? Никогда в жизни Бирз не мог бы предположить такого. Он был уверен в той охране, которую несли на заводе полисмены и «Боевые кресты».

И все же, Боб Лесли и Тим Кроунти, конечно, переодетые в обычную рабочую спецодежду, свободно шли

между цехами, где работали роботы. Правда, они не очень спешили встретиться с охранниками и полисменами; скорее наоборот, они избегали такой встречи.

Боб Лесли был против того, чтобы натворить лишнего переполоха. Именно поэтому он решительно отклонил очередное предложение Тима попытаться повлиять генератором на роботов в цехе.

— Нет, Тим, это слишком опасно. Смотрители знают друг друга. Давай иначе. Я помню, там, на площадке, стоит один робот, который накладывает слитки стали на платформу. Вот тебе и объект. Пошли.

Робот возле платформы делал мерные, четкие движения. Он наклонялся, поднимал тяжелые длинные слитки стали, которые не под силу было бы поднять и трем мужчинам, — и клал их на платформу. Десять или пятнадцать слитков — и платформа уезжала, освобождая место для следующей. Робот работал без усталости, добросовестно и безупречно. Чем-то его работа напоминала работу подъемного крана. Такая же скупость движений, размеренность и четкость.

Тим осторожно вынул из кармана черную коробку и повернул рычаги. Послышалось уже знакомое гудение.

— Смотри, Боб, осторожнее. Он может сразу сойти с ума, — предупредил Тим Боба, вспоминая случай с сумасшедшим роботом, увиденный ими с Мадленой в цехе.

Боб Лесли внимательно следил за движениями Тима. Вот репортер нажал одну кнопку, вторую, третью... Чудовище возле платформы работало так же четко.

— Что-то не так, — прошептал Тим. — Вот, сейчас.

Он передвинул рычаги к краю. Жужжание сразу превратилось в свист. Лихорадочно, торопясь, Тим нажимал на все кнопки коробки по очереди и вместе

по несколько сразу. Бесполезно: робот работал, не изменяя ни одного движения.

Тим остановился. Он побледнел и посмотрел на Боба с заметной беспомощностью. Боб нахмурился:

— Может, эту коробку надо к чему-нибудь подключить? — сказал он, наконец. — Как мотор, скажем? Ну, штепселем к электрическому проводу, что ли?

— Нет, — растерянно ответил Том. — Я же видел. Бирз ни к чему не подключал его. Просто вынимал из кармана и нажимал кнопки.

— Ну?

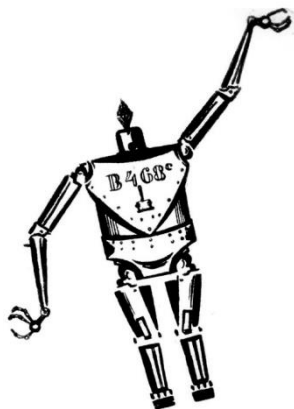
— И робот менял движения...

Тим еще и еще нажимал кнопки, всякий раз передвигая рычаги коробки, чтобы найти нужное состояние.

Не помогало ничто. Гудение и свист проклятой черной коробки — вот и все, что было следствием всех его бесплодных попыток.

Робот спокойно, не обращая ни на что внимания, старательно работал. Никакого изменения в его движениях ни Тим, ни Боб заметить не смогли.

Генератор хоть и действовал, но не влиял на робота!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

БОБ ЛЕСЛИ ВЕДЕТ СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Невнятная, какая-то тревожная тоска все более охватывала Томаса Бирза. Это началось, насколько он помнил, с того дня, когда принесли радиотелеграмму от Говерса. До этого времени все казалось Бирзу простым и несложным. Вот армия роботов приступает к работе. Это подавляюще влияет на забастовщиков, они теряют возможность сопротивляться, они деморализованы, забастовка заканчивается на необходимых компании условиях, забастовщики приступают к работе — и все. Полная победа. Ведь Бирз лучше любого другого понимал и знал, как дорого обходится компании работа роботов у станков. Каждый день такой работы не только не давал прибыли, а, наоборот, причинял убытки, значительно большие, чем убытки от обычного простоя завода.

Относительно убытков коммунистическая газета «Ред Стар» не ошибалась. Сначала Бирз никак не соглашался признавать факт огромных потерь от труда роботов; ведь даже разговоры об этом были неприятны автору и создателю железных чудовищ. Однако, вскоре он понял, что это вовсе не бросает тени на его изобретение. В конце концов, что было дешевым в стране, кроме живой рабочей силы? Ничего. И не удивительно, что роботы стоили Говерсу очень не дешево.

Томас Бирз сидел за своим столом и в тысячный раз обдумывал все это, задумчиво крутя пальцами серебряный карандаш. Ко всем этим соображениям последние два дня примешивались мысли о непонятном отсутствии Мадлены, которая словно нарочно избегала встреч с Бирзом. Что это? Женская стыдливость, которая не позволяет Мадлене открыто прийти к Бирзу? А может быть, хуже; может — это признак того, что Мадлена любит не его, а кого-то другого? Например, Рыжего Тима...

Серебряный карандаш крутился в сухих тонких пальцах Бирза все быстрее. Правда, Мадлена отрицала свою привязанность к Тиму. Однако, разве это не могло быть обычной женской хитростью?

— А, чертова игрушка!

Карандаш выскользнул, наконец, из пальцев Бирза, и упал на большой ковер, который устилал пол его кабинета. Бирз наклонился, чтобы поднять его. И в тот момент, когда он, наконец, нашарил уже холодную палочку карандаша, — зазвонил телефон. Он звонил настойчиво, резко и долго, не останавливаясь ни на мгновение.

Без колебаний Бирз взял трубку с одного из аппаратов, стоявших на его столе. Он хорошо знал этот назойливый звонок: это был телефон, который связывал его напрямую со станцией управления роботами — сердцем, мозгом и нервной системой железной армии.

— Бирз у телефона. Я слушаю вас, — небрежно сказал он в трубку.

Но сразу же он крепко прижал трубку к уху. Тревожный голос из трубки докладывал:

— Мистер Бирз, случилась какая-то авария с вашим генератором, потому что он подает нам непонятные сигналы.

— Какие сигналы? — Бирз схватился свободной рукой за ручку кресла.

— Сигналы, которые вы подаете нам для исполнения, для передачи роботам, стали непонятными. Они противоречат друг другу. В течение нескольких секунд мы получали, например, такое: система четыре, один контакт, система девять, восемь, одиннадцать, контакт шесть и три. Это же совсем невыполнимо, потому роботам пришлось бы приподнять одновременно обе ноги и так же одновременно склониться головой к земле. Очевидно, испортился ваш генератор, и неверно передает ваши приказы. Разрешите доложить, мистер Бирз, я могу немедленно отправить вам другой карманный генератор.

— Благодарен. Пришлите. А когда начались эти сигналы? Когда вы заметили неисправность генератора?

— Две-три минуты назад. Сначала техник вызвал меня, потому что не знал, что делать. Мы вдвоем пытались разобрать ваши приказы. Но я быстро убедился в том, что это напрасный труд, и решил доложить вам.

— Да. Сейчас сигналы идут?

— Продолжаются, мистер Бирз. Такие же непонятные. Может, вы сделаете одолжение, и будете передавать их, пока вам не принесут генератор, просто по телефону? Ведь ничего нельзя понять.

Дежурный по станции управления роботами считал, очевидно, что Бирз продолжает подавать сигналы, нажимая кнопки своего карманного генератора. Хм... Голос Бирза прозвучал хрипло и сурово:

— И сейчас сигналы продолжаются?

— Да.

— Немедленно возьмите пеленгационный аппарат и установите, где именно находится генератор, который

передает эти сигналы.

— Но...

— Слушайте, что я говорю. Эти сигналы подавал не я. Сегодня, несколько часов назад, неизвестные воры украли у меня мой карманный генератор вместе с бумажником. Очевидно, это они и подают сигналы, не умея обращаться с генератором. Они просто нажимают кнопки, которые попадут им под руку. Но — как они попали сюда, на завод? Ведь сигналы идут с заводской территории, да?

— Да.

— Ну, понятно, иначе бы вы не звонили сюда. Ладно. Пеленгуйте, найдите немедленно генератор. Сейчас я сам к вам приеду.

— Есть, мистер Бирз.

В громкоговорители что-то звякнуло, и он замолчал. Бирз поднялся и потянулся. Усталости как не бывало. Мозг работал спокойно, хоть и напряженно.

— Значит, это были не просто воры. Это были подсланные агенты, они украли генератор не случайно, а нарочно, — размышлял Бирз. — Ладно. Они на заводской территории. Посмотрим, что они запоют, когда их поймаем. Наверное, коммунисты. Только они способны на такое.

Серебряный карандаш печально треснул в пальцах Бирза и распался на две половинки. Томас Бирз рассеянно глянул на него и бросил в корзину под столом. Время не ждало. Надо было спешить на станцию.

Техник по пеленгационным аппаратам, которые давали возможность точно установить, где именно находится генератор, медленно продвигался от станции вдоль двора. Пеленгационный аппарат красной стрелкой четко показывал направление, из которого

неслись сюда странные сигналы украденного генератора.

Бирз посмотрел на аппарат.

— Да. Можно идти быстрее. Здесь ошибки не будет, — приказал он технику.

Его острые глаза заметили сержанта и двух полицейских, которые проходили двором.

— Эй, сержант! — крикнул он. — Идите сюда. Пожалуйста, приготовьте оружие и идите со мной. Надо арестовать людей, которые неизвестными путями прокрались тайком на завод.

— Есть, мистер Бирз, — был ответ.

Небольшой отряд двигался в направлении, куда указывала красная стрелка аппарата.

А на расстоянии всего трехсот метров от них, за углом большого кузнечного цеха, около одиночного робота, который спокойно продолжал свою работу, — Тим и Боб упорно пытались вытащить из загадочного генератора хотя бы какой-то признак того, что он может влиять на железное чудовище. Ничего не помогало.

— Подойди ближе к нему. Может, расстояние слишком большое.

— Сейчас, — ответил вспотевший Тим.

Генератор гудел, свистел, но робот не слышал ничего и не менял ни одного движения.

— Может, хватит, Тим?

— Нет, я попробую еще.

— Смотри, мы и так слишком долго стоим здесь. Может кто-то заметить.

— А ты поглядывай. Вот я сделаю последнюю попытку.

— Только быстрее. Время уходит.

Тим снова нажал на рычаги и кнопки.

Именно в этот момент техник доложил Бирзу:

— Вот видите, генератор совсем близко. Стрелка аппарата почти не качается.

Бирз посмотрел на свой отряд: полицейских должно было хватить. Перед ними появилась длинная стена кузнечного цеха, которая справа загибалась под углом. Где же преступники?

Боб Лесли отошел в сторону от Тима и выглянул из-за угла дома. И одним прыжком он вернулся обратно. Не говоря ни слова, он выхватил из рук удивленного Тима генератор, бросил его возле робота и толкнул Тима.

— Бежим!

Он быстро бросился к платформе и, ловко прячась за ней, а потом за вагонами, побежал вдоль путей. Тим спешил за ним. Он не спрашивал ничего. Все было понятно и так. Боб Лесли заметил серьезную опасность. Надо бежать. И Тим, напрягая все силы, бежал, стараясь не отставать от Боба и получше прятаться.

Томас Бирз осторожно выглянул из-за угла. Никого нет и тут, если не считать робота, который работал, нагружая платформу. Бирз перевел взгляд на пеленгационный аппарат. Стрелка просто застыла, едва заметно вибрируя. Генератор был где-то здесь, на расстоянии нескольких метров.

Полицейские шли один за другим, вынув револьверы и держа их наготове. Сам Бирз держал в руке маленький браунинг со снятым предохранителем, готовый сразу же остановить выстрелами людей, которые осмелились явиться сюда, на завод, с украденным у него генератором.

Техник остановился:

— Здесь.

— Где здесь? — раздраженно переспросил Бирз. — Вы ведь видите, никого нет.

Техник колебался. Что ему ответить? То, что здесь никого не было, он хорошо видел и сам. Но пеленгационный аппарат четко указывал: генератор работает здесь. Полицейские с любопытством смотрели на него и на разъяренного Бирза.

И вдруг Бирз наклонился. Он увидел у ног робота черную плоскую коробку. Генератор!

Быстрым движением Томас Бирз схватил его. Да, это он. И работает. Рычаги включения сдвинуты к краю. Но где же люди? Где преступники?

Держа в руках генератор, Бирз растерянно оглядывался по сторонам. Странно, но людей не было. Не менее растерянно смотрел на него и техник вместе с полисменами.

Наконец Бирз понял, что такое положение делает его просто смешным в глазах полисменов. Он выключил генератор, положил коробку в карман и распорядился:

— Вы свободны, сержант.

— Есть! — и сержант с полисменами, отдав честь, повернулись и пошли прочь.

— Так же свободны и вы, — отпустил Бирз и техника.

Оставшись в одиночестве, Бирз еще раз осмотрел все вокруг себя. Никого... А это что?

Он быстро наклонился, рассматривая что-то небольшое, блестящее и округлое. Эта вещица ярко сверкала на грязной, покрытой пылью земле. Это было стекло из часов-браслета. Очевидно, оно недавно упало здесь, потому что не успело еще даже испачкаться. Рядом Бирз заметил на мягкой дорожной пыли четкие следы ног. Здесь стоял человек в ботинках на сплош-

ной рифленой подошве. Ни у Бирза, ни у техника, ни тем более у сержанта с полицейскими не было такой обуви.

Бирз задумчиво свистнул, поднял с земли стекло, положил его в карман и направился обратно к своему кабинету. Машинально он перечислял в памяти всех виденных в течение этих дней людей: у кого была обувь на рифленой подошве?.. Но вспомнить не смог.

... Старый сторож возле крайнего литейного цеха мирно сидел в своей сторожке, когда к нему вбежал запыхавшийся Боб Лесли. За ним вбежал не менее уставший Том Кроунти. Старик удивленно поднялся, вглядываясь в лица незваных гостей. Но Боб не тратил времени даром. Он подошел к старику, наклонился к нему и проговорил, ласково хлопая его по спине:

— Ну, дед Рундаль, выпускай нас. А то некоторые здесь могут слишком настойчиво заинтересоваться нами.

Старик, казалось, узнал его:

— Это ты, Боб? — прошамкал он.

— Да. Джорди кланялся тебе. Говорит — скоро придет к тебе погостить. Но выпускай быстрее. Ибо на нас с товарищем охотятся.

Он прислушался. Нет, казалось, все было тихо. Немного повернувшись к Тиму, Боб объяснил ему:

— Этот старик — отец нашего Джорди.

А старый, тоже не теряя времени, осторожно отодвинул в сторону шкаф, стоявший у стены. За ней открылись неоштукатуренные доски забора: сторожка не имела четвертой стены, вместо нее был заводской забор. Почти везде бетонированный, здесь, на задворках, он кое-где был дощатый. Именно в таком месте и приткнулась будка сторожа.

Оглянувшись на товарищей, старик так же осторожно взялся за конец доски и неожиданно легко вынул ее из забора. Он просунул голову в отверстие, посмотрел по сторонам и, лишь убедившись, что вблизи забора снаружи никого нет, вытащил еще две доски, освободив неширокий, но вполне достаточный проход.

— Выбирайтесь скорее уже, — скомандовал он поллушутливым, полуприказным тоном.

— Спасибо, товарищ Рундаль! — в последний раз похлопал его по плечу Боб и исчез в проеме.

Вслед за ним выпрыгнул и Тим. Заводские опасности остались позади, беглецы были свободны.

Только теперь Тим вспомнил, что генератор остался там, возле робота. И все Боб Лесли! Ну, разве можно было бросать его там?

— Зачем ты сделал это? — он дернул Боба за рукав.

— Что именно? — не понял тот.

— Зачем ты бросил там генератор?

— А тебе еще хотелось поиграться?

— Что за манера разговаривать? — обиделся Тим.

— Обычная. Потому что ты действительно иногда бываешь ребячлив.

— Боб, я не позволю тебе... — вспыхнул Тим.

Боб Лесли весело, но насмешливо засмеялся.

— Так-таки и не позволишь, Тим?

Тим смутился.

— Не то что не позволю, а... Ну, чего ты придираешься?..

Лицо Боба Лесли вдруг посерьезнело. Он замедлил ход и, взяв Тима под руку, заговорил тихо и убедительно:

— Слушай, Тим Кроунти, я хочу с тобой серьезно поговорить. И неплохо будет сделать это именно сейчас, потому что это самое благоприятное время для

серьезного разговора. Ты можешь говорить серьезно, без детских обид, без лишнего гонора?

Тим недовольно пожал плечами.

— Зачем лишние вопросы?

— Ну, хорошо. Слушай, Тим Кроунти, неужели ты не понимаешь, что по причине твоей вспыльчивости, твоей горячности, тебя можно иногда принять за провокатора?

— Что? Что ты сказал?

Тим аж подпрыгнул.

— Не волнуйся. Давай обдумаем это. Вот тебе случай с этим генератором. С самого начала, я просил тебя бросить это бесполезное дело. Ты не соглашался, ты настаивал на своем. Что получилось из того? Ну, скажи честно?

— Ничего, — мрачно признал Тим.

— Согласен с тобой, ничего не получилось. Однако, даже не ничего, а хуже. Получилось так, что мы с тобой рисковали неизвестно из-за чего, рисковали нашей свободой и даже самой забастовкой. Не понимаешь? Слушай дальше. Вот ты ругаешь меня, что я бросил там твой генератор. А ты подумал, что произошло бы, если бы нас поймали там, — он выразительно махнул рукой к заводу, — с генератором Бирза, только что украденным у него? Ты подумал об этом?

— Нет.

— Вот и я вижу, что нет. А я могу тебе сказать. Нас арестовали бы — это еще ничего. Отправили бы в тюрьму — тоже ничего. Но послали бы нас туда, как обычных воров, что обокрали уважаемого мистера Бирза, и теперь появились на заводе продолжать свои кражи. Понимаешь, нас посадили бы в тюрьму не как революционеров, а как обычных воров, карманных воров? И об этом немедленно растрезвонили бы целому

городу, целой стране. Прежде всего, относительно тебя, об этом узнала бы Мадлена... Ну чего ты хмуришься? Что касается меня, то найди лучший способ скомпрометировать забастовочный комитет, чем обвинить его главу, как вора, в карманной краже? Теперь, надеюсь, ты понимаешь, чем мы рисковали вообще, и почему я бросил там этот генератор?..

Тим молчал. Дело поворачивалось теперь совсем другим боком. Боб Лесли был прав. «Как всегда», — честно отметил про себя Тим. Но какой-то беспокойный дух препирательства заставил его спросить:

— Тогда зачем ты пошел со мной, когда заранее знал о таком риске?

Боб Лесли мягко улыбнулся:

— Чтобы не оставлять тебя одного, потому что иначе ты, дурак, уже сидел бы в тюрьме. С твоей вспыльчивостью, с твоей манерой лезть опророметью в воду, скоропалительно принимать решения и решать все вопросы, — ты же самый лучший объект охоты для полисменов. Вспомни, разве тебя можно было остановить, когда ты придумал всю эту историю? Ты помнишь наш разговор? Эх, Тим, и сколько в тебе излишней вспыльчивости!..

Он вздохнул, укоризненно покачал головой и добавил после паузы:

— А теперь — условие. После всего этого — никаких авантур без согласования со мной, без моего согласия, Тим. Я очень уважаю и ценю тебя, мой друг. И именно поэтому я требую этого. Ты очень нужен нашему общему делу, чтобы в дальнейшем позволить тебе так глупо рисковать, так нецелесообразно и, прости, дурно авантюрировать. Согласен?

А так как Тим смущенно молчал, Боб Лесли добавил в последний раз:

— Ну, хорошо. Теперь я пойду к товарищам, а тебе советовал бы известить о наших делах редакцию. Нам очень нужна помощь. Ведь мы теперь — подпольная организация. Ну, бывай!

Он пожал руку Тиму и ушел.

Странно, но Тим никак не мог найти в себе какого-либо чувства обиды на Боба. Председатель забастовочного комитета был совершенно прав, с какой стороны не пробовал рассматривать все это Тим. И чем больше он это обдумывал, тем больше смущался. Действительно, он вел себя, как неумный ребенок. Но как мог он, Тим Кроунти, позволить так рисковать Бобом Лесли? Ведь тот пошел на всю эту авантюру только для того, чтобы не оставлять Тима одного во время непременных опасностей. Нет, на этот раз Тим действительно попал впросак... Хоть бы Мадлена не узнала этого, потому что тогда будет совсем неприятно.

— Последние новости! Газета «Дейли Телеграф»! Газета «Биржевые новости»! — прокричал возле него мальчик газетчик.

— А «Ред Стар» есть?

— Есть.

— Давай по экземпляру всех.

И, расплатившись с мальчиком, Тим начал перелистывать страницы газет в поисках отзывов на нью-гарриские события.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

СЛЕДИТЕ ЗА ЛЕВЫМИ РУКАМИ

Томас Бирз не мог сидеть спокойно, он ходил то вперед, то назад по комнате, нервно оставиваясь и вновь начиная ходить. Мадлена сидела в кресле, теребя в руках тоненький платочек. Ничто не напоминало в ней ту неуклюжую женщину, что мыла вчера утром окна в цехе.

Бирз заметно волновался.

— Все слова бесполезны, Мадлена? Понятно, ведь вы уже не та, к которой я привык. Вы даже не слушаете меня. Вы обещали ответить мне на мой вопрос еще четыре дня назад. И однако, вас не бывало дома каждый раз, когда я приезжал к вам. Как это понять, Мадлена?

— Я не хотела отвечать вам, вот так.

— Почему? Может, вы не хотите сказать мне чего-то неприятного? Говорите, я не боюсь. Лучше выслушать откровенную неприятность, чем ничего не знать и лишь чувствовать вашу замкнутость. Прошу, говорите.

Мадлена уселась поудобнее. Немного подождала, пока Бирз остановился возле стола, потом спокойно ответила:

— Да, Томас. Я не могу сказать вам ничего такого, что было бы вам по нраву. Вы желали бы услышать, что я люблю вас? Такого вы, к большому сожалению, не услышите. Я уже говорила вам, что уважаю вас, как

талантливого инженера, уважаю за изобретение, за ваше гениальное изобретение роботов. Но... мы по-разному смотрим на вещи, более того — мы с вами в разных лагерях, как вот вы тогда сказали.

— Что? Значит, вы против меня? — нахмурился Бирз.

— Нет, я не против вас. Это вы против меня и моих друзей. Помните ваши слова о победном ходе роботов, что уничтожат всех, кто станет вам и им на пути? Знайте, что вы угрожали мне лично. Потому что, когда вы отправляете роботов против рабочих — я с рабочими и против роботов.

Бирз потерял свою привычную сдержанность:

— Бессмыслица! Вы — с рабочими? С этими голдранцами? Не может быть! Вы, квалифицированный инженер, якшаетесь с рабочими? Вы не идете со мной? Не верю, не может быть!

— Да, мистер Бирз! Я сказала, что мы по-разному смотрим на вещи. Если бы ваши роботы шли не против рабочих, а за них — я была бы с вами.

Бирз удивленно оглядел Мадлену с ног до головы, словно впервые увидел ее. Эта девушка осмеливается отказывать ему, Томасу Бирзу, чье имя можно теперь увидеть на страницах газет всего мира... Он принес к ее ногам свое великое изобретение — и она не принимает его... Было чему удивляться.

Бирз подошел к окну. Он стал смотреть на улицу, хоть и мог видеть там только отдельные пятна света от фонарей и редких прохожих. Вдруг он обернулся.

— Кажется, мисс Стрэнд, к вам идет ваш хороший знакомый, Тим Кроунти. Интересно будет повидаться!

Мадлена смутилась, глаза ее заблестели. Предательский румянец появился на ее лице. Бирз заметил это.

— Так, — тихо проговорил он, — ладно. Вот оно что? Хорошо, сейчас узнаем.

Он прошел вглубь комнаты, почти спрятавшись в тени от абажура настольной лампы. Едва он это сделал, — дверь распахнулась, и в комнату вбежал Тим, размахивая газетами.

— Мадлена! — радостно закричал он. — Победа! Забастовочный комитет получил деньги. Более того, вот данные, что акции Говерса на бирже падают и дальше. Падают, как тот робот, что танцевал при нас вчера на заводе, помните, когда мы мыли окна. Мы победим! Бирз ничего не сможет сделать с нами. С вашей помощью мы разобьем его и его роботов вдребезги...

Он размахивал газетами и задорно, возбужденно выкрикивал все это, не замечая встревоженного выражения лица Мадлены, что тщетно пыталась указать ему на Бирза, который все еще прятался в тени, пристально вглядываясь в Тима. А тот продолжал:

— Кажется, я не очень опоздал, Мадлена? — он быстро поднял вверх левую руку и посмотрел на часы, что были у него на руке. — Нет, как раз пришел, как условились. Только вот где-то потерял стекло из часов. Придется снять часы, потому что сломаются стрелки...

Томас Бирз вздрогнул. Рука его нащупала в кармане стекло, найденное им в пыли возле того места, где стоял брошенный ворами генератор. Так... интересно... А ну-ка, какие ботинки на Тиме Кроунти?..

Тим, не замечая ничего, снимал с руки часы и говорил дальше:

— И что вы молчите, дорогая Мадлена, как воды в рот набрали? Что случилось? Такие замечательные новости, а вы грустные. Мадлена, мы победим. Пусть Томас Бирз гордится тем, что разогнал забастовочный

комитет, что изобрел роботов. Это не спасет ни его, ни его хозяина Говерса. Мы победим, Мадлена, победим!..

Он оторопел и остановился, потому что увидел Бирза, который понемногу выходил из тени. На губах Бирза играла недобрая ироничная улыбка. Он вежливо поклонился Тиму:

— Добрый вечер, мистер Кроунти! Очень рад, что вы несколькими словами так хорошо прояснили мне положение. Очень благодарен вам. Имейте в виду, не только те остаются незамеченными, кто, как вы, ходит в обуви на бесшумной рифленой подошве... потому что иногда такие вот герои оставляют на месте своих не совсем красивых упражнений небольшие напоминания, как вот такие, например... это не ваше стекло с часов, между прочим?

Он протянул Тиму руку. На ладони блестело стекло, потерянное Тимом сегодня, во время попыток покорить робота с помощью генератора Бирза. Тим почувствовал, что багрово краснеет. А Бирз безжалостно продолжал:

— У вас, мистер Кроунти, неплохая компания. Ваши товарищи - прекрасно квалифицированные карманные воры. Что же, имея такого способного шефа, такого талантливую организатора, как вы...

— Как вы смеете! — воскликнул Тим.

Но Бирз остановил его:

— Я-то смею. А как смеете повышать голос вы, кого едва не поймала сегодня полиция с украденным у меня генератором? Мне всегда казалось, что вором нужно называть не только того, кто непосредственно украл вещь, а и того, кто пользуется украденной вещью или является организатором кражи. Разве не так, мистер Кроунти? Хм... молчите?.. Хорошо. Это лучше. Так значит, вы объединились здесь, как мои враги? Ха-ха-ха,

военный союз, блок против меня! Ха-ха-ха! Хорошо, хорошо. Ха-ха-ха!

Он нервно и сухо смеялся, словно не способен был сдержать этот смех. Но вот, Бирз остановился, и уже почти спокойно заговорил дальше.

— Значит, — война? Хорошо, посмотрим, кто победит. Мисс Стрэнд, имею честь попрощаться с вами. Мистер... простите, товарищ Кроунти, еще раз выражаю вам благодарность. Иногда бывает хорошо, когда у некоторых людей слишком длинный язык. К сожалению, мне не повезло вчера узнать вас под той грязной повязкой, которая, между прочим, очень подходила для грязных делишек негодяя, который носил ее. Жалею, что не узнал, ибо мы с вами поговорили бы тогда иначе. Всего хорошего! Имейте в виду, что по вашему собственному желанию теперь начинается открытый бой. Берегитесь. Потому что во время войны, я считаю, хороши все средства. На войне, как на войне! И советовал бы вам заранее искать спасения где-нибудь, не рассчитывая на милость победителя. Прощайте!

Он еще раз подчеркнуто вежливо поклонился и вышел. Тим все еще оторопело смотрел ему вслед.

— Вот как получилось... Разве же я знал, что он здесь?.. Ну, пусть его, все равно теперь уже ничем не помочь.

Он повернулся к Мадлене. Она смотрела на него с улыбкой и, казалось, совсем не сердилась.

— Какой же вы невыдержанный, Тим! Во-первых, в комнату не заходят, не постучавшись. Во-вторых, прежде всего, здороваются, и только тогда что-то начинают рассказывать. А придя к женщине — вообще не начинают рассказывать, пока она не выразит желание слушать. Это знает каждый вежливый, воспитанный человек. В-третьих...

— В-третьих, в-четвертых, пятых и так далее — все это ерунда, — перебил ее Тим. — Пусть делает, что хочет, этот Бирз.

— Не спору, но вы слишком горячий, Тим.

— И это вам не нравится?

Мадлена загадочно улыбнулась.

— Ладно. Довольно об этом, — не очень желая продолжать этот разговор, сказала она. — Поговорим о делах?..

Вдруг она остановилась, вопросительно посмотрела на Тима и, словно вспомнив, спросила:

— Однако, что за разговор Бирз вел о ворах, о кражах?

Тим вновь багрово покраснел. Но молчать больше было нельзя. Глотая слова, ломая одну сигарету за другой, — он вынужден был рассказать Мадлене всю сегодняшнюю историю с его авантюрой, с генератором, с неудачей, с исчезновением сквозь отверстие в заборе... Как честный человек, Тим не смог смолчать и о разговоре с Бобом Лесли.

Мадлена слушала молча. Лицо ее то краснело, то бледнело. Время от времени она отводила глаза, словно не желая смотреть на Тима. Но вот он закончил и умоляюще посмотрел на нее. Мадлена продолжала молчать.

— Мадлена... — тихо проговорил Тим. — Мадлена, я, конечно, очень неправ. Но я признал свою вину. Не наказывайте меня еще... умоляю вас!

— Я не собираюсь наказывать вас, Тим, — наконец, ответила Мадлена. — Но я вынуждена честно сказать вам, что вы действительно показали себя сегодня неумным ребенком. Боб Лесли совершенно правильно сказал об этом. Мое уважение к нему только увеличивается... тогда, как к кому-то другому, наоборот...

— Мадлена, достаточно! Остановитесь!

— И такой парень, что его нельзя считать даже за взрослого человека, осмеливается разговаривать со мной интимно, спрашивать меня о чем-то...

— Сжальтесь, Мадлена!

— Не могу. Отстаньте, Тим, я не могу.

Но Мадлена уже весело улыбалась. А Тим полушутя ловил ее руки и просил прощения, обещая впредь исправиться и заслужить ее благосклонность.

Неожиданно Мадлена встала и, оглядываясь, спросила Тима:

— А который сейчас час, Тим?

— Полвосьмого. Но разве это важно?

— Ой, да я же чуть не опоздала! Вот было бы некрасиво!

Тим вдруг осел. Он выпустил руку Мадлены, брови его сдвинулись, он смущенно спросил:

— Вы идете куда-то, Мадлена? Торопитесь? Я вам мешаю?

Мадлена звонко рассмеялась.

— Иду, спешу, но вы мне не мешаете. Однако, — молчите. Ни слова больше. Я вчера договорилась в это время разговаривать с... погодите, сейчас узнаете!

Она подбежала к своему радиоприемнику. Том, заинтересованный, смотрел на ее руки, удивлялся, как уверенно она работает с этой сложной машины.

Коротковолновый передатчик, который занимал почетное место в углу большой рабочей комнаты Мадлены, всегда вызывал у Тима чувство глубокого уважения. Эти сложные катушки, запутанные в проводах приборы, циферблаты со стрелками, которые нервно вибрировали, как только Мадлена начинала вращать непонятные черные ручки с белыми насечками, большие и маленькие лампочки, которые не горели, а лишь

тлели странным оранжевым или голубым светом, — все это казалось Тиму сооружением не менее сложным, чем большая электростанция, которую он когда-то осматривал.

Там он ходил от машины к машине, боясь приблизиться к маховым колесам, которые бешено крутились с такой скоростью, что этого движения нельзя было даже заметить глазом. Здесь Тим не подходил к радиоприемнику ближе чем на два-три метра, потому что хрупкое кружево проволочек, катушек и мелких деталей, казалось, самим своим видом отрицало возможность приближения к нему грубого неповоротливого человека с его длинными ногами и неуклюжими руками.

Мадлена повернула главный выключатель, и несколько ламп загорелись странным светом. Затем она сделала несколько поворотов рукоятками, прислушалась — и четко застучала телеграфным ключом. Оглянулась на Тима:

— Слушайте!

В большом репродукторе, что стоял на массивной полке над передатчиком, что-то зашипело. Мадлена негромко, но четко сказала в покрытый причудливыми узорами микрофон, который свешивался перед ней на тонких резиновых лентах и еле заметно качался перед ее лицом:

— Алло, я слушаю. Товарищ Галеран, я слушаю!

Тим не сдержался:

— Галеран? Это значит... Неужели?..

Мадлена остановила его движением руки. Но Тим остановился бы и сам, ибо в эту секунду большой репродуктор заговорил так отчетливо, как будто за его шелковой стенкой прятался живой человек, который

разговаривал негромким голосом приятного низкого тембра:

— Добрый день, товарищ Стрэнд! Рад приветствовать вас. Чего вы не включаете экран? А может, это говорю вовсе не я? Всегда надо убедиться.

— Включаю, — ответила Мадлена, поворачивая две ручки.

Только теперь Тим заметил справа на столе, около передатчика, большое стеклянное сооружение, напоминавшее гигантскую полупрозрачную грушу, положенную на стол широким своим основанием. В стеклянной груше вдруг начало переливаться нежное вибрирующее голубое сияние; казалось, в ней беспокойно билась и кипели бурные волны загадочного света.

Вот Тим заметил, как в узкой части груши от общих световых волн отделился острый, как лезвие ножа, как кинжал, луч света и, оставаясь как привязанный одним своим концом к узенькому краю груши, забегал своим вторым концом по ее дну. Он бегал быстрее и быстрее, создавая на матовом стеклянном дне груши странные и непонятные узоры. Через мгновение луч исчез, оставив сплошное вибрирующее сияние на стеклянном дне. А еще через несколько секунд среди голубых облаков, которые пробегали по дну груши, начали вырисовываться еще туманные, еще неясные, но все более четкие контуры мужчины, словно на этом своеобразном экране невидимый киноаппарат показывал актера, снятого крупным планом, по пояс.

Изображение понемногу колебалось, но оставалось все время четким и резким. Можно было различить энергичные черты лица незнакомца, свободно зачесанные вверх волосы, тонкие брови, прямой небольшой нос, коротко подстриженные усы и крутой подбородок, свидетельствовавший о твердом характере. Гла-

за незнакомца вопросительно смотрели, будто чего-то искали. Вот незнакомец приятно улыбнулся, словно увидев, наконец, Мадлену.

Широко открытые глаза Тима заметили на левом борту пиджака незнакомца маленький значок. Тим встал с кресла, на котором сидел, и подошел ближе к экрану, чтобы рассмотреть этот значок. Да, сомнения не может быть!

— Да это же... — воскликнул Тим радостно, но остановился, потому что Мадлена быстро дернула его за рукав.

Тогда Тим наклонился к уху Мадлены и прошептал ей:

— Мадлена, ведь у него в петлице значок с серпом и молотом...

— Не мешайте, Тим, — так же тихо ответила ему Мадлена.

Но незнакомец будто услышал этот короткий диалог. Улыбка исчезла с его лица, которое вдруг приобрело вопросительно-подозрительное выражение; глаза незнакомца остановили свой взгляд на Тиме.

— А это кто, товарищ Стрэнд? — спросили из репродуктора. — Могу ли я при этом человеку говорить про наши дела?

— Вполне можете, потому что это — товарищ Тим Кроунти, один из работников забастовочного комитета и корреспондент газеты «Ред Стар», — ответила Мадлена.

И вдруг приятная улыбка вновь появилась на лице человека на экране.

— Слышал про товарища Тима, — похвально отозвался репродуктор, — слышал. Не раз приходилось читать его блестящие статьи в газете. Здравствуйте, товарищ Тим!

Глаза незнакомца смотрели прямо на Тима, губы его шевелились — и это движение вполне соответствовало словам, которые звучали из репродуктора, создавая впечатление, что в комнате разговаривает именно этот человек.

— Есть ли какие-то новости, товарищ Стрэнд?

— Может, только то, что мы с товарищем Тимом воочию убедились вчера: роботы не свободны от индуктивного влияния переменного тока. Вчера нам повезло побывать на заводе и увидеть, как один из роботов повредился по этой причине.

— Хорошо, — отозвался собеседник на экране, — это очень важно, очень. А что касается частоты, на которой пересылают им энергию?

— Вчера также удалось измерить. Очень короткая волна: всего двенадцать с половиной метров, товарищ Галеран.

Мужчина на экране, видимо, задумался. Тим с интересом наблюдал, как он поднес ко лбу руку, быстрым движением потер правую бровь и, словно вспомнив что-то, заговорил снова.

— Да, это довольно короткая волна. Хорошо, она почти полностью соответствует возможностям нашего мощного передатчика. Теперь и я могу передать вам радостную новость. Я переговорил с руководством нашей организацией, доложил им о вашем положении, и вообще о делах с роботами. Очень рад, что могу сообщить вам положительное решение.

— Согласились? — радостно подхватила Мадлена.

— Да. Начинаем опыты. Вам придется следить и регулярно извещать нас о поведении роботов.

Конечно, мы не будем сразу делать что-то основательное. Это вызвало бы подозрения. Мы остановились на том, что начнем с воздействия, направленного на

какую-нибудь, не очень заметную функцию роботов. Итак, следите за их левой рукой. Каждый день, ровно в двенадцать часов, мы будем проводить опыты. Задача такая: ровно в двенадцать часов ежедневно каждый робот должен поднять левую руку. Это будет значить, что наш контроль пересылки энергии подчиняет себе пересылку энергии компанией Говерса. Если мы достигнем этого — победа за нами. Но, должен предупредить вас...

— Что такое? — смущенно отозвалась Мадлена.

— На наши опыты нам придется потратить немало времени. Вы ведь и сами понимаете, что нам совершенно неизвестна конструкция роботов Томаса Бирза. Наши изобретатели автоматических механизмов шли другими путями. Здесь, в вашем деле, мы сможем продвигаться вперед только на ощупь. Вот почему я очень просил бы вас передать товарищу Бобу Лесли, как председателю забастовочного комитета, что, по моему мнению, ему придется не только ждать последствий наших опытов, но и самому много чего сделать.

— Насчет этого будьте уверены, товарищ Галеран. Наш Боб Лесли времени зря не теряет.

— Я бы, например, посоветовал ему организовать нападение и овладеть центральной станцией, которая управляет роботами. Может, тогда и наши опыты были бы ни к чему, — продолжал Галеран.

— Кое-что мы уже делаем, — отозвался Тим. — О центральной станции управления роботами мы уже получили информацию из нашего центра. Но захватить ее очень трудно, потому что это настоящая железобетонная крепость.

— Вам виднее, — согласился Галеран. — Я хотел лишь посоветовать вам, потому что опыты могут затянуться. Но, конечно, и вашему комитету, и вашему

центру на месте лучше видно.

— Сделаем все, товарищ Галеран. Вы вот только преодолеть роботов нам помогите. А остальное мы сами организуем.

Галеран усмехнулся:

— Ладно, ладно. Кажется, я сказал вам все. Нет ли у вас, товарищ Стрэнд, каких вопросов?

— Остается таким же время нашей связи? — почему-то взволнованно спросила Мадлена.

— Да. В половине восьмого каждый вечер по вашему времени. Ну все, надо заканчивать. Желаю успеха. Главное, чтобы рабочие держались, не прекращали забастовки. Передайте через товарища Тима благодарность его газете за то, что она так хорошо организует помощь забастовщикам.

— А, вы и об этом знаете? — отозвался Тим.

— О, мы много чего знаем, — весело промолвил Галеран. — Однако, поговорим в другой раз. Еще раз до свидания. Завтра же в полдень начинайте следить за левыми руками роботов.

Репродуктор замолчал. На светлом экране вновь побежали голубые тучки, которые медленно затягивали изображение Галерана. Его силуэт медленно мутнел, растворялся в световом тумане. Еще несколько секунд — и на экране остались одни бесформенные облачка, которые быстро пробежали слева направо. Но вот, исчезли и они. Экран погас, потому что Мадлена выключила и его, и весь передатчик. Затем она повернулась к Тиму. Лицо ее было такое веселое, зеленоватые глаза так непосредственно сияли радостью, что Тим понял: сейчас Мадлена чувствовала необычайную удовлетворенность, искреннюю откровенную радость, потому что она действительно помогала ему.

— Итак, — весело сказала она, — что вы думаете по поводу этого, Тим?..

Не оставалось никаких сомнений. Мадлена целиком была на стороне рабочих. Тим немедленно подпрыгнул. Он волновался, ему хотелось сказать Мадлене что-то невероятно приятное, такое, что выразило бы и его собственную радость, его горячую благодарность Мадлене за ее помощь. Но Тиму не хватало слов, как всегда, когда он волновался. Поэтому ему пришлось воспользоваться помощью ног и рук. Рыжий репортер горячо начал выплясывать какой-то неизвестный, хоть и очень оживленный танец.

Это было что-то подобное победным танцам негров или индейцев. Размахивая руками, Тим высоко подпрыгивал и что-то

выкрикивал, примерно такое:

— Эй, хоп, ура! Да здравствует, ура, алло, наша берет!

Мадлена не могла сдержать смеха: таким комичным был запал Тима. Наконец она остановила этот дикий танец.

— Хватит, Тим, хватит! Будьте серьезны.

Тим остановился. Он схватил руку Мадлены и пылко проговорил, пристально глядя ей в глаза:

— Мадлена, вы видите, мне не хватает слов. Но, если бы я мог сказать то, что хочу сказать уже на протяжении нескольких лет, то я бы сказал... что...

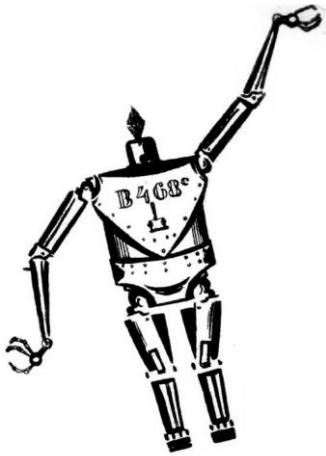
Мадлена вопросительно посмотрела на него. Где-то в глубине ее зеленоватых глаз прятался, словно готов был каждую секунду выпрыгнуть, веселый смех. Казалось, она заранее знает, о чем хочет говорить Тим, и только ждет тех слов, произнести которые более всего в жизни боялся рыжий репортер.

От сознания этого Тим окончательно растерялся.

— Я сказал бы, что... Да не смотрите вы так, Мадлена! Я не могу говорить, когда вы так смотрите на меня. Нет, не отворачивайтесь. Мне хочется видеть ваши глаза. Я хочу сказать, что я... вам... вас... я... ну, вот, возьму и скажу. Слушайте: я вас...

Тиму не повезло закончить свою импровизированную речь. В окно кто-то постучал, тревожно и настойчиво. Мадлена, а за ней и Тим, подбежали к окну и открыли его. В темном прямоугольнике вырисовывалась фигура мужчины в глубоко надвинутом кепи. Это был Боб Лесли.

— Товарищи, — еле переводя дух, произнес он. — Опасность! Томас Бирз осуществляет свои угрозы. Роботы с полицией и «Боевыми крестами» заняли все наши помещения. Всех членов забастовочного комитета арестовали. Вместе с ними схвачено много наших активистов. Только мне повезло сбежать. Но я думаю, что они уже разыскивают и тебя, Тим. Вас они, возможно, не тронут, товарищ Мадлена. А ты, Тим, беги. Выходи, я знаю куда идти. Скорее, скорее. Потому что иначе не уйдем!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

И ВСЕ ЖЕ — ОНИ ПОДНИМАЮТ РУКИ!

Этот вечер, ночь и дальнейшее утро газеты всей страны словно единогласно условились считать временем, когда окончательно прояснилось соотношение сил и намерений обоих лагерей. С одной стороны — всемогущая компания Говерса с ее роботами, поддержкой от правительства, «Боевыми крестами» и разъяренным Бирзом, выразившимся предельно откровенно: «Считаю хорошими и правильными все средства, которые помогали бы моему делу»; с другой стороны — рабочие Нью-Гарриса с их разогнанным забастовочным комитетом, беззащитные, голодные, упорно бастовавшие дальше и отказывающиеся от всяких переговоров через посредство желтой профессиональной организации.

Относительно оценки положения газеты обычно резко расходились.

Буржуазные газеты, поддерживая Говерсову компанию и существующий государственный строй, кричали, словно бешеные, про «безумие» рабочих, «преступную» деятельность коммунистов и потребность «поставить рабочих на работу хотя бы с помощью войск».

Коммунистические газеты, наоборот, требовали немедленно прекратить насилие со стороны компании

Говерса, призывали рабочих Нью-Гарриса держаться крепче, призывали весь рабочий класс страны помочь забастовщикам, собирая средства и объявляя забастовки солидарности по своим предприятиям.

Схватка приобретала гигантские размеры.

Бесспорно, теперь не могло уже молчать и выжидать и правительство. Специальное совещание парламента признало, прежде всего, целесообразным и необходимым закрыть все коммунистические газеты, которые, мол, «призывали несознательную часть населения к антигосударственным поступкам, создавая, тем самым, опасное положение по всей стране» и, наконец, «толкали отдельные слои населения на измену государству путем открытого восстания».

Таким способом, за два дня коммунистические газеты по всей стране были закрыты. На улицах многих городов появились велеречивые объявления, в которых губернаторы провинций призывали всех граждан соблюдать спокойствие, запрещали любые выступления и демонстрации, угрожая разгонять их вооруженной силой.

Но все эти меры вызвали совершенно неожиданные последствия.

Закрытые коммунистические газеты, часть из которых до этого выходила лишь два-три раза в неделю, начали теперь выходить регулярно и ежедневно в подпольных типографиях, призывая к открытой революционной борьбе и объявляя нью-гарриских рабочих героями и пионерами революции.

Положение все усложнялось.

По разным городам страны вспыхивали забастовки; зарубежные газеты печатали подробные сообщения от своих собственных корреспондентов о том, что революция в стране Говерса уже приблизилась, и посте-

пенно приобретает формы настоящей гражданской войны.

На бирже царил паника. Акции Говерсовой компании упали в течение трех дней на шестьдесят пунктов. Вслед за ними начали падать акции других промышленных компаний и предприятий. Достаточно было того, чтобы телеграф принес сведения о забастовке в любом городе, — и акции компании, которой принадлежали предприятия города, начинали неустанно падать. Многие дальновидные и осторожные дельцы уже переводили свои деньги за границу, помня урок революции в Красной Стране.

Джонатан Говерс, сам всемогущий и могучий Джонатан Говерс, некоронованный король машиностроительной промышленности целой страны, находился в состоянии полной растерянности. Он хорошо видел, что роботы не только не дали того эффекта, на который он надеялся, а наоборот, усложнили положение до крайности. Говерс, возможно, согласился бы даже забрать роботов от станков и оставить всякую мысль о них, об их дальнейшем использовании. Но это означало бы «потерять лицо», сдаться и согласиться принять все условия рабочих — забастовщиков.

На такое он идти, конечно, упорно не хотел.

Но роботы причиняли ему все больше потерь. Ведь ни он, ни Томас Бирз никогда не считали выгодным полностью заменить живых рабочих роботами. Железные люди стоили сами по себе слишком дорого, да и нуждались чересчур много в дорогой энергии. Говерс, как и Бирз, надеялся только, что роботы морально повлияют на забастовщиков, и заставят рабочих уступить.

Этого не произошло, — но поворачивать назад теперь было нельзя, ибо дело зашло слишком далеко.

Если бы Говерс с его компанией признал свое поражение и вынужден был согласиться на все требования победителей-забастовщиков, — на такие же уступки вынуждены были бы сразу пойти и все другие предприниматели всей страны, которые в своих поступках и борьбе с забастовками и с рабочими лишь безропотно следовали примеру лидера наступления капитала против рабочих — всё ещё всемогущего Джонатана Говерса.

Таким образом, Говерсовой компании приходилось, несмотря на потери, держать и дальше роботов у станков, делая вид, будто это очень выгодно, и в то же время энергично разворачивать дальнейшую борьбу против забастовки.

Но как бороться против врага, которого нельзя разбить окончательно? Забастовочный комитет разогнан, большинство его членов арестованы. Однако, комитет все же существует и дальше, хоть в нем и работают теперь другие, новые люди. Забастовка не прекращается. Арестовать этих новых работников, — найдутся другие. И вновь забастовка не закончится...

Томас Бирз получил от компании неограниченные полномочия. Кроме того, он имел категорическое обещание губернатора помогать компании всеми способами — от полиции до военной силы включительно. И всё же, Томас Бирз не знал, что ему делать дальше.

Самым простым, казалось, было бы ввести в город войска, которые стояли неподалеку от Нью-Гарриса. Но, на следующий день после этого, газеты всего мира поразили бы читателей всего земного шара сенсацией о начале открытой гражданской войны в стране Говерса. Нет, пока что войска вводить нельзя было, эту меру надо было применять только в случае крайней необходимости.

Кабинет Томаса Бирза на заводе превратился в центральный штаб борьбы против забастовки. Бирз забыл о роботах, поручив обслуживать их своим помощникам; он забыл о своем инженерском дипломе, о том, что он — изобретатель и конструктор. Говерс требовал от него отдать все силы исключительно на борьбу с забастовкой — и мало-помалу, день за днем, Бирз привикал к своей новой деятельности руководителя общей борьбы против рабочих.

На заводе и возле него дежурили крепкие отряды полисменов, потому что можно было опасаться открытых выступлений рабочих. Бирз, углубившись в гору бумаг, донесений, докладов и рапортов, беспомощно сжимал себе пальцами виски.

— Арестовано уже восемнадцать человек самых активных деятелей забастовки, не считая уже всякой мелочевки, что сидит в тюрьме. Но главные — Боб Лесли и бешеный Том Кроунти — сбежали. Безусловно, Мадлена Стрэнд... эта предательница, эта... — Бирз не находил слов, — безусловно, она знает, где находятся ее новые приятели. Они наверняка поддерживают связь с ней. Однако, не могу же я арестовать ее... не могу!..

Он закрывал глаза — и его воображение рисовало красивое лицо Мадлены с его тонкими чертами, зелеными глазами под густыми бровями, похожими на два темных крыла. Мадлена!.. Сколько бед она принесла Бирзу... И все же, он не может забыть ее, не может. Жестокый, самоуверенный Томас Бирз, который, не задумываясь, готов был уничтожить любую преграду на своем пути, — на этот раз не мог заставить себя забыть эту девушку с ее насмешливым взглядом.

В комнату кто-то постучал.

— Войдите!

— Телеграмма из столицы мистеру Бирзу. Кроме того, ждет разрешение войти представитель организации «Боевых крестов».

— Ладно, просите, — и Бирз распечатал телеграмму. Там было такое:

«БИРЗ ПРЕДЛАГАЮ УТОЧНЕНИЕ ПЛАНА ВСЕХ ДЕЙСТВИЙ ПАНИКА УСИЛИВАЕТСЯ ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ АКЦИИ МОГУТ СНИЗИТЬСЯ ДО СТОИМОСТИ ОБЫЧНОЙ БУМАГИ ОДНОВРЕМЕННО ТЕЛЕГРАФИРОВАЛ ГУБЕРНАТОРУ ГОВЕРС».

Бирз не успел выругаться в адрес машиностроительного короля, что сидел в своем дворце в столице и оттуда лишь командовал, Бирз не успел даже что-то сказать, потому что в комнату вошел человек в форме и со знаком рогатой свастики на рукаве. Сухощавый подтянутый — всё это свидетельствовало о том, что этот человек уже не впервые в своей жизни надевает форму.

— Мистер Томас Бирз, у меня к вам важное дело. — Мужчина в форме снял фуражку, подошел к столу и положил её на бумаги.

Его взгляд остановился на только что полученной Бирзом телеграмме. Он указал на нее пальцем.

— Если не ошибаюсь, телеграмма от мистера Говерса, — сказал мужчина. — Да, так. Я только что разговаривал с господином губернатором, и он так же при мне получил телеграмму от мистера Говерса. Кажется, эти телеграммы говорят об одном и том же.

Мужчина в форме подошел к креслу и собрался сесть. Но, взглянув на Бирза, он заметил, что инженер смотрит на него холодно и вопросительно. Поэтому мужчина в форме слегка поклонился и отрапортовал:

— Меня зовут Гордон Блэк. Руководитель организации «Боевые кресты». Со вчерашнего дня. К вашим услугам. Присланный сюда две недели назад, как адъютант. Взял на себя по предложению центрального командования руководство местной организацией. Должен порекомендовать вам несколько мероприятий.

Бирз с интересом посмотрел на Гордона Блэка и молча указал ему рукой на кресло.

— Благодарю, — еще раз поклонился Блэк и сел с выражением уверенного спокойствия на лице.

Его лицо с коротенькими усиками под самым носом, гладко выбритое и припудренное, усеянное сплошной сеткой мелких морщин, выглядело уверенным и сосредоточенным. Казалось, он еще не вполне привык к своему статусу главного руководителя «Боевых крестов». Но вот, Гордон Блэк поправил револьвер в кобуре, который висел у него на боку, и начал:

— Вам уже доложили, что я пришел к вам, как официальный представитель организации «Боевые кресты».

Бирз отметил про себя: безусловно, этот человек имеет неприятную и плохую привычку по несколько раз монотонно повторять одни и те же фразы. Однако, — у каждого бывают свои недостатки.

— Да, — громко ответил Бирз.

— Чтобы у вас не осталось никакого сомнения относительно моих намерений, которые совпадают с намерениями возглавляемой мною организации, прошу вас ознакомиться вот с этим документом.

Холеная тонкая рука с блестящими ногтями подала Бирзу бумажку, внизу которой Томас сразу же увидел характерный росчерк Джонатана Говерса. На бумажке было написано:

«Дорогой мистер Гордон Блэк! Прошу вас, — теперь, как полномочного руководителя боевой организации, — принять все меры по ликвидации забастовки. Свяжитесь с Томасом Бирзом, координируйте с ним ваши действия. Возлагаю все надежды на вашу инициативу и вашу организацию. На ваше имя открыт специальный неограниченный личный счет в нью-гаврииском филиале государственного банка. Губернатор в курсе. Дж. Говерс».

Бирз вновь с интересом осмотрел Блэка, возвращая ему письмо. Но человек в форме, казалось, полностью освоился в своей роли. Он даже не посмотрел в сторону Бирза, а, спокойно и аккуратно пряча письмо в боковой карман, продолжал:

— Обязан доложить, мистер Бирз, что в моем лице, с сегодняшнего утра, сочетаются две фигуры. Про одну вы уже знаете. «Боевые кресты» вступили на сцену. Как руководитель этой организации, я вхожу в состав высшего тайного совета при губернаторе.

— Вот как? — удивленно проговорил Томас Бирз. — Ну и что же, дальше?

— Дальше, высший тайный совет при губернаторе сегодня утром решил объединить руководство организацией «Боевых крестов» и тайной полицией, передав это объединенное руководство мне.

— Вам? — не сдержал удивления Бирз.

— Да. — Гордон Блэк, словно не замечая не совсем корректного удивления Бирза, рассеянно осматривал свои безупречные блестящие ногти, говоря дальше: — Итак, я должен кое о чем с вами условиться, мистер Бирз. Прежде всего, есть ли у вас какие-то невыясненные вопросы в отношениях с властями или полицией? Ведь нам нужно полное взаимопонимание, чтобы

окончательно закончить всю эту неприятную историю, от которой уже пахнет настоящей революцией.

Гордон Блэк говорил все это совершенно спокойно, даже не поднимая глаз на собеседника. Но говорил он уже как человек, который чувствует за собой большую силу и власть — авторитетно и уверенно. Даже сам Томас Бирз, который привык считать себя в Нью-Гаррисе хозяином положения, немного сдал свои позиции, когда отвечал на вопрос Блэка. Ибо отвечал уже не уверенный в себе руководитель борьбы против забастовки, официальный диктатор города и провинции Томас Бирз, а человек, который почувствовал над собой новую, высшую силу. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуть голосу прежнюю уверенность, когда он начал говорить:

— Насколько мне известно, полиции задержала нескольких людей из так называемого забастовочного комитета. С ними не пробовали поговорить?..

— То есть? — словно не понял Гордон Блэк.

— Ну, к примеру, узнать, как они относятся к звукам настоящего звонкого золота?..

Блэк покачал головой:

— Это бессмысленно. Это упрямые, сумасшедшие люди. С ними пробовали говорить лучшие агенты. Но они отвечают только грубостью и ругательствами.

Возникла напряженная пауза. Бирз посмотрел на Блэка, тот лениво поглаживал свое колено над блестящей кожаной крагой.

— Так, — наконец произнес Гордон Блэк. — Какие еще есть предложения?

— Больше никаких, — вспыхнул Бирз.

Это становилось невыносимым. Блэк разговаривал с ним совсем неуважительно. Надо поставить этого человека на его место!

Но Бирз не успел ничего сказать, потому что Блэк заговорил сам, как бы неохотно, медленно проговаривая слова.

— Так... кажется, среди тех арестованных есть некто по имени Майк Тизман?

— Не помню. Может и так, — сухо ответил Бирз.

— Но **мы**, — Гордон Блэк сделал нажим на этом «мы», — **мы** хорошо знаем его. Его арестовали за то, что он имел самую непосредственную связь с Бобом Лесли и Тимом Кроунти. Этих двух вы наверняка знаете?

— Знаю... очень хорошо знаю.

— Значит, вам известно, что оба они — Лесли и Кроунти — главари забастовки. И они до сих пор не арестованы.

— Да.

Блэк уже не цедил слово за словом. Он говорил все быстрее, увереннее, словно давая Бирзу возможность понять всю мощь нового руководителя фашистской организации, нового начальника тайной полиции:

— Они скрываются где-то в рабочих кварталах. Где — это может знать только мисс Мадлена Стрэнд. Но, кажется, вы, мистер Бирз, были против того, чтобы арестовать ее и узнать от нее о местонахождении преступников... хотя бы, с помощью допроса «третьей степени»?

Томас Бирз невольно сделал резкое движение: он сразу представил Мадлену в руках полиции, в руках этого неприятного сухопарого мужчины. «Третья степень» — на полицейском жаргоне означает допрос с применением насилия, с пытками. Нет!.. Однако, — и Бирз нахмурился: откуда это Гордон Блэк знает что-то о его взаимоотношениях с Мадленой?

— Конечно, ее не надо арестовывать, это был бы целый скандал. Ведь Мадлена Стрэнд инженер, а не рабочий, — ответил, наконец Бирз, едва сдерживая себя. — А впрочем, откуда вам известно, что я был против ее ареста?

Он сказал — и сам почувствовал, что получилось как-то искусственно. Он же сам себя уличал. Но Гордон Блэк позволил себе улыбнуться только концами усов. Это была даже не улыбка, а легкий намек на улыбку, — после чего Блэк спокойно стал говорить дальше:

— Конечно, только потому, что она инженер, как вы сами сейчас сказали. Какое же у нас право иметь еще какие-то сведения? Ведь личные дела мисс Стрэнд не входят в нашу компетенцию... Тем более, когда в этих личных делах замешаны еще какие-то лица первостепенного значения. Итак, мы думаем, что Боба Лесли и Тима Кроунти надо найти и арестовать.

— Чем это поможет? В забастовочном комитете начнут работать другие люди. Только и всего.

Гордон Блэк все так же вежливо улыбнулся уголками губ:

— Не совсем так. Оба они слишком опытные в делах организации забастовки, чтобы можно было оставлять их на свободе. Их надо взять!

Он почти выкрикнул эту последнюю фразу голосом, что едва не сорвался в фальцет. Долго сдерживаемая ярость прорвалась в этом возгласе. Бирз вновь автоматически отметил и это, подумав: «Твое спокойствие — такое же наигранное, как и мое. Интересно, что на самом деле беспокоит этого прилизанного, от блестящих краг до лакированного пробора на голове, человека?»..

Зазвонил телефон. Бирз порывисто взял трубку.

— Слушаю. Да. Где? На заводе? Какая наглость! Немедленно доставьте его ко мне. Да. Немедленно!

Он гневно положил трубку.

— В цехе поймали какого-то парня, который, скорее всего, намеревался повредить роботам. Это не рабочий, это какой-то неизвестный человек, очевидно, подсланный этим самым забастовочным комитетом. Сейчас этого парня приведут сюда. Какая наглость!

Гордон Блэк сочувственно покачал головой: действительно, наглость! Они уже осмеливаются переходить к откровенным преступлениям!

— Уже даже из этого вытекает насущная потребность, мистер Бирз, арестовать главарей, о которых мы говорили, — мягко, но настойчиво заметил Блэк.

Двери распахнулись. Два полисмена привели преступника. Это был невысокий черноволосый парень в синей спецодежде, — такой, какую носили смотрители роботов и уборщики завода. Он держался спокойно, с интересом поглядывая по сторонам, словно желая запомнить все. Только полисменов он как будто не замечал, его взгляд проходил сквозь них.

Это было еще удивительнее, потому что каждый из полицейских крепко держал его рукой за плечо. Лишь подойдя к столу Бирза, полицейские отпустили парня и отступили на шаг назад.

Парень переступил с ноги на ногу, посмотрел на Бирза, Блэка, с интересом осмотрел рогатый крест свастики на рукаве Блэка и спрятал улыбку, непринужденно вытирая нос левым рукавом своей куртки.

— Кто ты такой? — повернулся к нему Бирз.

— Джим Кэмп, если это что-нибудь для вас значит.

Этот парень совсем не думал смущаться.

— Что ты делал в цеху?

— Пришел посмотреть на железных чудовищ. Ничего, довольно отвратительные. И кто их только выдумал!..

— Джім Кемп, якщо це щонебудь вам пояснить.

Ясно, парень держал себя невежливо. Сам тон его разговора уже был издевательством над теми, кто его допрашивал. У Бирза гневно сошлись брови на переносице.

— Обыщите его! — приказал он.

Полицейские вновь выступили вперед и быстрыми опытными движениями обыскали парня, не оставив не ощупанной ни одной складки его одежды. Но они не нашли ничего, кроме небольшого листочка бумаги, тончайшей папиросной бумаги, на которой было что-то напечатано нечеткими, расплывчатыми буквами. Это была прокламация забастовочного комитета:

«Держитесь крепче, товарищи! — говорилось в ней. — Забастовка должна победить. Часть членов комитета арестовали, но комитет не прекращает своей работы. Ведь каждый сознательный рабочий хорошо знает, что арест любого из революционеров не может помешать общему делу, его развертыванию и победе. На смену каждому арестованному приходят десятки новых, полных сил, смелых бойцов, исполненных волей к борьбе, к решительной победе. Аресты только поднимают настроение настоящих революционеров. Все попытки компании Джонатана Говерса и ее цепного пса Бирза сорвать стачку и подавить рабочее революционное движение — обречены на провал. Никакие роботы не помогут Говерсам и Бирзам победить нас. Потому что нам на помощь пришел весь рабочий класс. Во всех городах и провинциях вспыхивают забастовки солидарности. Приближаются решающие бои настоящей гражданской войны, которая несет с собой освобождение рабочих. Крепче, товарищи, мы победим капитал, как победили его в героической Красной Стране!..»

Подпись была: «Забастовочный комитет».

Очевидно, прокламацию читали не один раз, разворачивая и складывая. Тоненькая бумага на сгибах совсем протерлась и еле держалась; от неосторожного движения вся прокламация могла распасться на отдельные четырехугольники.

Бирз, прочитав прокламацию, передал ее Блэку. И, передавая, он заметил, что у него снова дрожат пальцы левой руки. Это уже становилось угрожающим явлением. «Прежде всего - спокойствие, прежде всего - крепко держи себя в руках», — повторил про себя Бирз, но не сдержал разъяренного взгляда, которым посмотрел на парня. Голос его от ярости охрип.

— Где ты взял это? — медленно разделяя слова, спросил Бирз у Джона Кэмпса.

Тот переступил с ноги на ногу, пренебрежительно хмыкнул носом и почти насмешливо ответил:

— С самолетов в городе раскидали, я и подобрал...

Быстрым взмахом руки Гордон Блэк остановил Бирза, который подпрыгнул в кресле, словно хотел метнуться к парню.

— Бросьте, не стоит, — спокойно сказал он, — не пачкайте рук, мои агенты сумеют лучше допросить его. Но мы будем делать это не здесь, а в специально предназначенном для этого месте. Уведите его! — приказал он.

Полисмены увели парня, который, улыбаясь, глянул на Бирза и так же насмешливо добавил:

— И все же — они поднимают руки!

Бирз непонятно взглянул на Блэка.

— Что он сказал?

Гордон Блэк пожал плечами:

— Не знаю. Пока что это кажется мне просто глупостью. Но, будьте уверены, мы узнаем у него про все, и про эту фразу, в частности. Должен вас заверить, тре-

тъя степень допроса — это не просто так. Между прочим, как вы могли только что убедиться, Боб Лесли и Том Кроунти ведут и дальше свою работу. Теперь, надеюсь, вы согласитесь, что их обоих надо взять как можно быстрее. Да?

— Я никогда и не отрицал этой необходимости. Я лишь был против того, чтобы искать их теми методами, о которых говорили вы. Если бы нашелся другой путь, я только приветствовал бы его.

Гордон Блэк вновь обратил, казалось, все внимание на свои блестящие полированные ногти, старательно рассматривая, нет ли на них какого-либо изъяна. Но это не мешало ему спокойно говорить:

— Можем попробовать другой путь, если этот вас не удовлетворяет, — в голосе его послышалась едва заметная ирония. — Скажем, мы сегодня же выпустим на волю Майка Тизмана.

— Не понимаю. Вы же сами сказали мне, что с золотом ничего не получится, потому что это слишком упрямый человек, этот Майк Тизман.

Бирз, не скрывая своего удивления, ждал ответа. Блэк рассеянно чистил ногти. Сквозь зубы, не глядя на Бирза, он процедил:

— Я ничего не говорил вам сейчас о золоте. Мы возьмем, да и арестуем с его помощью этих преступников, и бесплатно. Он будет выполнять у нас роль собаки-ищейки. Он знает, где Лесли и Кроунти, он приведет нас к ним, если выйдет на волю. Наше дело — не мешать ему самому разыскать их обоих, и не потерять из виду при этом его самого. Понимаете? Не мешая ему искать лиц, которые интересуют нас, мы не будем спускаться с него с глаз.

Только теперь он вопросительно посмотрел на Бирза, словно проверяя впечатление, произведенное его

словами. Бирз мрачно ответил:

— Ладно, буду очень рад. Но должен вас предупредить, что агенты полиции должны быть готовы ко всему. Они оба - закоренелые злодеи ...

Гордон Блэк ничего не ответил, он лишь довольно презрительно посмотрел на Бирза — и тот понял, что совсем неучтиво было, говоря с Блэком, новым начальником тайной полиции и руководителем боевой фашистской организации, выражать любое сомнение в качествах штурмовиков «Боевых крестов» и агентов тайной полиции. Особенно после того, как Гордон Блэк доказал свою осведомленность разговором о Мадлене Стрэнд и их отношениях...

Решительно, руководитель фашистов был расчетливым и самоуверенным человеком!

Бирз вздохнул.

— Ладно, посмотрим, что даст нам освобождение Майка Тизмана. Увидим...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ВЫ АРЕСТОВАНЫ, МИСТЕР КРОУНТИ!

Ночь укрыла все своей темнотой. На кладбище города Нью-Гаррис, казалось, не было ни одного живого существа. И месяц, и звезды скрылись за густыми тучами, которые сплошным одеялом укутывали землю. Черная тьма, словно налитая чернилами, не давала возможности увидеть что-то уже с расстояния одного-двух шагов.

Но Мадлена Стрэнд никогда не боялась темноты, тем более сейчас, когда ее привели сюда весьма серьезные дела. Вооруженная маленьким карманным электрическим фонариком, который позволял ей не спотыкаться о холмики могил, она легко нашла небольшую часовню, где было назначено свидание.

Часовня хоть и была почти в центре кладбища, но стояла в стороне от могил, на одном из краев центрального площадки.

Около часовни никого не было. Двери ее были полураспахнуты, словно кто-то только что был здесь и гостеприимно приоткрыл двери для посетителей. Мадлена вошла, спустилась по ступенькам вниз и оказалась внутри часовни. Здесь было еще холоднее, чем снаружи. Влажный воздух пронизывал человека насквозь. Мадлена села на широкую скамью и завернулась плотнее в плащ. Но это не помогало, потому что сквозь тонкую прорезиненную ткань холод, казалось, проходил еще легче.

Прошло всего две-три минуты, но Мадлена почувствовала, что она совсем замерзла. Только напряжением мышц она сдерживала дрожь всего тела. Однако, зубы у нее начали стучать.

«Мадлена, успокойся, перестань волноваться», - повторяла она про себя.

Отсюда, изнутри часовни с ее открытыми дверями и окнами без стекол, были слышны все звуки, которые на кладбище звучали особенно тревожно и загадочно. Мадлена нащупала свой фонарик, положенный на скамье, ощущая какое-то нехорошее беспокойство.

Ночные птицы кричали все громче, они слетались сюда, на кладбище, казалось, со всех сторон. Что влекло их именно сюда?.. Крик одной из них раздался совсем близко. Мадлена вздрогнула: как же противно она кричит!

Птица прокричал почти над самой часовней, её крик оборвался на высокой ноте — и вдруг Мадлена услышала почти у себя над ухом тихий голос, почти шепот:

— Мадлена?..

— Да, это я, — откликнулась она радостно, оглядываясь: откуда доносится до нее этот голос?

Над ее головой было лишь небольшое зарешеченное окно.

Раздались легкие шаги, темноту часовни прорезал белый луч фонаря. В часовню вошел Тим. Он осмотрел часовню изнутри, осветив фонарем все ее уголки, и лишь потом, успокоенный, поставил фонарь на пол и подошел к Мадлене. Он имел довольно странный вид: длинное женское пальто, на голове что-то вроде платка.

— Удивляетесь? — весело спросил Тим. — Я и сам понимаю, Мадлена, что это выглядит довольно смешно.

Но иначе нельзя было. Кажется, за нами следили.

Он выглянул за дверь, будто пытаясь что-то увидеть в густой темноте. И вновь закричала какая-то птица — с укором, жалостно. Тим вернулся обратно:

— Это Боб идет. Слышите, какой у него приятный голос?

— Так это вы кричали, как птица? — удивилась Мадлена. — Однако, очень противный голос. У вас, конечно, и так не самый приятный голос... мне никогда и в голову не могло прийти, что вы могли подумать, когда-нибудь, что вы можете выступать в опере или давать концерты...

— Вижу, что вы в хорошем настроении, — отозвался Тим. — Ничего не поделаешь. Ведь не мог же я просто выйти на кладбище и звать вас: «Эй, Мадлена!»

Через полминуты в часовню осторожно зашел Боб Лесли. Поздоровавшись с Тимом и Мадленой, он, прежде всего, открыл решетку большого окна в задней стене часовни.

— Лучше иметь запасной выход, — сказал он. — Знаете, как в театре, на случай пожара или чего-то другого... Пожара я, конечно, не боюсь, но вот «что-то другое» может, к сожалению, случиться... Том, не стоит ли тебе принять более подходяющий мужчине вид? Товарищ Мадлена, похоже, напугана таким зрелищем.

— Ничего, ничего. Мне приходилось видеть Тима и в более худшем виде, — весело выговорила Мадлена, намекая на Тимову повязку, которой он закрывал лицо во время посещения завода.

— Если не ошибаюсь, уважаемая товарищ, у вас у самой тогда был не очень опрятный вид? В любом случае, вряд ли кто-либо решился бы тогда влюбиться в вас, правда же? — в тон ей ответил Тим. — Однако, как вижу, вам холодно? Эге, да вы дрожите от холода!

— Я и сама не знаю, от нервов это или от холода, — стыдясь своей слабости, ответила Мадлена, плотнее заворачиваясь в плащ.

— Э, нет-нет! Вы слишком легко одеты. Как же можно было надеть на себя только плащ, идя сюда, в эту плесень и влагу! Вот, погодите.

Тим достал откуда-то из ниши в стене свое старое пальто и шляпу.

— Мне не холодно, не обращайтесь внимания на мой вид. Прошу, оденьтесь. Будет теплее.

— И что у вас тут, целый склад одежды?

— А как же? Ведь эта часовня служит мне базой, — пояснил Тим, помогая Мадлене надеть пальто.

— А? Вас просто не узнать! Вылитый Тим! — сказал Боб Лесли, когда Мадлена надела пальто и шляпу. — Ей-богу, нельзя узнать.

Действительно, Мадлена и Тим были почти одного роста, и теперь казалось, что на ее месте сидит сам Тим в своем пальто и шляпе. Конечно, этому еще очень помогал полумрак, царивший в часовне.

— Спасибо, спасибо, Тим, достаточно. Что слышно нового? — спросила Мадлена.

— Очень нового — ничего. Просто работаем. Ведь корреспондентская работа моя закончилась: куда писать, когда «Ред Стар» закрыта? Выходит наша «Ред Стар» теперь маленькими листками, подпольно, ей не до моих корреспонденций. Вот бедняга Бостер!..

— Кто это?

— Это мой редактор.хлопот теперь у него — сколько хочешь, и еще немного больше. А я превратился в профессионального организатора забастовки. Пишу прокламации, сам печатаю их, иногда даже сам разбрасываю... Иногда помогаю Бобу разрабатывать планы...

— И хорошо, Тим, — добавил Боб Лесли. — Организатор из тебя выходит неплохой... в частности, тогда, когда ты сдерживаешь себя и не делаешь необдуманных поступков.

Мадлена засмеялась:

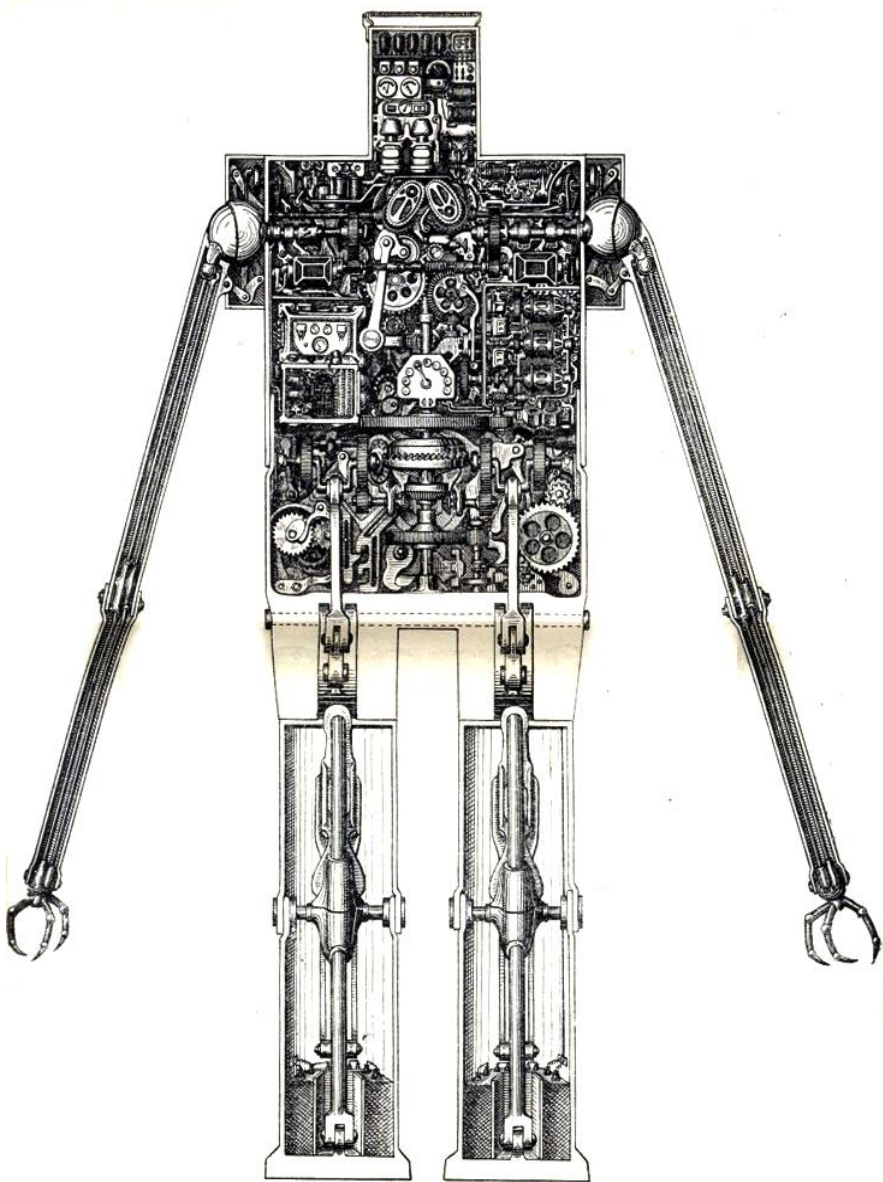
— Пожалуй, в дальнейшем не организовывайте, Тим, краж у Бирза.

— Нет, нет. Теперь у меня дела посерьезнее, — Тим, казалось, не хотел замечать дружеской иронии. — Вот, напечатал большую прокламацию, что, кажется, произвела неплохое впечатление на читателей. Связались с центром рабочих-железнодорожников. Теперь у нас ежедневно передается туда почта, и оттуда мы ежедневно получаем инструкции. В забастовочный комитет приняли нескольких товарищей на место арестованных. Четверо ребят у нас все время дежурят на заводе, следят за роботами... Будьте уверены, Мадлена, все идет хорошо. Между прочим, — Том заговорил торжественно, будто рапортуя: — Позвольте вам доложить, товарищ Мадлена, что роботы, что ни день, все усерднее поднимают руки, — радостно закончил он.

Мадлена тоже радостно улыбнулась:

— Хорошо. Значит, здесь все идет чудесно. А то вчера Галеран беспокоился, что ничего не знает о последствиях его опытов. Ладно. Теперь дальше. Что мне передать по радио в центр, какую информацию? Ведь я каждый вечер аккуратно связываюсь с центром, как просил товарищ Боб, получаю инструкции, отвечаю на вопросы. Вот, например, вчера товарищи из центрального комитета интересовались, как продвигается дело с захватом станции управления роботами. Что мне ответить им?

— За это отвечает Боб Лесли. Боб, скажи...

Схематичний розріз робота Томаса Бірза

Боб говорил вполне серьезно, он не умел шутить, когда речь шла о серьезных делах:

— Я прошу вас, Мадлена, передать товарищам в центре, что мы подготавливаем все для захвата станции управления роботами. Дело сдерживается лишь тем, что это можно будет сделать только во время общего восстания. Но об этом они и сами хорошо знают. Инструкции все время подчеркивают, что нам позарез нужно избегать любых стычек с полицией, вплоть до специального распоряжения центра. Как говорят, губернатор и его высший тайный совет последние дни только и ждут зацепки, малейшей причины, чтобы мотивировать введение войск в город. А рабочий класс очень возбужден. И вот, мне приходится ежедневно напоминать товарищам, чтобы они соблюдали спокойствие. Пришлось даже отобрать все оружие, оставив его только у таких товарищей, в которых я вполне уверен.

— Хорошо, передам все это, — сказала Мадлена. — Что я еще хотела вам сказать?.. Неужели забыла? Нет, вспомнила. Товарищ Галеран говорил, что до двадцатого он надеется закончить свои опыты. Мы с ним разговариваем так же каждый вечер.

— Сегодня — шестнадцатое, — задумчиво произнес Боб Лесли. — Итак, через три дня?..

— Да.

Несколько секунд в часовне царила тишина. Но вот Боб Лесли вновь обратился к Мадлене:

— Товарищ Мадлена, объясните мне, пожалуйста, как это делается. Думал-думал и не додумался. Это же получается, что роботы пошлют того Бирза ко всем чертям?.. Простите за такое выражение.

— Именно так, товарищ Боб, — ответила Мадлена. — И дело это совсем не такое простое, как казалось не-

давно кое-кому из присутствующих. Ну что ж, объясню, если сумею. Тим, — засмеялась она, — придется и вам, знатоку дела, прослушать маленькую лекцию по радиотехнике. Вы ничего не имеете против?

— Прошу, пожалуйста. Только прежде я хотел бы убедиться, что вы согрелись хоть немного. Дайте мне вашу руку, Мадлена!

Тим взял руку Мадлены в свою и тихонько начал ее растирать.

— Ишь, какая холодная... Бедная, маленькая ручка, замерзла... Мы ее согреем... Мадлена будет говорить, а мы будем греть ее руку...

Мадлена засмеялась и, оставив руку Тиму, начала говорить:

— Вы никогда не были радиолюбителем, товарищ Боб? — начала она. — Нет? А слушали когда-нибудь радио? Ну, конечно, слушали. Вот, всякая радиостанция, всякий передатчик пересылает электрическую энергию через эфир. Один больше, второй меньше, в зависимости от мощности. Конечно, передатчики пересылают эту энергию во все стороны — и ее можно принять приемником всюду, куда она дойдет. Но, можно эту энергию направить только в одну сторону. Это будет так называемая направленная пересылка. Именно так пересылает энергию роботам Говерсова станция, его передатчик. Кстати, вы видели на голове каждого робота тот небольшой блестящий круг — антенну с серебряной спиралью?

— Конечно, видел.

— Так вот, эта антенна служит для того, чтобы принимать из воздуха энергию, электричество с передатчика Говерса. Дело в том, что управлять роботами Бирза очень сложно. Передатчик должен передавать им энергию, так сказать, электрическое питание для этих

машин, и одновременно - управлять движениями робота. Ну вот, скажем, в эфире течет река электричества от станции Говерса. Антенна на голове робота — небольшой канал, через который энергия, электричество стекает в робота, и его аккумуляторы все время таким способом заряжаются. Понятно это?

— Можно понять, — тихо ответил Боб. — Какая же это хитрая техника!..

Мадлена улыбнулась:

— Это еще не вся хитрость. Потому что я рассказала вам пока про одну часть механизма робота. Вот, получается, что робот все время получает из эфира энергию, которая его питает. Но — надо же им управлять? Это — другая часть. Так вот, передатчик подает радиосигналы, как в азбуке Морзе — комбинации точек и тире. Приемник, — а в голове каждого робота установлен хитроумный, чувствительный радиоприемник, — приемник принимает эти сигналы. А в груди робота помещен сложный механизм, который, под влиянием принятых сигналов, заставляет двигаться те или иные конечности робота.

Боб Лесли почесал подбородок.

— Очень... сложно как-то... — пробормотал он.

— Сейчас станет легче. Механизм в груди у робота устроен так, что каждый сигнал, принятый приемником в голове робота, соответствует отдельному движению какой-либо его металлической конечности. Например: — одна точка заставляет робота согнуть правую ногу в колене. Две точки — согнуть левую. Точка-тире — поднять правую ногу. Тире-тире-точка — сложить пальцы левой руки в кулак...

— И так, сигнал за сигналом? — переспросил заинтересованный Тим.

— Да, сигнал за сигналом. Нечто подобное есть у

быстропечатающего телеграфа, который передает сотни слов в минуту. И, в зависимости от этого, роботы делают все время то или иное, те или иные движения, ту или иную работу. Понятно теперь?

После молчания Боб Лесли ответил:

— Вообще то понятно. Но — как же...

— Что именно?

— Каким же образом каждый из роботов у разных станков делает разные движения? Ведь передатчик один, он подает одинаковые для всех сигналы. А роботы делают каждый свое. Этого я не понимаю.

Мадлена радостно рассмеялась.

— Очень хорошо, Боб, очень хорошо. Этот вопрос доказывает, что вы поняли основные принципы.

— А и вправду, Мадлена, как это так? — заинтересовался и Тим. — Ведь, действительно, сигналы для всех одинаковые, а движения разные.

— А о сложном переключателе на груди и спине робота вы, Тим, забыли? — насмешливо переспросила Мадлена. — Тот самый, который напрасно пытались переключить смотритель и сам Бирз. Помните? На груди и спине робота, который сломался, когда мы с вами так удачно изображали штрейкбрехеров?

— Ну и что же он, этот переключатель? — заинтересованно переспросил Тим.

— А то, что этот переключатель переключает сложную систему центрального механизма робота. Он как ключ для шифра. Поставили его в одно положение — и робот в ответ на одну точку согнет правую ногу в колене, как я вам сказала. Поставили переключатель заранее в другое положение — и робот, в ответ на ту же самую одну точку уже поднимет руку и схватит что-то на уровне груди. Переключатель в третьем состоянии — и та же самая точка заставит робота отступить на

шаг назад. А таких положений переключателя — несколько десятков. Отсюда, разумеется, большое количество возможных вариаций работы механического человека, в зависимости от состояния переключателя один и тот же сигнал будет соответствовать каждый раз разным, но заранее обусловленным движениям.

— И получается, каждый робот должен стоять только у того станка, куда его поставлено?

— Пока не переставлен переключатель, да. Но, переводя робота на другой станок, или поставив его на другую работу, надо лишь переключить центральный механизм на другую программу простым поворотом переключателя. И все. Или, тем самым переключателем можно просто выключить механизм... как пытался сделать Бирз с испорченным роботом, помните?

— Да, — отозвался Тим.

— Теперь уже немного осталось, — продолжала Мадлена. — Роботы получают энергию и сигналы через эфир. Ну, нас сейчас интересуют только сигналы. Радиоприемник каждого робота устроен так, что он ловит из эфира все сигналы на волне длиной двенадцать метров. Это — длина волн передатчика Говерса, его центральной станции управления роботами. Все условные сигналы идут оттуда...

— Мадлена, а как же Бирз руководил роботами с помощью своего треклятого карманного генератора, с которым я не мог справиться? — вдруг спросил Тим.

— В том-то и дело, что Бирз не руководил непосредственно роботами. И ваше впечатление, Том, было ошибкой, которая и привела к дальнейшим неприятностям.

— Видишь? Сколько я говорил тебе про твою скоропоспешность? — подтолкнул Тима Боб Лесли.

— Да. Это впечатление было ошибкой, — продолжала Мадлена. — Бирз с помощью своего карманного генератора лишь пересылал свои приказы, переданные условными сигналами, центральной станции управления роботами. Это все равно, как если бы он посылал на станцию обычные радиogramмы, даже не зашифрованные. Он говорил условными сигналами: «Переключите робота на такую-то систему, постройте их в одну шеренгу, пусть роботы идут один за другим, пусть остановятся, выключите того или иного робота...» Это были обычные радиотелеграфные распоряжения, только зашифрованные. А дежурный на станции управления роботами принимал эти распоряжения, и в зависимости от этого включал те или иные автоматические механизмы, которые уже языком других условных сигналов пересылали роботам те или иные конкретные приказы.

— И, выходит, я...

— И, получается, вы, Тим, беспорядочно нажимая на кнопки карманного генератора, сразу же заставили дежурного по станции, который принимал ваши сигналы, обратить внимание на их бессмысленность и тупость, простите за слово. Конечно, техник тотчас же позвонил по телефону Бирзу, так как подумал, что карманный генератор по каким-то причинам сломался, и искажает сигналы, которые посылает Бирз. Ведь технику и в голову не могло прийти, что с генератором играет какой-то человек, который не умеет обращаться с ним, и только впервые взял в руки генератор, похищенный у Томаса Бирза...

— М-да... Это, конечно, у меня получилось не совсем хорошо, — честно и откровенно согласился Тим.

— Так вот, заканчивая свою лекцию, я хочу сказать следующее: что произошло бы, если бы мы начали ка-

ким-то другим передатчиком пересылать в эфир сигналы на таких же точно волнах, что и передатчик Говерса, его центральная станция управления роботами? Роботы, настроенные на эту волну, принимали бы наши сигналы, наши приказы вместе с сигналами и приказами центральной станции управления. А повиновались бы они тому передатчику, мощность которого была бы больше. Потому что его сигналы почти полностью заглушили бы сигналы более слабой станции. Радиолюбители хорошо знают такие случаи, когда они пытаются принять маломощную станцию, длина волна которой мало отличается от длины волны другого, более мощного передатчика. Слабейшего из передатчиков просто нельзя принять в таких условиях, потому что его «забивает» более мощный. Итак, мы знаем, что станция Говерса далеко не такая мощная, чтобы нельзя было «забить» ее волны другим, более мощным передатчиком...

— Почти понимаю, — перебил Боб Лесли. — И тот, более мощный из передатчиков, есть...

— Правильно! Хотя, тот передатчик, на котором работает Галеран, находится очень далеко, в Красной Стране, однако, он один из самых мощных в мире. Он каждый день, в определенный час, направляет всю свою энергию сюда, в направлении Нью-Гарриса, воздействуя своими сигналами на роботов и заставляя их, например, поднимать левую руку. Это пока опыты. А дальше... Увидим, что они, эти роботы, сделают двадцатого числа...

Она замолчала, задумавшись. Тим дотронулся до ее руки.

— Галеран не говорил вам, Мадлена, ничего определенного о том, что именно они думают сделать двадцатого?

— До сих пор ничего. Но вчера он сказал, что именно сегодня даст мне определенные инструкции. Я была бы очень рада, если бы вы, товарищи, подошли ко мне к тому времени. Лучше было бы, если бы вы присутствовали при моей беседе с Галераном.

— Трудновато, — отозвался Боб Лесли. — Ведь нас могут поймать...

— Попробуйте, если сможете. На всякий случай, я приготовила для вас ключ от двери, чтобы вы могли зайти ко мне незаметно. Это с заднего хода, знаете, со двора.

Тим, переглянувшись с Бобом, спрятал ключ в карман:

— Ладно. Попробуем. Но сказать наверняка ничего нельзя, потому что все будет зависеть от обстоятельств...

Вдруг Боб Лесли прислушался. Затем, сделав товарищам знак молчать, осторожно открыл дверь и вышел из часовни. Тим насторожился.

— Что-то случилось. Слышите? — прошептал он Мадлене, склонившись к ее уху.

Мягкие кудри Мадлениных волос приятно щекотали ему губы.

Казалось, что в направлении часовни медленно летела какая-то большая птица, и все время жалобно кричала. Но она летела не прямо, а, казалось, по запутанной спирали, так как ее крик раздавался то справа, то слева. Тим внимательно прислушался.

— Кто это? — спросила Мадлена.

— Трудно сказать. Я знаю, что так хорошо умеет кричать только Майк Тизман. Но он арестован...

В часовню вбежал взволнованный Боб Лесли:

— Откуда он взялся, этот Майк Тизман? Это же он!

— Ты не ошибаешься, Боб? Ведь Майк арестован, он

сидит в тюрьме.

— Ты хочешь сказать, Тим, я могу забыть его манеру кричать? Брось, я знаю этот условный крик вот уже десять лет.

Сказав это, Боб Лесли вновь вышел за дверь и негромко, но отчетливо ответил таким же криком. Через полминуты в часовню заглянул Майк Тизман собственной персоной. Лицо его было взволнованное, но он радостно смеялся:

— Здравствуйте, друзья! Еле нашел вас. Аж устал. Эка, куда спрятались, сам черт не найдет!.. — И он закашлялся.

Бобу и Тиму пришлось переждать, пока он успокоился. Тогда оба вместе нетерпеливо спросили:

— И откуда ты взялся? Рассказывай!..

— Сидел в тюрьме. Меня допрашивали, угрожали... даже пробовали подкупить.

— Что?

— Да. Аж два агента один за другим предлагали мне небольшой подарок в виде настоящих золотых монет или чека, чтобы я вышел на свободу и связался с профессиональной организацией, начав агитировать за прекращение забастовки. Дураки! Конечно, я ответил, как надо. И все же, не понимаю, по какой причине сегодня вечером они выпустили меня.

— Как выпустили?

— Так, выпустили. Просто пришел смотритель, приказал собрать вещи и идти. Вывел за дверь, за ворота тюрьмы и сказал: «Можете идти, вы свободны». И все. Я и сам очень удивлялся.

Боб покачал головой:

— Очень странное дело... Ты, между прочим, уверен, что за тобой никто не следил? Не следил ли кто за тобой?

— Такого не заметил. А впрочем, после душного воздуха в тюрьме, меня на улице взял такой кашель, что я и света не видел.

Боб еще раз покачал головой:

— Не знаю, стоило ли тебе идти сюда.

Он вновь оглянулся на окно с открытой решеткой — «запасной выход», как он назвал его. И в тот же миг насторожился: его чуткое ухо услышало какое-то шуршание. Еще через секунду он быстрым движением погасил фонарик и прошептал:

— Ходу, товарищи! За мной!

Словно мышь, он исчез в окне. Тим схватил за руку Мадлену:

— Лезьте!

Но дверь уже распахнулась. Яркий свет электрического фонаря залил часовню. Громкий голос крикнул:

— Руки вверх!

Майк Тизман, как пуля, метнулся к двери. Раздался сухой выстрел. Но Майк выполнил свое. Всем весом своего тела он обрушился на человека, который держал фонарь. И тот выпустил фонарь — и он, упав на землю, разбился. Тьма вновь поглотила все в часовне. Мадлена едва слышно сказала:

— Беги, Тим! Скорее!

Тим проскользнул в окно. Еще один зажженный фонарь успел осветить лишь его ноги. Прозвучал еще выстрел, но было уже поздно. Тим исчез, как перед тем исчез Боб Лесли.

Майк лежал на полу и стонал. Из-под него расплзлось большое черное блестящее пятно. Одежда его пропиталась кровью.

Дюжий штурмовик со свастикой на рукаве подошел, держа револьвер, к Мадлене, что стояла, нахло-

нив голову. Он направил на нее фонарь. Свет фонаря падал ей на шляпу и пальто, оставляя ноги в темноте.

— Не сопротивляйтесь, мистер Кроунти, — предостерегающе сказал штурмовик, выразительно показывая Мадлене свой револьвер. — Иначе придется применить оружие, хоть мне бы этого не хотелось. Идите за мной.

Мадлена молча направилась к двери. Она поняла, что штурмовик ошибся, и принял ее в темноте за Тима. Его сбили с толку пальто и шляпа Тима, надетые Мадленой.

«Пусть арестовывают, — подумала Мадлена, — они со мной ничего не сделают. А Тим и Боб успеют спастись».

Вслед за ней два штурмовика-фашиста тащили тяжелораненого Майка Тизмана, который не переставал стонать. Еще целый отряд штурмовиков ждал у часовни.

— А что, другой сбежал? — спросил штурмовик, сопровождавший Мадлену.

Это, очевидно, был старший.

— Сбежал... Ведь никто не знал, что в задней стене есть окно, — мрачно ответил кто-то.

Мадлена радостно вздохнула: значит, все в порядке.

Ее вели к выходу с кладбища.

У ворот стояли два автомобиля. К одному из них штурмовики поднесли раненого Майка Тизмана, ко второму подвели Мадлену. Вежливый, суховатый голос из автомобиля произнес:

— Садитесь, прошу вас, мистер Кроунти. По дороге мы еще успеем поговорить неофициально... перед тем, как вы будете отвечать на официальном допросе.

Мадлена молча вошла в автомобиль и села, склонив голову.

Человек, сидевший в автомобиле, повернул выключатель. В автомобиле сразу стало светло. Человек в форме оглядел Мадлену и аж подскочил от неожиданности: он заметил под пальто стройные женские ноги в туфельках и тонких чулках.

Несколько секунд в автомобиле длилась напряженная тишина. Подняв голову, Мадлена смело смотрела в лицо командира штурмовиков, который яростно рассматривал ее. Теперь уже Мадлене нечего было терять, все равно ее узнали. Она видела перед собой бледное лицо с тонкими губами, над которыми виднелись коротко подстриженные усы, видела прищуренные глаза, которые пристально рассматривали ее.

— Да, — помолчав несколько секунд, произнес мужчина в форме, — мы немного ошиблись. Это не Тим Кроунти. Это — мисс Мадлена Стрэнд. Сожалею, мисс, что так получилось, но придется вас арестовать. Мы не хотели этого, но вы нас заставили.

И Гордон Блэк подал шоферу знак трогаться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КАК ВКЛЮЧИТЬ ПРИЕМНИК

День семнадцатого не принес ничего нового, кроме нескольких событий. Во-первых, этот день, по крайней мере, на месяц приостановил дальнейшую политическую карьеру сладкоголосого секретаря, мужчины в синих очках. Он думал так: рабочие голодают, им стало чрезвычайно трудно, на них легко повлиять, не очень-то разбираясь в средствах.

Итак, секретарь решился. Утром он вновь пришел к заводским воротам, где, как и всегда, собирались рабочие. Услышав, о чем идут разговоры, прислушавшись к препирательствам, он решил, как говорится, взять быка за рога, даже не проверив, как обычно, что где-нибудь поблизости есть дюжие полисмены или штурмовики из «Боевых крестов». Именно это и сгубило его.

«Как можно было выступить, — говорил он много позже, — перед этими сумасшедшими, не защитив себя крепкими полицейскими, или вообще какими-нибудь хорошо вооруженными парнями?..»

Но так он говорил позже. А семнадцатого числа секретарь в очках, видимо, был очень увлечен ложной возможностью нетрудной победы над рабочими, дети которых вот уже несколько дней не ели ничего, кроме картофеля.

— Дайте слово сказать, — решительно произнес он, с трудом забираясь на заводскую ограду.

Рабочие стихли и столпились вокруг него: что скажет этот человек, который выдает штрейкбрехерам справки об их «добрых намерениях»?

Но секретарь профорганизации почему-то почувствовал в этом презрительном любопытстве настоящее внимание к своей персоне. Он откашлялся и начал:

— Дорогие друзья и товарищи! Все время мы, профессиональная организация, так сказать, пытались поддержать спокойствие между рабочими и компанией. К большому сожалению, коммунисты привели вас на эту злополучную, знаете, прямо скажу, — сумасшедшую забастовку. Теперь вы видите, что из этого вышло? Комитет арестован, роботы работают на ваших местах у станков, вы голодаете. А вспомните только, кто все время предупреждал вас, кто все время обращал, знаете, ваше внимание на нецелесообразность, так сказать, преступность этого несчастной забастовки? Мы, профессиональная организация...

— Да какая там профессиональная организация? — раздался чей-то голос. — Не цепляйся ты за нее. Говори сам за себя.

— Профессиональная организация — это мы, — добавил еще кто-то из толпы. — Потому что мы все вместе, единым фронтом боремся с капиталом. А ты от чьего имени говоришь?

Мужчина в очках чрезвычайно умело сделал вид, что не слышит этих неприятных речей. Он спокойно продолжал:

— Мы всегда предупреждали вас. Всегда заботились о ваших интересах. Некоторые из вас поддались на приманку коммунистов. Ошиблись, значит. А теперь,

вы и сами видите, что мы были полностью правы. Или не так?

Он немного постоял, прислушиваясь, не услышит ли от кого-нибудь хотя бы единичные возгласы поддержки и согласия. Но рабочие спокойно, но с угрозой молчали. И мужчина в синих очках стал говорить дальше, еще слаще, еще мягче:

— Опять мы, профессиональная организация, обращаемся к вам с искренним призывом: давайте прекратим забастовку! Зачем продолжать это недоброе дело? Компания, по последним сведениям, соглашается немного увеличить зарплату и даже сократить на полчаса рабочий день. Это просто невероятно, как хорошо относится к нам с вами компания мистера Говерса...

— К тебе, но не к нам! — послышался возглас невдалеке от оратора.

Секретарь скривил лицо, но проглотил эту пилюлю, словно не заметив ее.

— Чего нам еще надо? — говорил он дальше. — Зачем продолжать это безумие? Предатели-коммунисты калечат вам жизнь, прогоним их! Установим спокойствие и дадим возможность профессиональной организации договориться с компанией, заботясь только о ваших интересах...

— Так, как до сих пор заботились? — неожиданно раздался тот же голос, но уже совсем близко от него.

— Мразь, сколько штрейкбрехеров ты прислал Говерсу? — добавил второй голос.

— И чего его дальше слушать! Докажем негодяю, что мы еще не совсем лишились сил!

— Ну-ка, слезай с забора, приятель! Сейчас мы с тобой поговорим, как следует, — уже, совсем не шутя, перешел от слов к делу обладатель первого голоса.

Жалобные вопли и лепетания мужчины в синих очках утонули в раздраженном гомоне толпы. Издали было видно только, как поднимались и опускались руки, изредка слышно было тяжелое буханье, словно несколько сильных боксеров неугомонно тренировались, обрабатывая своими тяжелыми кулаками кожаный тренировочный мяч.

Через две-три минуты отряд полисменов получил немедленный приказ: спасти мистера Топкинса, секретаря профессиональной организации, от самосуда раздраженных рабочих. Отряд, энергично работая резиновыми палками, начал спасать мистера Топкинса, который теперь летал легче волейбольного мяча между разозленными рабочими, получая со всех сторон тяжелые тумаки.

Мистер Топкинс визжал, как поросенок; свои синие очки он уже давно потерял где-то, и освобожденные от них узенькие его глаза с белыми ресницами беспомощно оглядывались по сторонам, ища помощи. Лишь после продолжительной драки с рабочими полисменам повезло отбить несчастного секретаря.

Но домой он идти сам не мог. Пришлось отвезти его в больницу, где он и остался — примерно недели на две, потому даже привычный ко всякому врач ужасался количеству синяков, которые украшали лицо и тело уважаемого мистера Топкинса.

Таково было первое событие того дня.

Рабочие были слишком раздражены, чтобы полностью властвовать над собой. Забастовочный комитет едва сдерживал желание рабочих дать полиции открытый бой. Этого нельзя было позволять ни в коем случае. Комитету привезли из центра повторные категорические директивы.

«Всеми способами поддерживать забастовку, одновременно избегая ЛЮБЫХ столкновений с полицией или нападений на завод и тому подобного. По нашим сведениям, Говерс с группой капиталистов, на предприятиях которых тоже вспыхнули забастовки, добился от правительства согласия ввести на заводы войска, как только произойдет первое открытое выступление рабочих. Имейте в виду, что недалеко от вашего города лагерем стоят многочисленные войска. Они ждут приказа войти в город. Следовательно, можно даже предвидеть, что правительство через полицию попытается спровоцировать такие выступления.

Берегитесь провокаторов!»

Далее директивы объявляли о том, что завтра будут отправлены деньги, и заканчивались так:

«Еще несколько дней нужно переждать, потому что до сих пор мы еще не окончательно вошли в полную силу. Через два-три дня вы получите четыре вагона с оружием. Этот груз будет под маркой «железного лома». Приготовьте помещение и надежных людей для разгрузки, это нужно будет сделать в течение одной ночи».

Следовательно, члены забастовочного комитета строго останавливали всякие намерения рабочих входить в столкновения с полицией, хотя, откровенно говоря, у них самих давно уже чесались руки сделать то же самое.

Ни Боба Лесли, ни Тима Кроунти у завода не было, потому что их тщательно разыскивала полиция, которая работала теперь особенно добросовестно под руководством своего нового начальника, руководителя ор-

ганизации «Боевых крестов» Гордона Блэка. Собственно, уважаемый секретарь профорганизации мистер Топкинс имел все основания быть недовольным такой линии поведения Гордона Блэка: ведь если бы Гордон Блэк не требовал от полиции обязательно поймать Лесли и Кроунти, — полицаи были бы возле завода во время речи мистера Топкинса и, безусловно, не допустили бы такого невежливого поступка в отношении его персоны.

Майк Тизман лежал в больнице. Его состояние было безнадежным. Пуля штурмовика прострелила легкое. А, так как штурмовики той ночью применили разрывные пули, то пуля, которая попала в грудь Майка Тизмана, разорвалась внутри его тела и вырвала, выходя из спины, большой кусок тканей.

Врач видел, что Тизман умирает. Нарушая правила полицейской больницы, он спросил Майка после последней перевязки, когда раненый, закрыв глаза, еле слышно стонал:

— Может, вам надо что-то передать на волю?

Майк Тизман, не поворачивая головы, посмотрел на него страдающими глазами и с усилием ответил, потому что каждое слово причиняло ему боль:

— Если можно, передайте товарищам, что я хотел загладить свою невольную вину. Я должен был знать... я же не мальчик... что полиция что-то хотела сделать, выпуская меня без причины на волю. Итак, я умираю счастливый, что своей смертью помог товарищам спастись и сохранить их свободу для нашего общего дела...

— Может, передать что-то вашей семье?

Но Майк Тизман уже не мог отвечать, он и без того слишком много сказал. У него пошла горлом кровь.

Это был его последний день.

К вечеру он умер.

Он лежал на цинковом столе морга полицейской больницы, худой, бледный и вытянутый, словно после сильнейшего приступа своего привычного кашля. Он лежал мертвый, так и не увидев синего моря, так и не побывав в Красной Стране, не осуществив главной мечты своей долгой и трудной жизни.

Мадлена не знала ничего о смерти Майка Тизмана, потому что она сидела в отдельной камере центральной тюрьмы.

Сначала, когда ее привели в эту камеру, когда за ней с грохотом захлопнулась тяжелая дверь и щелкнул замок, она не верила в то, что это происходит именно с ней. Ведь единственное, в чем она не испытывала сомнений, это уверенность в том, что ее не арестуют. Откуда в ней была такая уверенность, она не знала и сама. Но, помогая бежать Тиму, Мадлена спокойно относилась к мысли о том, что ее схватят штурмовики или полисмены.

Она предполагала, что ей разве что устроят допрос сразу после задержания. Почему-то она твердо верила, что этот допрос не продлится больше нескольких минут, что ее сразу после него освободят, и что, это уже безусловно, ничто не помешает ей своевременно включить приемник следующим вечером, чтобы провести очередную беседу с Галераном.

Всем эти надеждам не суждено было сбыться. После сухого и сурового допроса, который вел сам Гордон Блэк, он сказал:

— Я предупреждал вас, мисс Стрэнд, что вам лучше всего было бы откровенно и подробно рассказать нам обо всём, что вы знаете в этом деле. К сожалению, вы

или молчите, или рассказываете, простите, такие вещи, которые никак нельзя принять за серьезные показания.

Он взглянул на Мадлену, словно ожидая ответа. Мадлена молчала.

— Ну что же, — вздохнул Блэк. — Я надеюсь, что вы, мисс Стрэнд, держите себя так лишь потому, что очень возбуждены ночными приключениями. Действительно, это же просто ужасно: такая молодая девушка — и пробыть почти целую ночь на кладбище!.. Я очень прошу вас успокоиться, и выражаю твердую надежду, что завтра вы в более спокойном состоянии будете разговаривать со мной гораздо откровеннее. Дежурный, отведите мисс Стрэнд в предназначенную ей камеру!

Это распоряжение потрясло Мадлену. Она побледнела, резко поднялась и, глядя прямо в лицо Блэку, спросила:

— Меня?.. В камеру?..

— К сожалению, да, мисс, — сухо ответил Гордон Блэк. — Дежурный, выполняйте приказ!

Несколько часов Мадлена не могла заставить себя сесть на жесткую кровать. Она ходила по камере от одной стены до другой, читала на них надписи, что остались от ее предшественников. В первый раз в ее жизни Мадлена оказалась в тюрьме, да еще в полицейской камере. Более того, — ее допрашивал сам начальник полиции! Это случается вообще нечасто.

Вообще же, Мадлена не боялась ни тюрьмы, ни камеры. Единственное, что не давало ей покоя, это мысль о том, что теперь она не сможет вечером провести очередную беседу с Галераном. К сожалению, в этом сомнений не было.

Лишь на рассвете, когда неожиданно моргнув, погасло электричество, и на смену ему через решетчатое

окно камеры пробились первые лучи розового утра, Мадлена заставила себя лечь на кровать и закрыть воспаленные, уставшие глаза. Но спала она очень недолго. Она проснулась, словно кто-то ее толкнул.

Но глаз открывать ей не хотелось. Она лежала и мечтала:

— Разумеется, это был лишь неприятный, ужасный сон. Вот сейчас я раскрою глаза — и увижу свою привычную комнату, оденусь — и вечером, когда ко мне придут Тим и Боб, расскажу им про этот кошмар.

Конечно, мечты остались только мечтами. Мадлене все же пришлось открыть глаза и убедиться в том, что ее арест, допрос, камера в тюрьме и тому подобное — были не сном, а неприятной, вполне реальной действительностью.

Было уже утро. Видимо, взошло солнце, потому что в камере было очень светло.

«Так я и буду ходить от стены до стены аж до половины восьмого вечера, — думала Мадлена, так же, как и ночью, меряя камеру нервными шагами вдоль всех четырех стен. — И, ровно пол-восьмого, Галеран будет ждать моих сигналов, а я буду ходить здесь. Приемник будет стоять невключенным. Увы! Ведь я оставила его вчера так хорошо настроенным, достаточно повернуть общий выключатель — и все начнет работать. Почему я не успела, не подумала сказать об этом ночью Тиму? Все было бы тогда нормально, он вместо меня поговорил бы с Галераном... А теперь?..»

Мысли Мадлены путались, она чувствовала полную беспомощность.

Наконец она почувствовала, как устали ее ноги. Тогда она подошла к маленькому окну камеры, что было зарешечено толстыми железными прутьями. Что можно было увидеть за ним?..

... Помітила на одному з найближчих дерев людську постать.

Оглянувшись на дверь, в которой виднелось маленькое окошечко, закрытое железной дверцей, Мадлена быстро вскочила на стол, привинченный к стене как раз под окном. Схватившись обеими руками за решетку, она жадно выглянула наружу.

Окно выходило во двор, который был окружен каменной стеной. Вдоль той стены, что на каждом углу имела наблюдательные посты, размеренно ходил часовой. Такие же посты были на угловых башнях. За высокой каменной стеной тюрьмы, очевидно, была небольшая площадка, а дальше был разбит сад. Высокие зеленые деревья качали в нем под легким ветерком свои кроны.

Мадлена с наслаждением смотрела на деревья, среди которых так приятно было бы отдохнуть, полежать на мягкой траве...

И вдруг она еле сдержала крик удивления: она заметила на одном из ближайших деревьев сада человеческую фигуру. Что это такое? Человек сидел на дереве, и четко и размеренно размахивал руками.

— Что за сумасшедший? Что он делает?

Человек на дереве прочно сидел на большой ветке, обхватив ее ногами. Он поднимал то одну руку, то обе вместе. Мадлена внимательно присмотрелась. Человек на дереве, поработав несколько минут, на полминуты прекращал свои движения, потом начинал снова, не отрывая глаз от тюрьмы. Мадлене казалось, что человек смотрит прямо в ее окно. Напрягая все силы, Мадлена вглядывалась, пытаясь узнать человека. И вот, она почувствовала, как сильнее забилося ее сердце: человек на дереве был Тимом!

Точно, это он! Но что он делает?

И почти в ту же минуту Мадлена поняла: он что-то передает азбукой Морзе. Одна рука — точка, два — ли-

ния... Мадлена была слишком опытным радиотехником, чтобы не расшифровать этих взмахов:

— ...е-с-л-и в-и-д-и-т-е п-о-м-а-ш-и-т-е п-л-а-т-к-о-м-...

Движения остановились, но через несколько секунд начались снова:

— ...е-с-л-и в-и-д-и-т-е п-о-м-а-ш-и-т-е п-л-а-т-к-о-м-...

Тим повторял раз за разом одно и то же. Не ожидая далее, Мадлена резкими взмахами своего белого носового платка ответила:

— П-о-в-е-р-н-у-т-ь в-ы-к-л-ю-ч-а-е-л-ь с н-а-д-п-и-с-ь-ю т-о-к з-а-т-е-м д-р-у-г-о-й с н-а-д-п-и-с-ь-ю э-к-р-а-н п-о-т-о-м-...

Дверь камеры широко растворилась, и в комнату вбежал часовой:

— Немедленно прекратить!

Он выхватил из рук Мадлены платок. В коридоре тревожно зазвонил сигнальный звонок. Это второй часовой вызывал начальство. Мадлена оглянулась в окно: не сможет ли охранник увидеть Тима?.. Но человека на дереве уже не было. Он исчез, и часовой мог видеть теперь только зеленые листья, что колыхались под дуновением ветра.

Мадлена облегченно вздохнула: хоть она и не успела передать всего, но и этого достаточно. Но какой молодец Тим! Ведь он совсем не знает, кажется, азбуки Морзе. Как же он смог передавать целую фразу? Относительно ответа, то все было понятно: Мадлена видела, махая платком, как Тим записывал то, что она передавала, карандашом в блокноте.

Она села на кровать. Нервозности и напряженности как не бывало. Теперь Мадлена почти совсем успокоилась. Она отметила даже, что по неизвестной причине на ее лице на мгновение появилась улыбка. Только на

мгновение, потому что сразу же она исчезла, как испуганный зверек: в камеру широкими шагами вошел сам Гордон Блэк.

Бросив быстрый взгляд на Мадлену, он, не сбавляя хода, прошел к окну, легко вспрыгнул на стол и припал лицом к решетке. Очевидно, Гордон Блэк сам хотел найти адресата, которому предназначалась сигнализация Мадлены.

Она тем временем с интересом смотрела сзади на блестящие краги Блэка, на его хорошо сшитый костюм, напоминавший собой форму офицера. С не меньшим интересом Мадлена рассматривала фашистскую повязку на рукаве Блэка. Впервые она обратила внимание на этот странный знак. Черная рогатая свастика производила на Мадлену отвратительное впечатление какого-то паука, который вцепился в белый круг и крепко держит его. Странно, но Мадлена не испытывала страха...

Гордон Блэк соскочил обратно на пол. Теперь он стоял спиной к окну, заложив руки назад и холодно глядя на Мадлену. Его всегда подчеркнуто-спокойное лицо теперь было разъяренным. Он, видно, еле сдерживал себя, чтобы говорить более-менее спокойно, он стискивал сложенные за спиной руки и перекатывался с каблучков на носки и обратно.

— Да, мисс Стрэнд, — сквозь зубы обратился он к Мадлене, которая смотрела на него, не вставая с кровати. — Так вы доказываете нам вашу лояльность? Вы пытаетесь даже из камеры связаться с преступниками, — ведь никто, кроме преступников, не стал бы перекидываться сигналами с обитателями тюрьмы. С кем вы разговаривали?

Мадлена, улыбаясь, молчала: ей было странно и интересно смотреть на разъяренного фашиста.

— Ладно, — после паузы продолжал Блэк. — Вы не отвечаете? Вот так вы благодарны нам за наше корректное поведение? Вы думаете, что так будет и дальше? Нет! Вам еще не приходилось на собственной шкуре почувствовать, что такое настоящий допрос. До сих пор мы допрашивали вас «первой степенью», мы просто спрашивали вас и не настаивали на том, чтобы вы давали ответ, не говоря уже о том, чтобы требовать от вас действительно правдивого ответа. Теперь я вижу, что для вас маловато было бы и «второй степени». Следовательно, — и он нехорошо улыбнулся, продолжая покачиваться всем телом с каблуков на носки и обратно, — сегодня же ночью вы узнаете, что такое «третья степень» допроса.

Мадлена вздрогнула. Она слышала, когда ей рассказывали о таком способе допроса, когда с человеком делали все, что приходило на ум палачам-полицаям. И, кажется, это называлось именно допросом «третьей степени». Тогда она не верила, что в культурной стране, в век электричества, самолетов, социалистических партий, автомобилей и радио — могут существовать средневековый пытки заключенных, напоминающие методы «святой инквизиции». Теперь приходилось поверить, потому что Гордон Блэк был человеком, не способным шутить...

— Переведите мисс Стрэнд в другую камеру. Такую, чтобы ничто не побудило ее искать через окно общения со знакомыми и приятелями, — приказывал тем временем Блэк.

И, когда стражники уже уводили Мадлену из камеры, он не выдержал искусственной вежливости и ехидно добавил:

— В карцер без окон!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

РОБОТЫ ПОЙДУТ С ВАМИ

Две неясные фигуры пробирались, оглядываясь, мимо забора дома Мадлены Стрэнд. Было уже довольно темно; луна, как и прошлой ночью, упорно пряталась за густыми тучами, на город опустился промозглый туман, который накрыл своим белым одеялом улицы и пригасил свет уличных фонарей. Напрасно они пытались разогнать туман своим всегда ярким лучом: туман был сильнее. И от фонарей оставались только неясные беловатые пятна в желтом туманном молоке.

Две неясные фигуры пробирались мимо забора, оглядываясь и ощупь ища калитку. Вот одна из них остановилась; тут же остановилась и вторая. Первая ощупала рукой калитку, пробуя открыть ее. Но калитка была заперта на замок. Тогда первая что-то тихо прошептала второй и беспомощно развела руками. Вторая прошептала:

— Лезь ты первый, Тим, а я постерегу. Когда перелезешь, тогда перелезу и я. Только сначала хорошо погляди, может, там кто-то есть.

Тим легко подтянулся на руках и заглянул за забор. Насколько позволял видеть густой туман, в саду не было никого. Покачавшись раза два на заборе, Тим легко перепрыгнул на ту сторону, приземлившись на согнутые ноги. Под ним затрещала сухая ветка — и Тим застыл на месте, тревожно оглядываясь. Прошло

не менее минуты, пока он снова двинулся с места. В саду не было никого.

Двумя легкими ударами по забору Том подал знак Бобу, а сам прошел дальше, разыскивая дверь в дом. Вот и она. Том подергал: заперто!

Позади послышался глухой шум; это перепрыгнул через забор Боб Лесли. За несколько секунд он был возле Тима.

— Все в порядке?

— Да.

— Открывай!

Тим тихо отпер замок ключом, который ему дала Мадлена прошлой ночью, и открыл дверь. Внутри было темно и тихо. Они вошли в комнату, еще раз пристально осмотрелись, подсвечивая электрическим фонариком. Нет, бояться было нечего.

Тим посмотрел на свои часы: их циферблат, светящийся зеленоватым светом, показывал двадцать минут восьмого.

— Есть время. Садись, отдохнем.

Они сели недалеко от приемника. Тим вынул сигарету и хотел закурить, но Боб строго остановил:

— Ты что, сдурел? Хочешь, чтобы полисмен, проходя по улице, увидел свет и заинтересовался им? Тим, с какого времени ты вновь превратился в ребенка?

— Ну, не буду. Просто я очень устал. Ты думаешь, мне было легко размахивать руками на дереве? А потом не было времени отдохнуть.

— Согласен, что махать руками вообще не такое легкое дело. Однако, разве я тебе плохое посоветовал?

— Да нет, — ответил Тим. — Главное то, что я не знаю этой проклятой азбуки Морзе. Записал то, что ответила Мадлена, а что именно — черти его знают.

Какие-то точки и тире... Молодец Петер Шванген, сразу прочитал!

— На то он и телеграфист. Но она все же не успела тебе всего рассказать?

— Да. Прервалась на слове «потом». Я думаю, в камеру ворвались полицейские, которые заметили ее сигналы. А вот я сейчас попробую.

— Не рано ли?

— Нет. Как раз полвосьмого.

Тим подошел к приемнику, пытаясь рассмотреть его ручки.

В темноте было почти ничего не видно. Тим снова вынул из кармана маленький электрический фонарик и подсветил ручки приемника.

Вот они, те выключатели, о которых говорила Мадлена. Один с надписью «ток», второй — «экран». Осторожно, чуть дотрагиваясь, он повернул первый выключатель: лампы приемника засветились бледным желтоватым светом.

— Молодец, — похвалил Боб.

Тим еще осторожнее повернул второй выключатель: экран, уже знакомый ему по предыдущей беседе с Галераном, засветился приятным ярким голубым светом. Казалось, все было в порядке. Правда, на экране пока ничего не было видно. В нем проплывали лишь бесформенные световые облачка, что, казалось, закрывали собой всю поверхность экрана. Но это было, видимо, потому, что Галеран еще не начинал своего сеанса связи.

— Э, Тим, мы забыли кое-что сделать! Ведь с улицы можно увидеть и тебя, и меня при этом свете. Гаси, я тебе говорю!

— И...

— Гаси, упрямый чертов сын!..

Тим выключил приемник, Боб подошел к окну и плотно закрыл его занавесой; то же самое он сделал и со вторым окном. Затем он велел:

— Ну, включай. И можешь теперь зажечь сигарету. Закурю и я.

Тим опять включил приемник. И почти одновременно на экране среди световых облачков начала вырисовываться знакомая уже Тиму фигура Галерана. Далекий собеседник внимательно смотрел с экрана, будто ища глазами кого-то в комнате.

Том проговорил, как тогда Мадлена, прямо в микрофон, висевший перед его лицом:

— Добрый вечер, товарищ Галеран!

Выражение лица Галерана не изменилось, оставаясь таким же подозрительным, словно он не слышал приветствия Тима. Еще через несколько секунд его губы шевельнулись, и он заговорил, не меняя выражения лица:

— Кто это около приемника? Мне нужна Мадлена Стрэнд.

— Это я, Тим Кроунти.

— Я вас не вижу, — холодно ответил Галеран. — Я общаюсь только с товарищем Стрэнд.

— Она арестована, — мрачно ответил Тим. — Она поручила мне вас выслушать о делах двадцатого числа.

Тем не менее, Галеран посмотрел на него с подозрительностью. Он спросил:

— Почему вы не включаете света? Ведь я вас не вижу. А мне надо убедиться, действительно ли это вы разговариваете со мной?

— Но этого нельзя делать, потому что полицейские с улицы могут заметить свет и заинтересоваться, отку-

да он взялся в помещении арестованного человека. Они же схватят меня...

— И все же, я не могу разговаривать с вами, не убедившись воочию. Если вы действительно Том Кроунти, то вы должны понять: как я буду говорить, не будучи уверенным, что это действительно вы? Это было бы слишком неосторожно.

Тим беспомощно оглянулся на Боба. С удивлением он увидел, как тот удовлетворенно кивнул головой и прошептал: «правильно». Потом Боб взял со стола электрический фонарик, которым перед тем они освещали приемник, и подал его репортеру, шепча:

— Свети на себя, только не очень. Следи, чтобы свет не упал на занавес, иначе полицейский может заметить световое пятно. Это будет еще хуже.

— Алло, товарищ Галеран, я освещаю себя фонарем! — радостно проговорил Том.

Он нажал кнопку, золотой луч света залил его — и в тот же миг лицо Галерана на экране улыбнулось:

— Да, вижу, что это вы. Прошу прощения за то, что требовал убедиться, но... вы же сами понимаете?

— Понимаю, — ответил Тим, отдавая фонарик Бобу. — Итак, я слушаю вас. Нам нельзя долго находиться здесь.

— Кому это «вам»? Вы не один?

— Да, со мной председатель забастовочного комитета товарищ Боб Лесли. Нас обоих разыскивает полиция.

— Привет товарищу Бобу Лесли. Начинаю. Мы решили ускорить дело. Выступление роботов назначено на девятнадцатое число.

Тим и Боб пристально слушали: выступление роботов?

— Мне кажется, нужно предвидеть провокационные выступления полицейских агентов, — продолжал Галеран. — Им надо придумать наглядную придирку для того, чтобы ввести в город войска. Вы, наверное, тоже имеете такие сведения?

— Да, есть, — ответил Тим.

— Значит, надо ускорить события. Так, товарищ Мадлена арестована? Жаль, жаль, но будем надеяться, что скоро она будет снова с вами. Товарищ Мадлена сообщала мне, что наши опыты с роботами успешны. Теперь мне надо знать кое-что о расположении завода, площади у его ворот и главной улицы, которая идет от завода до города. Вам придется нарисовать на бумаге небольшой план и поднести его к приемнику, осветив на несколько секунд фонарем. Я сфотографирую его.

Тим начертил план и сделал так, как говорил Галеран.

— Хорошо, — отозвался вскоре Галеран. — Все сделано. Вот вам теперь план действий девятнадцатого числа, который бы я посоветовал вам, если вы ничего не имеете против. Утром вы собираете максимально большой митинг возле заводских ворот. Полиция, возможно, постарается стать вам помехой, но это не важно. Митинг будет продолжаться до двенадцати часов; в двенадцать вы устраиваете демонстрацию стойкости рабочих в деле забастовки. Демонстрация двинется ровно в двенадцать через заводскую площадь по главной улице города. И к ней... — голос Галерана стал торжествующим, — к ней присоединятся роботы!

— Невозможно! — воскликнул Боб Лесли.

— Вполне возможно, — спокойно ответил Галеран. — Для этого мне нужен план, чтобы знать, куда роботы должны идти вместе с демонстрацией.

— Это будет такой успех, такой... — Боб не находил слов, чтобы выразить свой восторг. — Это же будет началом революции!

— Относительно этого — ваши товарищи в центре знают это лучше меня. Мое дело - лишь помочь вам победить роботов, выполняя вашу просьбу. Итак, хотите ли еще что-то спросить?

После небольшой паузы Тим робко спросил:

— Только одно немного непонятно, товарищ Галеран.

— Что именно?

— Ведь каждый робот на заводе стоит у станка и делает свои собственные рабочие движения. Значит, в них включены различные системы управления. Когда вы дадите сигналы выйти на улицу, то роботы будут реагировать на это по-разному...

Боб Лесли с уважением смотрел на Тима: рыжий репортер доказал, что он хорошо усвоил лекцию Мадлены о радиотехнике.

Галеран сделал успокаивающее движение рукой:

— Не беспокойтесь, товарищ Кроунти. Именно поэтому мы и выбрали время для выступления роботов ровно в двенадцать, ибо нам известно, что именно в полдвенадцатого ежедневно всех роботов приводят к главному сборочному цеху, чтобы проверить правильность и четкость работы их механизмов. А для этого, все их системы включают однообразно. Понимаете? Мы используем именно этот момент.

— Тогда понятно, — согласился Тим.

Но Галеран продолжал:

— И все же, лучше подстраховаться от неожиданностей. Вот почему я вновь хотел бы посоветовать вам обратить внимание на станцию управления роботами.

— Об этом мы сегодня получили новую директиву из центра. Девятнадцатого числа утром мы должны неожиданно для полиции захватить в свои руки станцию управления роботами, — сказал Боб Лесли.

— Очень хорошо, — мгновенно отозвался Галеран. — Тогда вот моя просьба к вам. Захватив станцию, надо заставить дежурных техников, даже под угрозой применения оружия, переключить системы роботов на шифр девять. Прошу помнить — шифр девять. Это будет нам окончательной гарантией. Товарищи, наше время истекло, мы должны заканчивать. Всего хорошего, всего хорошего!

Голос Галерана замолчал, и, сразу же его изображение на экране начало затягиваться световыми облаками. Тим выключил приемник и повернулся к Лесли:

— Итак, Боб, дело набирает обороты! Дело движется к настоящей революции!

Боб Лесли не отвечал. Он думал. Перед его глазами проходили необычайные картины: вот роботы идут вместе с рабочими, забастовка в Нью-Гаррисе превращается в большую революцию, что окончательно свергнет капиталистов. Не только самого Джонатана Говерса, но, вместе с ним, и всех остальных. Товарищи из центра сообщили о вагонах с оружием: успеют ли они сделать это до девятнадцатого?.. И много других мыслей возникало у председателя забастовочного комитета, который сидел, склонив голову и сосредоточенно думая. Наконец, он все же услышал голос Тима Кроунти, который в третий раз переспрашивал его:

— Боб, чего же ты молчишь?

Боб Лесли с трудом оторвался от мыслей. Он поднял голову и хотел что-то сказать. Но именно в этот момент тревожно зазвонил телефон. Этот громкий

звонок произвел на обеих впечатление взрыва — так тихо было в комнате.

— Пусть звонит, — махнул рукой Боб, — это нас не касается.

Но Тим ответил:

— Все равно мы исчезаем через полминуты, нас не успеют поймать. А это, может, важно для Мадлены...

Он подошел к аппарату, снял трубку. Обеспокоенный голос спросил сразу:

— Мисс Мадлена?

Тим узнал голос: это был Томас Бирз. И сразу бешеная ярость овладела рыжим репортером. Негодяй Бирз, что руководит борьбой против них, что охотится на них — и вместе с ними на Мадлену! — осмеливается утверждать, будто он не знает, что Мадлена арестована. Подлый прислужник капитала! Двуличный пес!

Выругавшись так про себя, Тим Кроунти ответил с запалом:

— Если вам неизвестно, то я, Тим Кроунти...

— Что?..

— Да, я, Тим Кроунти, хочу сообщить вам, что Мадлену Стрэнд вчера ночью арестовали. Теперь она сидит в полицейской тюрьме, находясь в лапах фашистской тайной полиции. Ее допрашивают, не жалея средств. Кажется, дело идет о «третьей степени»...

Тиму пришлось отнять трубку от уха, потому Бирз в ответ громко застонал. Потом голос его превратился в почти звериный рык:

— Ее арестовали? И я ничего не знаю? Вы глупо шутите!

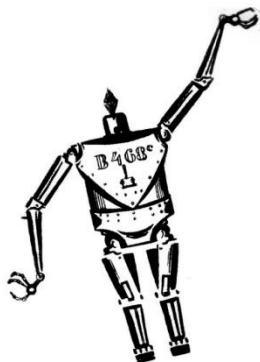
Тим горячо откликнулся:

— Проверьте, вы же имеете больше возможностей узнать это, чем я. А шутить с вами я не собирался и не собираюсь.

Далее Тим услышал, как Бирз с силой бросил трубку. Он положил и свою, и повернулся к Бобу:

— Интересно, — сказал он, — Бирз ничего не знает о том, что Мадлену арестовали. По крайней мере, так он говорит. Как ты думаешь?

— Неправда! Этого не может быть, — решительно ответил Боб Лесли. — Ведь фашисты и полиция делают что-то, только согласовывая все с Бирзом заранее. Пусть его. Пойдем, Тим, нас ждут дела!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

НА ДОПРОСЕ «ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ»

На этот раз проникательный Боб Лесли ошибся. Томас Бирз действительно ничего не знал об аресте Мадлены. Гордон Блэк не уведомил его об этом. Почему? Бирз не мог понять этого. Он видел лишь одно. Этот самый Гордон Блэк забрал себе слишком много власти, а еще больше — уверенности в своей власти. Он совсем не хочет считаться с наличием в Нью-Гаррисе его, Томаса Бирза, изобретателя роботов и уполномоченного Джонатаном Говерсом. Однако, все это вряд ли так сильно значило бы для Бирза, если бы дело шло не о Мадлене.

Бирз с ужасом думал о том, что Мадлена находится теперь в руках Гордона Блэка. Ведь этот мерзавец способен был на все. Блэк, по всем признакам, не видел в Мадлене Стрэнд никого другого, кроме обычного врага, разве что одетого в юбку.

Но — что Гордону Блэку от того, что Мадлена Стрэнд — женщина? Для него она, прежде всего, — почти единственный источник, из которого он может извлечь сведения о местопребывании пропавших преступников Тима Кроунти и Боба Лесли... Томас Бирз понимал, что слова Блэка о допросе «третьей степени» не были ни угрозой, ни шуткой, ни преувеличением: новый руководитель тайной полиции наверняка не задумался бы над осуществлением своих слов.

Потрясенный известием об аресте Мадлены, Томас Бирз даже не обратил внимания на интересный факт: Тим Кроунти, которого усердно разыскивает полиция, находится в коттедже Мадлены, и отвечает оттуда по телефону. Бирзу было не до того.

Он злился и бегал по своему кабинету, враз потеряв свою решительность и привычку к энергичной инициативности. Наконец, он снова схватился за телефонную трубку:

— Алло! Дайте тайную полицию! Да. Алло! Дайте мне Гордона Блэка. Спрашивает Томас Бирз. Да. Что? Занят? И вы слышали, кто его спрашивает?

Дежурный адъютант очень вежливо, но совершенно непреклонно отвечал, что полковник Блэк слишком занят для телефонных разговоров. Он слишком занят даже для мистера Томаса Бирза. Полковник Гордон Блэк освободится не раньше, чем через полчаса. Больше ничего не смог добиться Бирз от адъютанта, кроме еще одной фразы. И эта фраза наиболее поразила Бирза: «Полковник Блэк в настоящий момент допрашивает арестованных».

Кто знает, может именно Мадлену сейчас допрашивает Гордон Блэк? Томас Бирз вспомнил о «третьей степени» — и его затрясло, как от холода.

Еще через минуту он опрометью бросился из кабинета, накидывая на бегу пальто.

Его автомобиль стоял, как всегда, у дверей. Шофер клевал носом, завернувшись в мохнатую меховую шубу. Безусловно, он был очень удивлен тем, что мистер Бирз решил куда-то ехать в такой туман. Шофер был уверен, что он простоит без поездки до самого утра: куда и зачем можно было ехать сквозь туман, рискуя на каждом шагу аварией?..

Однако, Бирз так решительно бросил ему — «В тайную полицию!», — что шофер вмиг забыл о сне.

— Быстрее! Добавьте газу! — велел Бирз, почувствовав, что автомобиль движется медленно, словно наощупь, пробиваясь сквозь густую желтую стену тумана.

— Нельзя, мистер Бирз, слишком густой туман.

Действительно, в двух-трех шагах уже не было ничего видно.

Туман густел. Улица была словно залита желтой непроницаемой жидкостью. Автомобильные фары не способны были рассеять густоту тумана, их лучи беспомощно таяли за несколько шагов от автомобиля. Непрерывные гудки раздавались со всех сторон, смешиваясь со звонками трамваев и криками прохожих. Бирз был крайне расстроен, но ничего нельзя было поделать. Автомобиль вынужден был двигаться медленно, потому что иначе он мог врезаться в столб или в какую-то встречную машину.

Как будто для того, чтобы еще больше разозлить Бирза, автомобиль дважды был вынужден остановиться.

Первый раз его путь прервал патруль штурмовиков «Боевых крестов». Спросив, кто едет, и, убедившись, что это сам мистер Томас Бирз, штурмовики, извиняясь, отступили. Бирз успел лишь запомнить широкое лицо начальника патруля. Вначале его лицо было такое строгое и напыщенное, как будто его хозяин был, по крайней мере, генералом. Это было ровно до того момента, пока он не узнал, с кем разговаривает. Узнав, что перед ним автомобиль самого Бирза, штурмовик сразу сдулся и отступил от машины, не отнимая руки от фуражки и все время кланяясь и извиняясь.

Второй раз шофера остановил патруль рабочих-забастовщиков. Эти вели себя совсем иначе. Казалось, что они еле сдерживали себя, и Бирз успел заметить одну деталь — крепко сжатые кулаки, которыми рабочие держали вместо оружия толстые палки. Эта вторая остановка особенно разозлила Бирза, и он разразился грубыми ругательствами:

— Хамы! Какое право вы имеете останавливать автомобиль? Прочь с дороги, иначе отведаете револьвера!..

Рабочие мрачно отошли, не отвечая ни слова.

Автомобиль двинулся дальше, все так же разрезая световыми ножами фар желтую густую жидкость тумана.

Покачиваясь на подушках сиденья, Бирз вспомнил книгу, которую ему довелось однажды читать книгу о революции в Красной Стране. Кажется, там также начиналось с рабочих патрулей. Но там они не отступали перед угрозой револьвера. Наоборот, бывало частенько, что тот, кто ехал в автомобиле, вынужден был покорно покидать его, без спора отдавать автомобиль людям с винтовками в руках и идти дальше пешком... Бирз решительно отогнал эти воспоминания и мысли: пока что здесь страна Говерса, а не Красная!

— Приехали, мистер Бирз, — раздался голос шофера.

Действительно, автомобиль остановился перед темным зданием тайной полиции. Бирз выпрыгнул из автомобиля и бросился вверх по лестнице. И вдруг он услышал строгое:

— Стой, стрелять буду!

Бирз остановился. Напротив него, справа, слева — стояло много людей в форме, со знаками свастики на

рукавах. Такие же люди бежали сзади, догоняя его. Каждый из них держал в руках винтовку.

Бирз оглянулся: почти вся площадь перед домом была заполнена большим количеством людей в форме, вооруженных с ног до головы. Лишь кое-где виднелись полицейские. Но их черные костюмы и шинели таяли в массе одежды защитного цвета. Недалеко от лестницы Бирз заметил нескольких офицеров — так же со свастиками на рукавах, которые распоряжались и отдавали приказания.

Тем временем, его окружили кольцом люди в форме.

— Куда идете? — спросил Бирза один из штурмовиков.

— А кто вы такие, чтобы спрашивать меня? — спокойно ответил Бирз.

— Организация «Боевые кресты», мистер Бирз, которая защищает правительство и современный строй от сумасшедших революционеров, — с готовностью ответил Бирзу один из штурмовиков.

Бирз, присмотревшись, узнал его: это был один из клерков заводской конторы, который еще несколько дней назад приносил ему бумаги на подпись.

— Вы что же, на страже здесь?

— Так... Небольшая мобилизация... Однако, я не имею права говорить вам что-то подробнее. Простите, что задержали вас, мистер Бирз. Прошу, проходите. Товарищи, это мистер Бирз, знаменитый изобретатель роботов, — обратился он к остальным.

Теперь уже Бирза никто не задерживал. Через минуту он ворвался, как ветер, в кабинет дежурного адъютанта:

— Где полковник Блэк?

— Занят, мистер Бирз, — ответил ему адъютант, вежливо привстав.

— Скажите ему, что я приехал.

— Мне запрещено, мистер Бирз, обращаться к полковнику Блэку, пока он не вызовет меня сам.

— Глупости! Где он?

— Я уже имел честь ответить вам, что он занят.

— Где он, я спрашиваю? — еще более угрожающе спросил Бирз.

— Допрашивает арестованных в своем кабинете. Но он...

Томас Бирз не стал слушать дальше. Он выбежал из комнаты и спросил первого, кто встретился ему в коридоре:

— Где кабинет полковника Блэка?

Ему указали. Бирз, не постучавшись, широко распахнул дверь, вбегая в комнату. Он влетел в кабинет, не останавливаясь ни на мгновение, но уже в комнате, не дойдя до стола, застыл на месте.

Это была большая комната, залитая светом. За тяжелым дубовым столом с сигаретой в руке, в расстегнутой куртке сидел полковник Гордон Блэк. Он неторопливо поднялся навстречу Бирзу. На лице его была словно надета маска холодной официальной вежливости. Глаза следили за каждым движением незваного гостя.

Но не на него смотрел Бирз. Он видел другое, от чего не могли оторваться его глаза. Недалеко от стола была скамейка — широкая деревянная скамья с крепкими ремешками, что свешивались по бокам. Справа и слева от скамьи стояли два крепких штурмовика. Оглядываясь на человека, который неожиданно ворвался в кабинет, они все еще держали своими креп-

кими руками хрупкую женщину, которая полулежала на скамье, опершись головой о стол, словно в обмороке. Это была Мадлена Стрэнд.

— Чем могу быть полезен? — повторил совсем сухо и официально Гордон Блэк.

Бирз, сжимая кулаки, метнулся к нему.

— Вы осмелились, не уведомив меня, арестовать мисс Стрэнд! Более того, вы посмели допрашивать ее вашими мерзкими способами! И я!..

Лицо Гордона Блэка побледнело от едва сдерживаемого гнева. Нервно потирая руки, он спросил Бирза еще суше, еще более угрожающим тоном:

— С каких это пор государственная тайная полиция и организация «Боевые кресты» должны спрашивать разрешения мистера Бирза для того, чтобы осуществлять порученную им работу? Пожалуйста, не вмешивайтесь в дела, вас не касающиеся.

Бирз позеленел: так разговаривать с ним! Он оглянулся на Мадлену; она лежала, откинувшись назад, словно в обмороке. Лицо у нее было бледное, как стена, глаза закрыты, уста сомкнуты в мучительную гримасу. Казалось, она ничего не слышала, и, хотя разговор и проходил на довольно повышенных тонах, она даже не повернула к нему своей головы. Тем временем, Блэк продолжал, уже прекратив потирать свои руки, и спокойно сложив их на груди:

— Арестованная во время встречи с государственными преступниками Мадлена Стрэнд пыталась разговаривать через окно тюрьмы с помощью сигналов платком с людьми на воле. Она отказалась давать любые показания. Мы вынуждены допрашивать ее, следуя указаниям закона.

— То есть мучить ее? Пытать?

Гордон Блэк иронично улыбнулся:

Будь ласка, не втручайтесь у справи, що вас не обходять.

— Я мог бы не говорить вам об этом ни слова, мистер Бирз, — и этим только исполнил бы свой прямой долг. Но, видя ваше нервное состояние и некоторую возбужденность, я попробую продолжить свои объяснения. Кажется, мистер Бирз не возражал против того, чтобы допрашивать по системе «третьей степени» того парня, который был пойман на заводе?.. Кстати, мы получили от него ценные указания относительно его слов про левую руку.

Но об этом потом. Итак, почему мистер Бирз, который вообще совсем не против допроса по указаниям закона, спорит сейчас? Для меня, как представителя закона, как начальника полиции, — нет ни Джима Кэмп, ни Мадлены Стрэнд. Есть только арестованные преступники, из которых надо любой ценой выбить правдивые и подробные показания, от которых зависит дальнейший ход расследования дела и ликвидация деятельности так называемых революционеров.

Гордон Блэк говорил все это торжественно, не сводя взгляда с Бирза. Он прекрасно понимал, что его позиция была неуязвима.

И действительно, Бирз не сразу нашелся, что ответить. Ведь Блэк, со своей точки зрения, был совершенно прав, для него действительно было все равно кого пытаться — или рабочего Кэмп, или Мадлену.

— Но Кэмп явный преступник. Он прошел на завод без разрешения, он разбрасывал прокламации... — попытался возражать Бирз.

— Это не доказано. У него нашли только одну полуразорванную прокламацию, — заметил Блэк.

— Все равно, Кэмп — грязный рабочий, — вспыхнул Бирз. — А тут инженер! К тому же еще и женщина. Я не могу этого допустить!

— В конце концов, я вовсе не нуждаюсь в том, чтобы **вы** допускали или не допускали, — Гордон Блэк сделал заметный нажим на слове «вы». — Допрос арестованной ведем мы, — и это исключительно наше дело.

Томас Бирз почувствовал полную беспомощность. Действительно, он не мог тут ничего сделать. Но Гордон Блэк, видимо, решил еще что-то. Словно успокаивая, он вежливым движением руки попросил Бирза присесть, сел сам в свое кресло за столом и, понизив голос, сказал:

— Давайте бросим этот недопустимый тон нашего разговора, мистер Бирз. Я не хочу окончательно портить наши отношения, продолжая препирательства, ибо, говоря откровенно, вы слишком возбуждены для того, чтобы вести официальную беседу. Вы решительно против того, чтобы мы допрашивали мисс Стрэнд? Хорошо, я могу прекратить этот допрос. Но предупреждаю, что я вынужден буду проинформировать об этом мистера Говерса и добавить, что, по моему мнению, этим вмешательством вы сорвали мне проведения следствия. Итак?.. Ладно, если вы не меняете своего мнения, я сделаю так, как вы желаете. Но перед тем, позвольте известить вас о последствиях допроса того парня, Джима Кэмпса. Помните его слова о левой руке роботов?.. Вам ничего не приходилось слышать об этом от ваших зрителей?

Бирз вспомнил: да, вчера, да и сегодня, помощник докладывал ему, что, неизвестно по какой причине, роботы в одно время, ровно в двенадцать часов дня почему-то поднимают свои левые руки. Да, да! Бирз по поводу этого даже запросил данные от центральной станции управления роботами. Но техники на станции очень удивились и ответили, что они ничего не знают

о причине такого непонятного изменения в поведении железных людей.

— Да, мне говорили, — и Томас Бирз пересказал Блэку то, что вспомнил.

Глаза Гордона Блэка загорелись, лицо оживилось:

— Вполне совпадает с моими сведениями, — ответил он, забыв про свою холодную и официальную сдержанность. — Так оно и есть. Могу вам сказать, что это совсем не ваша станция управляла этими движениями. Это, видимо, было воздействие какого-то другого передатчика.

— Что?..

— Да. Джим Кэмп под допросом «третьей степени» заявил вот что.

Гордон Блэк достал из стола папку с бумагами, раскрыл ее, нашел какой-то протокол и тихо начал читать из него, поглядывая на Бирза:

— «... меня прислал на завод забастовочный комитет в лице Боба Лесли и Тима Кроунти, чтобы узнать, как будут вести себя роботы ровно в двенадцать часов. Я должен был внимательно следить за их движениями, особенно — левой руки. Они должны были ее поднять на мгновение, и это означало бы, по словам Лесли и Кроунти, что мы победили. Потому что если на них сможет повлиять кто-то со стороны, они перестанут слушаться компанию. Как именно это делается — я не знаю...»

Бирз не верил своим ушам. Он протянул руку Блэку:

— Покажите... — голос его был хриплый и отрывистый.

Гордон передал ему папку. Бирз внимательно перечитал написанное, и откинулся в кресле, все еще держа в руке папку с бумагами. Дело принимало совсем другой оборот! Мятежники осмеливались вмешиваться в управление роботами!

Гордон Блэк внимательно следил за Бирзом, он вежливо пододвинул к нему коробку с сигаретами:

— Курите, пожалуйста. Это успокаивает. Как видите, мы не тратим времени, а, наоборот, успели уже узнать нечто основательное, такое, что позволяет нам двигаться дальше с открытыми глазами. И... И, кажется, вы зря волновались по поводу мисс Стрэнд.

Томас Бирз оглянулся: Мадлена так же лежала, не шевелясь. Штурмовики стояли возле нее, один из них держал наготове стакан с водой. А Блэк продолжал:

— Имею основания полагать, что мисс Стрэнд много чего знает об этом. Потому что, кроме нее, во всем городе нет ни одного человека, который мог бы помогать забастовочному комитету в сложных технических вопросах. Надеюсь, что теперь вы не станете больше спорить?.. Мисс Стрэнд **надо**, — он решительно подчеркнул слово «надо», — допрашивать по всем указаниям закона, какие бы они не были строгие, чтобы получить от нее нужные нам показания.

Казалось, Бирз потерял возможность спорить. Протокол со свидетельством Джима Кэмпса сделал свое дело. Но именно в ту минуту, когда Томас Бирз уже совсем готов был согласиться, взять обратно свое заявление и не вмешиваться больше в дела Блэка, — он услышал легкий стон. Это стонала Мадлена, приходя к себе. Штурмовик немедленно подал ей стакан воды. Бирз, укрывшись за высокой спинкой кресла, следил за Мадленой, которая его не видела. Он слышал каждое слово Мадлены:

— Звери... палачи... Все равно я ничего не скажу!..

Голос ее срывался:

— Вам не помогут ваши пытки током... хоть сожгите меня живьем...

Гордон Блэк скривил лицо: дело ухудшалось! И действительно, Бирз, забыв обо всем, о чем только что слышал и читал, подскочил с кресла и стукнул кулаком по столу:

— Ни одной минуты она не останется здесь! Докладывайте Говерсу, делайте что хотите, я забираю ее с собой. Развяжите ее немедленно! — обратился он угрожающе к штурмовикам.

Те беспомощно поглядывали то на Бирза, то на Блэка, не смея выполнить распоряжение, которое шло не от их начальника.

— Так... — задумчиво сказал Блэк. — Ну что же, ничего не могу сделать... Жалко, когда в дела вмешиваются личные взаимоотношения!..

— Развязать ее! — вместо ответа заревел не своим голосом Бирз.

Блэк спокойно кивнул штурмовикам:

— Ладно. Делайте.

Через минуту Томас Бирз выводил Мадлену из помещения тайной полиции. Он не слушал ничего. Лицо его пылало от гнева. Мадлена шла тяжело, опираясь на его руку, измученная допросом «третьей степени». Она время от времени нервно вздрагивала. Томасу Бирзу глухо, словно сквозь толстое стекло, слышался угрожающий голос Блэка, который кричал ему вслед:

— Вы покаетесь в этом, мистер Бирз. Я выполнил ваше требование только потому, что вам предоставлены неограниченные полномочия от губернатора... Но... Вы сами увидите, что наделали. И тогда уже будет поздно!

Эти слова Томас Бирз воспринимал механически, они не доходили до его сознания. Поэтому он вспомнил о них только в автомобиле, посадив в него Мадлену и приказав шоферу ехать на завод. Но, сразу же, Бирз вновь забыл про эти угрожающие слова, заметив на беспомощно вытянутых руках Мадлены красные следы от ожогов.

Это были следы допроса «третьей степени».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

К ОРУЖИЮ, ТОВАРИЩИ!

Новость бежала по рабочим кварталам, передавалась из одного дома в другой.

«Томас Бирз поставил роботов охранять завод вместе с полицейскими. Вооруженные фашистские отряды, составленные из служащих и торговцев, охраняющих вместе с полицией учреждения, несут службу по улицам и площадям. Они не пускают никого на заводскую площадь. Полиция вместе с фашистами наступают!..»

А следом за ней шла вторая новость, которая радовала рабочих и наполняла их надеждой; нет, не надеждой уже, а уверенностью победы. Но о той, другой новости знали не все, ее передавали осторожно, только преданным, испытанным людям:

— Из центра прибыло оружие. Сегодня его выгрузят и будут раздавать. Будет чем дать отпор полиции и фашистам! Будет чем сбить рогатый крест!

Обе новости были истинны. Томас Бирз действительно выставил роботов около заводских ворот. Он поставил их, как верных железных стражей. Роботы неподвижно стояли, скрестив руки на груди и загоразживая своими крепкими фигурами входы. Для чего сделал это Бирз — никто не знал.

Также правдой было и то, что фашистские штурмовые отряды «Боевых крестов» открыто выступили

против забастовщиков. Это уже были меры нового руководителя полиции и фашистской организации Гордона Блэка. Фашистские боевые отряды заняли заводскую площадь, заняли улицы перед полицией, банком и главными учреждениями. Очевидно, администрация решила хорошо охранять свои крепости во время боя, который должен был вскоре начаться.

Насчет оружия — стачечный комитет получил из центра сообщение, что именно сегодня вечером прибывают вагоны с оружием, как и было сказано ранее, под названием «железный лом».

— Начинается очень серьезное дело, — сказал Боб Лесли Тиму, прочитав сообщение и показывая на свежие газеты.

— А что в газетах?

— Почитай, увидишь.

Боб взял газету. Это были, конечно, буржуазные издания, которые ругали забастовку рабочих последними словами. Но они не могли теперь замалчивать настоящих событий, потому что о них подробно писали коммунистические листовки, во множестве выходявшие нелегально. Никакой полицейский опыт и жестокость, никакие самые решительные меры не могли помочь правительству ликвидировать эти подпольные редакции и типографии, и прекратить выпуск листовок.

Газета «Дейли Телеграф» писала:

«События последних дней показали, что с революционным движением нельзя вести себя так, как это делало до сих пор правительство. Открытые стычки с полицией вооруженных рабочих, возглавляемых коммунистами, в Джернее, Коломбо, Тридауне и других горо-

дах доказывают, что время быть мягкотелыми уже прошло. Дело идет уже о попытках рабочих под руководством преступников-коммунистов свергнуть власть и свершить революцию. В свое время правительство уверяло, что он держит войска наготове. Где же они? Десятки убитых и сотни раненых полицейских — вот последствия столкновений, которые происходят по всей стране. Мы требуем решительных мер, чтобы преодолеть эти преступные революционные выступления, ибо они сотрясают страну и не дают мирным гражданам возможности честно работать. Надо силой оружия раздавить гнездо коммунистических преступников, которые называют себя революционерами. Необходимо решительно действовать, и начинать надо с Нью-Гарриса, который является настоящим источником и рассадником коммунистической заразы».

В разделе «Телеграммы» говорилось:

«По нашим сведениям, возле Нью-Гарриса сконцентрировано несколько полков территориальных войск. Вчера эти полки получили приказ выступить в направлении города, который находится фактически под властью коммунистического забастовочного комитета. Эта преступная организация захватила в свои руки все общественные учреждения. Мы надеемся, что наши отважные войска установят там порядок и безжалостно накажут нарушителей закона».

Боб Лесли отложил газету; лицо его было мрачным. Он видел, что Тим сказал правду: начинается очень серьезное дело. Как видно, правительство выдвигает войска, не получив желаемых результатов от попыток спровоцировать столкновения с полицией. Для того,

чтобы оправдать себя, правительство передало в газеты лживые сведения, будто забастовочный комитет захватил город в свои руки.

— Если бы мы такое действительно сделали, какой шум подняли бы газеты тогда? — сказал он, наконец. — Наверное, они бы не удовлетворились такой маленькой заметкой.

— Так или иначе, а войска двигаются к городу. Успеем ли мы выгрузить и раздать оружие? Ведь надо быть начеку.

— Успеем. Отряды у нас организованные. Каждый знает свое место, а баррикады сделать — дело одного часа.

Боб Лесли был спокоен. И в его словах чувствовалась такая уверенность, что и Тим успокоился. Этот человек держал в своих руках все нити сложного механизма восстания, которое должно начаться в ближайшие часы. Том внимательно наблюдал, как Боб Лесли спокойно разговаривал с рабочими — командирами отрядов, которые приходили к нему за распоряжениями и инструкциями.

Он все помнил, не забывая ни одной мелочи; помнил даже имя каждого из людей, когда о них упоминали командиры. Он говорил всегда спокойно, не повышая тона, его инструкции были такие четкие и ясные, что командиры воспринимали их почти всегда без возражений. Иногда кое-кто пробовал доказывать свое, не соглашаясь с ним. Тогда Боб Лесли подробно объяснял, почему он считает целесообразным сделать именно так, а не иначе. И командир вынужден был соглашаться с ним, потому что получалось, что председатель забастовочного комитета знает каждый район намного лучше, чем непосредственный руководитель того района.

Боб заметил, как Тим прислушивается к его разговору с очередным руководителем отряда. Когда его собеседник вышел, Боб, улыбаясь, сказал:

— Что, тебя удивляет моя уверенность? А?

— Нет, не удивляет. Просто я думаю, что рабочий класс не ошибся, выбрав тебя главой комитета. Как не ошибается и полиция, тщательно разыскивая тебя.

— Нет ничего удивительного, — словно отвечая самому себе, задумчиво сказал Боб. — Я ведь родился здесь, знаю всех и всё. А память у меня хорошая. Ну, ладно. Давай обдумаем вот что.

Он пододвинул к Тиму листок бумаги с начерченным на нем планом. Тим узнал при заводскую площадь, от которой тянулась широкая главная улица, которая доходила до самого вокзала. Дальше шли другие улицы, на которых карандаш Боба сделал отметки, словно перечеркнув их.

— Это я сегодня утром пробовал еще раз начертить план баррикад и обороны от войск. Видишь, солдаты могут прийти только с этой стороны, через вокзал. Мы затрудним их движение тремя баррикадами — вот, я начертил их здесь. Кстати, нам очень с руки, что они должны войти именно с этой стороны. Сегодня ночью мы выгрузим вагоны с оружием. А от вокзала до баррикад — всего несколько кварталов. То есть, очень легко передавать оружие для баррикад. Ночью, на выгрузке, будут работать четвертый и пятый отряды — почти четыреста человек. Вечером три отряда начнут строить баррикады. Мы обложим полицию, заводскую площадь и банк. Посмотрим, как выдержит наш напор фашистская банда! Вот увидишь, они храбрые только тогда, когда дело не доходит до серьезной драки.

— Однако, хватит ли у нас оружия? Ведь фашисты, эти самые «Боевые кресты», очень хорошо вооружены.

— Хватит! У нас есть достаточно своего собственного оружия, кроме того, что прислал центр. Есть и револьверы, и винтовки, даже несколько пулеметов найдем. Просто, до сих пор мы твердо выполняли приказ — избегать любых столкновений. Оружие лежало спрятанным. А сегодня утром оно уже не лежит, оно уже распределено между товарищами.

Тим с восхищением посмотрел на Боба: действительно, человек удивительной выдержки! Иметь оружие — и, выполняя директивы, не применять его, хоть Бобу, как и другим, аж руки чесались дать отпор фашистам!..

— Да, — продолжал Боб Лесли. — Это мы сделаем. Я не знаю, конечно, легко ли нам будет выбить фашистскую сволочь и сколько наших останется там лежать. Но в такое время нельзя думать об отдельных людях, о жертвах. Мы должны победить любой ценой. Понимаешь? Город будет наш, за чем бы дело ни стало. Последний бой!.. А рабочие-железнодорожники, тем временем, помогут нам выгружать оружие, хоть для этого нам вполне хватило бы и собственных сил. Но это имеет особое значение, как проявление солидарности. С десяти часов вечера можно уже начинать наступление: ведь дальше выгрузка может продолжаться под защитой наших вооруженных отрядов. Видишь, я хочу быть уверенным, что войска не смогут сорвать выгрузки. Это все стратегия. А вот тебе тактика и политическая сторона дела. Сейчас надо отправить в типографию текст очередной прокламации к солдатам, чтобы ее к вечеру напечатали, и чтобы мы успели передать нужное количество туда, на вокзал. Надо, чтобы в каждом

доме была эта прокламация. Вот прочитай, я тут пробовал сочинить ее.

— И когда же ты все успеваешь делать? — удивился Тим. — Я думал, что вступление войск - для тебя новость.

— Не так. Такого быть не должно. Понимаешь, только ребенок не стал бы заранее готовиться, когда дело идет о таких серьезных вещах. А впрочем, читай.

Тим взял листок бумаги и прочитал:

— *«Товарищи солдаты! Против кого вы идете? Кого будете расстреливать? На что ведут вас ваши офицеры? Против ваших братьев-рабочих, которые виноваты лишь в том, что требуют от капиталистов всего лишь человеческих условий жизни. Вместо ответа на такие справедливые требования, капиталисты поставили к станкам железных чудовищ — роботов. Страдая от нищеты и голода, рабочий класс не прекращает забастовку, борясь против полиции. Капиталисты, видя непреклонность рабочих, присылают в город вас, надеясь, что вы силой оружия задушите революционное движение. Сделаете ли вы такое? Или вы поднимете ружья против своих братьев?»*

— Да, да, — подтверждал Боб, внимательно слушая.

— *«Вспомните, — читал Тим дальше, — что всего год назад вы были такими же рабочими. Вернувшись домой, вы вновь оденете рабочую одежду, чтобы пойти на работу. Но увидите ли вы тогда вновь ваших родителей и братьев? Но ответит ли вам мать, заливаясь слезами: «Его убили солдаты!»? Товарищи, мы призываем вас: одумайтесь! Поверните ваши ружья против тех, кто толкает вас расстреливать своих братьев.*

Присоединяйтесь к нам, помогайте нам сбросить власть капитала и создать нашу, пролетарскую власть!»

— Ну как? Не надо переделывать? — спросил Боб. — Ты ведь специалист этого дела, тебе это лучше знать.

— Нет, хорошо написано. Коротко и выразительно. Сейчас же пошлю в типографию. Как будут злостовывать офицеры, увидев такое... Чему ты улыбаешься, Боб?

Действительно, Боб Лесли улыбался. Он слушал Тима, стуча пальцем по столу, и, казалось, ждал, пока Тим закончит свою фразу.

— И чего ты?

— Вот смотрю я на тебя, Тим, и думаю. Как может быть человек развитым, умным, и одновременно не понимать простейших дел практической политики?

— Это ты в мою сторону?

— Да, я намекаю на тебя, если это можно считать за намек. Неужели ты, мой мальчик, думал, что мы, ожидая наступления войск, так вот будем сидеть и надеяться лишь на случайное воздействие какой-то листовки? Мы что, очень наивные?

— Но ты мне раньше ничего об этом не говорил, — немного обиделся Тим.

— Не говорил, потому что и без этого у тебя было достаточно хлопот. Но, разве ты и сам не понимаешь, что работа среди солдат — неотъемлемая часть всей нашей политической работы? Однако, вот, кажется, сюда идет Дик Ольс. Прислушайся к нашей с ним беседе — она тебе объяснит кое-что.

В комнату вошел высокий, темноволосый мужчина в военной одежде. На петлицах его формы были значки одного из полков, которые стояли лагерем недалеко

от Нью-Гарриса. Мужчина протянул руку сначала Бобу, потом Тиму:

— Здравствуйте, товарищи! Все сделал! Поговорил со своими, все увидел, собрал материалы. Боб, если хочешь что-то сказать, то поторопись, мне некогда. И без того я со вчерашнего вечера в отпуске.

Боб Лесли иронически посмотрел на него и подмигнул:

— Говоришь, как настоящий солдат. Кто же это тебе отпуск дал? Не командование ли?

— Конечно, командование. Только не военное, а революционное, товарищ председатель стачкома. Между прочим, Боб, не кажется ли тебе, что ты должен уже сменить вывеску?

— То есть?

— Какой же из тебя теперь председатель забастовочного комитета? Ты теперь должен называться председателем революционного, стачечного комитета.

Боб Лесли махнул рукой:

— Дело не в названии, успеем еще все сделать. А ты и в самом деле, Дик, стал безупречным солдатом.

— И знаешь, Боб, к кому пристанешь — сам таким станешь. Я за эти две недели уже так привык к солдатской одежде, что даже и не замечаю её.

— Вижу, вижу. Неплохого солдата мы придумали! Ну, расскажи вкратце, о чем там говорят в войсках?

— Все в порядке, Боб. То время, которое правительство потеряло, раздумывая, вводить или не вводить войска, очень нам пригодилось. Работу развернули. Завербовал восемнадцать руководителей — хорошие ребята, еще до мобилизации были членами коммунистической партии. Они стоят каждый во главе своей десятки. Итак, мы имеем влияние на каждую роту каждого полка.

— Но не везде, кажется, твое воздействие достигает цели. Ты понимаешь, о чем я говорю...

— Конечно! Конечно, несколько рот в седьмом полку не пустят к себе моих ребят, да и я сам не направлю их туда. Потому что там собрались сливки фашизма, тот полк укомплектован почти исключительно из бывших полицейских, молодых служащих и буржуазных сынков. Но — мы хорошо помним об этом. Еще не успеет подойти войско к городу, как мы кончим и думать про тот полк.

Дик Ольс сделал широкий угрожающий взмах рукой, словно стирал ей кого-то.

— Как именно?

— Он хорошо вооружен, этот полк, — но хорошо вооружены и мы. Когда врага нельзя убедить словами, — мы убедим врага оружием. Будь уверен, Боб. Мы начеку, и сломаем сопротивление и офицеров, и фашистских рот.

Боб положил руку на плечо Дика:

— Да я хорошо знаю и тебя, и твоих ребят. Но не замечает ли командование вашей работы?

— Думаю, что подозревает. Но мы очень хорошо законспирировались. Нас голыми руками не возьмешь. А это что? — спросил Дик, беря листок бумаги, который передал ему Боб.

— Это мы решили еще немного помочь тебе. Будет листовка такая. Сегодня ночью доставим на ту сторону, разбросаем, расклеим. Хорошо?

Дик Ольс просмотрел написанное и ответил, возвращая листок обратно:

— Очень хорошо. Только смотрите, чтобы не опоздали. Ну, товарищи, я пошел. Бывайте!

И он исчез за дверью. Боб Лесли вновь обратился к Тиму:

— Слышал? Дик Ольс, наш организатор, уже две недели находится среди солдат. Он связан с их коммунистической организацией. Он успел многое сделать. Ты же слышал, что он рассказывал? Войско на три четверти наше, Тим!

Тим подскочил со стула и схватил руку Боба:

— Молодец, Боб! Я... я очень уважаю тебя, Боб. Ты настоящий вождь. Ты все знаешь, все помнишь.

Боб несколько неловко усмехнулся:

— Да глупости ты говоришь. Разве это все я сам мог бы придумать? Я же получаю конкретные указания от комитета партии, из центра. Вот там, братец, действительно, головы. А мое дело — разработать и осуществить практически планы, которые я получаю от партии. Вот что... погоди, что там делается? Как будто кто-то кричит?

Они прислушались: действительно, кто-то громко рассказывал что-то за дверью комнаты, пересыпая свой рассказ ругательствами. Боб распахнул дверь:

— Что такое?

Рабочие, которые были в соседней комнате, обернулись. Один из них угрюмо ответил:

— Вот товарищ Лаун пришел из города. Майк Тизман умер.

Тим вздрогнул:

— Неужели?..

— Да, умер. Его привезли в больницу, раненого. В полицейской больнице. А там еще пытались допрашивать. И вот... Вчера вечером его тело перевезли в морг. Мы узнали от сторожей. Умер дедушка!..

— Первая жертва нашего дела... — горько произнес Боб Лесли. И сразу же решительно заговорил: — Но нет! Мы не будем впадать в уныние. Когда умирает

один, на его место приходят десятки других. Теперь нам незачем прятаться. Товарищи, в путь!

В комитет заходили взволнованные рабочие. Они хотели узнать: правда ли, что Тизман умер? Есть ли у комитета какие-то еще сведения о смерти старого товарища, о его последних минутах?..

На улице рабочие собирались перед домом и горячо выражали свой гнев. Когда Боб Лесли, Тим и те, кто были с ними, вышли на улицу, их встретили возгласами:

— Пойдем в город! Устроим демонстрацию!

— Да, устроим демонстрацию, — отозвался Боб. —

Организованно, товарищи.

Через десять минут по улице уже шла толпа, которая все увеличивалась. К демонстрации присоединялись встречные рабочие, женщины выходили из домов и тоже шли вместе с демонстрантами. В воздухе раздавались возгласы:

— Отомстим за Майка!

— Долой полицию, которая убивает наших товарищей!

— Долой фашистов!

— Вон роботов!

— Да здравствует революция!

— Да здравствует власть рабочих!

Никогда еще улицы Нью-Гарриса не видели, не слышали таких открытых революционных выступлений. Демонстрация притягивала к себе всех. С грозным рокотом двигалась вдоль улицы огромная рабочая колонна, над которой уже развевались несколько красных знамен и лозунгов. Полисмены, стоявшие на своих постах, заранее прятались, чтобы толпа не увидела их. И действительно, можно было опасаться, что

теперь уже полисмену не поможет даже заряженный револьвер.

Приближаясь к заводу, демонстрация представляла собой огромную силу: по улице шло не менее нескольких тысяч человек. И вдруг, передние ряды остановились.

Раздались крики более удивленных, чем напуганных людей.

Навстречу демонстрации из-за поворота, который вел к при заводской площади, тяжело громяхая, выехал броневик. Его пулеметы смотрели своими холодными глазками прямо на рабочих. Из-за брони выглядывали дула винтовок. На башне реял флаг с черной рогатой свастикой. Это был броневик штурмовиков-фашистов из «Боевых крестов».

Наступила напряженная тишина. Только сзади доносились крики рабочих, которые не видели еще броневика, и не понимали причины остановки. Но вот, в напряженной тишине, раздался отрывистый приказ с башни броневика:

— Назад! Кто приблизится к площади — будет расстрелян!

Броневик тяжело повернулся и исчез за углом. Толпа загудела:

— К бою! Достаточно угроз!

— Отомстим за Майка!

— Долой фашистов!

— Уничтожим их!

За несколько минут вооруженные рабочие рассыпались поперек улицы, начали перебегать под защитой домов вперед, до угла. Сзади выкатили пулеметы. Командиры отрядов дали приказ — и рабочие, не имевшие оружия, вместе с женщинами отступили назад.

Пролунав оглушливий вибух, щось тяжко вдарилося об брук, —
і фашистські кулемети змовкли

Передние шеренги рабочих уже завернули за угол. Перед ними открылась широкая при заводская площадь. Бронированный автомобиль стоял неподалеку, словно чего-то ожидая. Послышался треск: это рабочие свалили трамвайный вагон и положили его поперек улицы. В эту минуту броневик подал сигнал и двинулся на рабочих.

— Спокойнее, товарищи! — командовал Боб Лесли за трамвайным вагоном. — Подождем, пока броневик подъедет поближе. Еще минутку... Еще... Огонь!

Шквал пуль обрушился на броневик. Он притормозил, стал боком к баррикаде и ответил встречным огнем из своих пулеметов. За трамвайным вагоном кто-то вскрикнул; упало двое рабочих. Первые красные пятна крови окрасили асфальт улицы.

— Товарищи, к бою! — раздался голос Боба Лесли, — наступаем, товарищи! Победа за нами! Вперед!

Под свист пуль с броневика, рабочие бросились вперед. Броневик вновь повернулся, чтобы быть наготове подъехать ближе к заводу, к его воротам. Но рабочие были уже около него.

Пулеметы броневика плевались оловянными пчелами, упало еще несколько рабочих. Однако, вот один из них ловко бросил под броневик ручную гранату. Раздался оглушительный взрыв, что-то тяжело ударилось о мостовую, — и фашистские пулеметы смолкли. Броневик лежал на боку, опрокинутый гранатой.

— Победа! Вперед!

В броневике раскрылся люк возле башни. Кто-то замахал оттуда белым платком. Рабочие, что наставили уже в люк свои винтовки, остановились:

— Сдаются?..

— Ну-ка, вылезай оттуда!

— И побыстрее!

Рабочие, увлеченные радостью первой победы, готовы были помиловать первых пленных. Но из люка никто не выходил:

— Вылезай!

— Долго ждать?

И вдруг, вместо ответа, из-за приоткрытой крышки люка кто-то выбросил две гранаты. Они пролетели в воздухе над головами рабочих и упали около баррикады. Почти одновременно прогремели взрывы: гранаты, разорвавшись, взорвали полвагона и убили рабочих, тех, кто в это время находился поблизости.

— Мерзавцы! Так вот что означает ваш белый платок?..

Тот самый рабочий, который в свое время бросил гранату под броневику, размахнулся и швырнул новую гранату прямо в его люк. Желтый дым взрыва закрыл автомобиль. И когда он разошелся — изнутри броневику был слышен только чей-то стон.

Флаг с черной свастикой, разорванный и грязный, лежал на мостовой...

— Вперед, товарищи, к бою с фашистами! Они показали вам свое истинное лицо! — закричал Боб Лесли.

Сплошной лавой двинулись рабочие вперед. Но за время боя с броневику штурмовики успели наспех сделать баррикады и себе. Первый штурмовой отряд «Боевых крестов» лежал за этой баррикадой, собранной из ящиков и двух полицейских будок. Ливень пуль встретил рабочих.

Но это был уже не броненосец, защищенный железом. Рабочие ответили встречным огнем. А еще через минуту фашисты не выдержали бурного наступления: их выстрелы поредели, они начали отступать к заводским воротам.

— Наступаем! Разобьем их вдребезги!

Стреляя на ходу, рабочие бросились в наступление.
— Перерезайте им отступление! К воротам!

Штурмовики засуетились. Они не ожидали такого упорства. Рабочие перерезали им путь к заводским воротам, заходили в тыл. Но в эту минуту Тим заметил, как выше на стене появились пулеметные дула, направленные прямо на рабочих.

— Пулеметы на стенах! — закричал он.

И одновременно пулеметы открыли огонь. Штурмовики фашистской боевой организации хорошо научились стрелять.

Пулеметы косили рабочих, давая возможность отступить фашистам, которые еще оставались на площади.

— Пулеметы вперед! — приказал бледный Боб Лесли.

Но пулеметчики сделали это еще раньше. Когда прозвучал приказ, они уже тащили вперед пулеметы, чтобы взять под обстрел линию ворот. За несколько секунд пулеметы были установлены, и свинцовый дождь начал поливать подступы к воротам.

Тем временем, еще несколько пулеметов рабочих ударили по штурмовикам, которые стреляли с заводских стен. Так началась вторая часть наступления рабочих.

Тим не запомнил ничего, он бежал вместе со всеми, что-то кричал, стрелял из ружья, которое неизвестно откуда оказалась у него в руках. Кто-то падал рядом, кто-то стонал, — но это не останавливало Тима, который мчался вперед вместе со всеми. Два или три раза он спотыкался о чьи-то тела, что лежали на асфальте; но это он осознал лишь позже, вспоминая. В то время он не понимал, были ли это тела, или какие-то вещи.

Наконец, он увидел перед собой несколько людей в форме, которые дрожащими руками выбрасывали вверх белый платок. Тим остановился: значит, они сдаются?.. Но в тот же миг услышал возле себя:

— Сволочи! Тоже поднимаете белый платок, как и те, что были в броневике? А потом гранату швырнете?

Кто-то размахнулся — и людей с трясущимися руками и белым платком покрыл густой дым взрыва.

Вдруг стрельба стихла. Тим оглянулся вокруг себя. Он увидел на асфальте человеческие тела, разбросанные винтовки, услышал чей-то стон. А около ворот Боб Лесли распорядился, поддерживая правую руку, с которой тяжелыми каплями стекала на землю кровь.

— Быстрее собирайтесь! Раненых подберут женщины. Забирайте у убитых все оружие, берите его и от раненых, им оно теперь не нужно. Нам еще предстоит много дел. Оставьте отряд у ворот. Никого не впускать и не выпускать без разрешения революционного комитета. Все силы теперь на осаду полиции и банка, где засели полицейские и остальные фашисты. Скорее, товарищи, нам надо управиться до ночи, потому что ночью могут войти правительственные войска!

Без суеты, организованно и быстро командиры отрядов выполняли распоряжения Боба Лесли. Вот он увидел Тима, позвал его к себе:

— Тим, иди сюда, ты мне нужен. Подожди немного... Товарищи, весь второй отряд должен немедленно отправляться к центральной станции управления роботами. Ее надо оцепить, и так же не впускать и не выпускать оттуда никого. Пойдем, Тим, пойдем!

Тим шел рядом с Бобом и слушал его, — как вдруг, из-за угла улицы, навстречу им выехал большой дорогой автомобиль. Он направился было к при заводской площади, но, увидев вооруженных людей, шофер за-

тормозил и попытался быстро повернуть машину назад.

Было уже поздно. Несколько рабочих бросились к автомобилю и, угрожая оружием, заставили шофера остановиться. Автомобиль стоял неподвижно, когда к нему успели подойти Боб Лесли и Тим Кроунти.

— Кто едет? — спросил один из рабочих.

Вместо ответа изнутри автомобиля раздался сухой выстрел. Рабочий отшатнулся, и пуля не задела его.

— Эй, бросьте шутить, — воскликнул он, — ибо иначе от вас, сударь, живого места не останется! Руки вверх!

Мужчина в автомобиле увидел, что спорить было бесполезно, потому что прямо в его лицо теперь уже смотрело несколько винтовок. Он отшвырнул от себя револьвер и молча поднял руки.

— Кто такой?

Мужчина молчал. Его бледное лицо с серыми, словно стальными глазами, было бело как мел. Но он упорно не отвечал. Тим через плечо Боба заглянул в автомобиль — и не поверил своим глазам: это был Джонатан Говерс, всесильный, неприступный, некоронованный король собственной персоной!

— Боб, это Говерс, — тихо сказал Тим.

— Не может быть!

— Да, уверяю тебя.

Боб резким движением остановил рабочих, которые хотели вытащить мужчину со стальными глазами из автомобиля:

— Стойте! Пусть едет! Нам не до него! Тим, поезжай с ним до завода. Не давай никому останавливать автомобиль. Поставь его там, прямо напротив ворот. Пусть полисмены помогут этому мужчине, откроют ему ворота и примут, как следует. Слышишь?

Тим смотрел на Боба: не сошел ли он с ума? Выпускать из рук Говерса? Но Боб не дал времени ничего сказать:

— Ты слышал? — строго спросил он, — Значит, поезжай. Если не доставишь его целым на завод и не передашь полисменам, — будешь отвечать головой.

Тим не мог спорить. Он стал на подножку и, держа револьвер наготове, поехал к заводу, ругая Боба и вместе с ним все на свете. Он, Тим Кроунти, вынужден исполнять обязанности охранника Говерса?..

Все в мире пошло вверх тормашками.

Но приказ надо было выполнять. Боб что-то велел сделать, — не надо спорить. Тим уже привыкал к настоящей революционной дисциплине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГОВЕРС ОПРЕДЕЛЯЕТ ПОЛОЖЕНИЕ

Томас Бирз почти обезумел. Он никого и ничего не слушал, отказывался даже от разговоров с блюстителями и помощниками, что приходили ему докладывать о роботах, о том, что они снова ровно в двенадцать часов подняли вверх левые руки, словно нарочно, обращая на себя внимание. Зря! Томас Бирз отвечал:

— Ерунда! Пусть поднимают одну руку, пусть поднимают обе, даже пусть поднимают ноги. Дело теперь не в них. Ну их к черту!

Помощники выходили от него в недоумении. Но и они тревожно прислушивались к выстрелам и выкрикам с площади, доносившимся, словно шум грозного приboя. Что-то будет!

Бирзу сообщили по телефону из полиции, что дело очень ухудшилось. Рабочие откуда-то достали оружие. Они отбили у штурмовиков броневик, который должен был их задержать перед заводской площадью. Разбили отряд организации «Боевых крестов», — и теперь двигаются к зданию тайной полиции и банку. Гордон Блэк призывал держаться, потому что завод осадили революционеры (он впервые употребил это слово!), и только войска могут спасти положение:

— Войска должны войти ночью. Надо продержаться до этого времени, потому что революционеры, фактически, захватили весь город. Мы сидим, как будто в ловушке. Я не уверен, что они не взорвут дом полиции.

Держитесь, мистер Бирз, вам это сделать легче, потому что вы сидите за прочными заводскими стенами.

Дважды уже Томас Бирз пожалел, что в его распоряжении не было самолета. Изобретатель роботов всегда был человеком, который привык трезво относиться к вещам. Он хорошо понимал, что именно теперь он, как никогда, рискует собственной головой. А, между тем, он привык считать, что можно потерять все, кроме головы, потому что ее обратно не вернешь. Но — как можно было выбраться отсюда, из этого треклятого завода, где он сидел, действительно, как в ловушке?

Понятно, почему Томас Бирз не хотел и думать о роботах. Наконец, он ясно понял, что его дело проиграно, что ему не остается ничего другого, как бежать.

Еще раз он вспомнил нехорошим словом Говерса, который оставался в полной безопасности в столице. А он, Томас Бирз, вынужден ждать здесь прихода войска, если его не убьют до этого.

Зазвонил телефон. Бирз неохотно взял трубку.

— Слушаю.

— Мистер Бирз, — услышал он голос Мадлены, — я хотела бы поговорить с вами, если у вас есть время.

— Прошу. Рад слушать вас.

— Нет. По телефону я не буду говорить, я хочу прийти к вам.

— Опять-таки прошу. Сейчас я отдам распоряжение. — Он нажал кнопку звонка.

Вошел секретарь.

— Пройдите к мисс Стрэнд, и проведите ее сюда, — приказал Бирз.

Мадлена ждала. Комната ее не была заперта, но выйти она не могла, потому что в дверях стояла гигантская фигура робота, которая заслоняла собой проход. Это нервировало и раздражало Мадлену с того са-

мого времени, как Бирз привез ее сюда. Незыблемая фигура словно сторожила каждое ее движение.

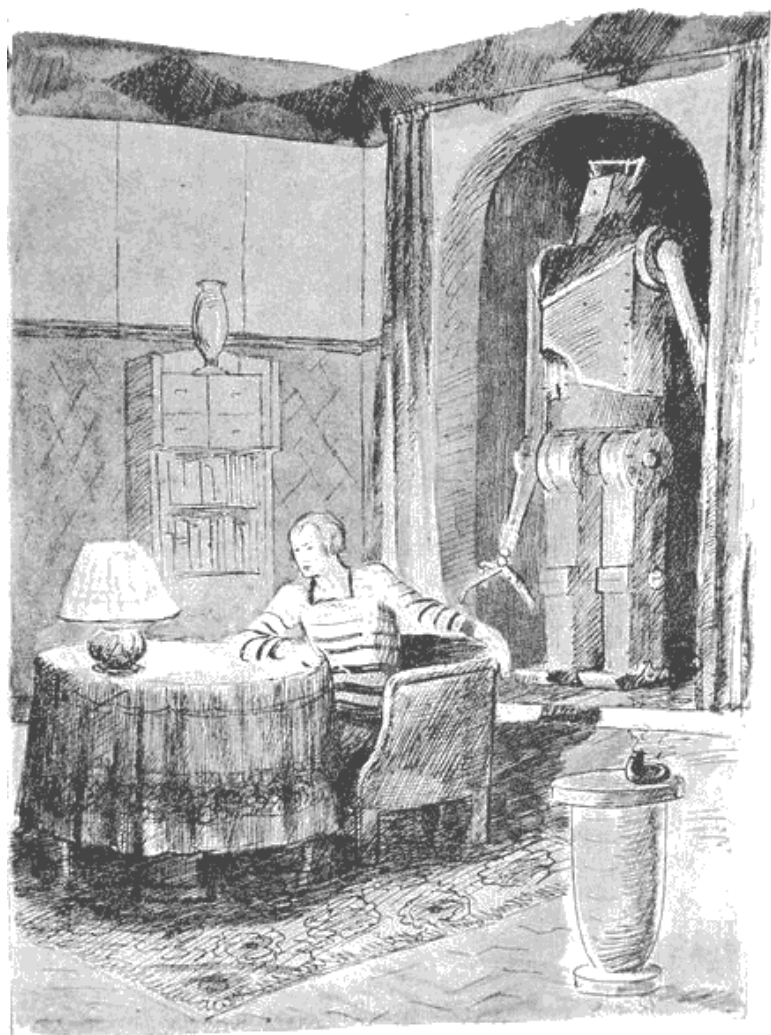
Но Бирз сказал:

— Приставить к вам охранника я не имею возможности, ибо мне и без того не хватает людей. А оставить вас на свободе я тоже не могу, ибо вы уже доказали ваши враждебные намерения. Следовательно, придется поставить возле ваших дверей робота. Кстати, вы все время желали как можно лучше познакомиться с ним... даже без моего разрешения приходили на завод под видом уборщицы. Думаю, что делаю приятное для вас, оставляя наедине с роботом. Пожалуйста, осматривайте его, сколько хотите. Только не советую прикасаться к нему, потому что роботы, которые стоят у меня на страже, всегда заряжены током высокого напряжения. Как вам известно, такой ток убивает человека на месте.

Мадлена ни слова не ответила на эту насмешливую речь.

Робот неподвижно стоял в дверях всю ночь, утро и день. Мадлена не могла долго уснуть, измученная допросом «третьей степени». У нее болели обожженные электрическим проводом руки, а тут еще нервировал робот. Ей казалось, что он каждую минуту может так же молча подойти и задушить ее.

Несколько часов назад она, доведенная до отчаяния присутствием этого неподвижного чудовища, хотела пробежать мимо него в коридор. Ведь робот стоял хоть и неподвижно, но все время словно следил за Мадленой своим единственным глазом -стеклянным окошком в голове, за которым плескался огонь. Казалось, он о чем-то напряженно думает и следит за каждым шагом, нет, за каждой мыслью Мадлены.

Роботар нерухомо стояв у дверях усю ніч, ранок і день

Она подошла к роботу, чтобы лучше изловчиться и проскочить между ним и стеной, не зацепившись за железный бок чудовища: ведь это прикосновение грозило смертью, как предупреждал ее Бирз.

Но, как только она оказалась на расстоянии метра от неподвижного до того чудовища, как робот, как будто только и ожидая этого, вдруг поднял свои длинные сухие руки и замахал ими в воздухе. Затем, не оставиваясь ни на мгновение, он начал так быстро крутить ими, как если бы ужасный испорченный семафор крутил своими длинными рычагами. Нельзя было и думать проскочить в коридор, не попав под удар этих рук, которые мелькали в воздухе, как цепи на молотбе. Мадлена бессильно вздохнула и отошла назад.

И почти сразу же робот остановил махание руками. Он вновь стоял совершенно неподвижно, его руки висели вдоль туловища до колен, его огненное око хитро смотрело вглубь комнаты на Мадлену, словно подмигивая ей с победным видом.

Мадлена не выдержала. Она вызвала звонком человека, смотрителя, чтобы через него попросить Бирза поговорить с ней. Вместо ответа, смотритель открыл в стене маленький шкафчик: там стоял телефонный аппарат, по которому Мадлена могла вызвать Бирза.

Теперь, после разговора с Бирзом, она напряженно ждала. С радостью она услышала настоящие человеческие шаги. Словно тоже услыша их, робот тяжело повернулся и отступил в сторону. В комнату вошел секретарь Бирза.

— Мистер Томас Бирз просит вас пройти в его кабинет, — вежливо поклонившись, сказал он.

Мадлена молча пошла за ним. Они шли вдоль коридора — и повсюду у дверей комнат стояли железные фигуры роботов, и заслоняли собой двери. И в тех две-

рях, которые приходилось проходить Мадлене с ее спутником, тоже стояли роботы, и спокойно смотрели навстречу им своими одинокими огненными глазами.

Но так же, как и тот, что стоял в Мадлениной комнате, они, словно чувствуя приближение секретаря Бирза, безропотно отступали в сторону, освобождая дорогу.

— Осторожно, мисс! Не прикаснитесь к роботу, — предупредил её секретарь, — потому что это опасно для жизни.

— Я знаю, — тихо ответила Мадлена, подумав про себя: какое проклятое место!

Томас Бирз ждал ее, расхаживая по комнате. Он остановился, взмахом руки отправил к себе секретаря и, когда тот вышел, обратился к Мадлене, приглашая ее сесть:

— Чем могу пригодиться, мисс Стрэнд?

Мадлена не выдержала этой насмешливой вежливости. Вся ее напряженная нервозность вылилась в крик:

— Достаточно! Я не могу больше! Отпустите меня. Это хуже полицейского допроса...

Бирз яростно взглянул на нее:

— Отпустить? Чтобы вы и дальше становились мне на пути? Я не ребенок и не совсем дурак, чтобы такое сделать.

— Чего вы хотите от меня? — бессильно спросила Мадлена.

— Чтобы вы рассказали мне откровенно обо всем, — безжалостно проговорил Бирз. — Чтобы я знал, наконец, с какой стороны меня ждет опасность. Ведь вы, безусловно, знаете это.

Мадлена опустила голову: она боролась сама с собой. Напряженные нервы, общая усталость и жгучая

боль в голове после бессонных ночей, — будто склоняли ее сделать то, о чем говорил Бирз. Но сразу же она почувствовала, что дело идет об измене.

Если она расскажет Бирзу о планах Галерана, о ее радиопереговорах, о работе Боба Лесли и Тима Кроунти — она сорвет выступление рабочих, она поможет Бирзу задушить забастовщиков. Нет, такого она не сделает! Не для того она молчала даже на допросе у Гордона Блэка, чтобы рассказать все Бирзу!

Мадлена подняла голову и решительно сказала:

— Этого вы не дождетесь! Можете думать, что я ничего не знаю. Во всяком случае, от меня вы ничего не услышите.

После короткой напряженной паузы голос Томаса Бирза прозвучал в комнате, как хрипкое рычание:

— Это и все, для чего вы вызывали меня по телефону? Все, из-за чего побеспокоили меня?

Куда делся мягкий уверенный голос влюбленного Бирза, который когда-то разговаривал с Мадленой, ухаживая за ней, предлагая ей все, что имел инженер — и себя самого вместе?.. Теперь это был голос лютого врага, всегда готового воспользоваться каждой ошибкой противника, чтобы разбить его. Он остервенело присматривался к бледному измученному лицу, словно ища в нем слабое место. И видя, что Мадлена немножко пошатнулась, словно потеряв равновесие, он, не меняя грозного тона, спросил:

— Может, вам здесь не нравится? Может, вы не удовлетворены комнатой или обстоятельствами, в которых мне приходится держать вас? И я должен вам сказать, что больше у меня нет ничего подходящего для такой почетной гостьи, как вы. Могу только по вашему желанию вернуть вас обратно в тайную полицию. Пол-

ковник Гордон Блэк, безусловно, будет очень рад получить возможность снова приятно поговорить с вами!

Мадлена вздрогнула. Бессердечный человек! Он пытается повлиять на нее напоминанием о том, что освободил ее из рук фашистов. Но — разве помогло это ей? Правда, ей не прижигают здесь тела электрическими проводами, но ей мучают здесь душу. Что хуже, что больнее — об этом можно было спорить.

И вдруг она поняла, что дальше говорить бессмысленно.

Томас Бирз, разъяренный хозяин роботов, который все более терял свою власть и мощь, — очень мало чем отличался от одержимого фашиста, полковника Гордона Блэка, от каждого заклятого врага, от первого попавшегося штурмовика с тупым лицом двуногого животного...

Не отвечая больше ни слова, она молча повернулась и направилась вон из кабинета. Но дверь навстречу ей широко распахнулась, и в кабинет вбежал оторопевший секретарь. Он громко закричал:

— Мистер Бирз, приехал сам мистер Говерс! Он идет сюда!

Бирз посмотрел на него, как на сумасшедшего. Говерс здесь? Как он мог проехать? Ведь завод осажден!.. Однако, он не успел произнести ни слова: отталкивая секретаря и Мадлену, что стояла у дверей, в кабинет вбежал Джонатан Говерс.

Его шляпа был сдвинута назад, его коренастая фигура дрожала, он хватался руками за стол, за стулья, нервно переставляя их с места на место; он вытирал платком лоб и тяжело дышал. Его глаза впились в Бирза. Напряженная тишина царила в кабинете. Наконец, всевластный Говерс заговорил. Нет, не заговорил.

— Де військо, я вас питаю, де військо?

Он закричал, он забормотал, путая слова, перебивая сам себя:

— Что творится здесь? Почему вы не предупредили меня, что здесь настоящее восстание? Революция! Завод осажден. По улицам движутся вооруженные революционеры... С винтовками... с пулеметами... Красные флаги... Где войска, я вас спрашиваю, где войска? Где штурмовые отряды? Где этот Гордон Блэк, наконец? И «Боевые кресты», — разве мало они стоили мне, эти отряды? Или они способны только требовать деньги, а когда надо что-то сделать, то их нет?..

Он кричал, он не давал никому ответить, он бегал по комнате:

— Гибнет все! Я не смогу отсюда выбраться... Я не знаю, как повезло мне добраться до завода. Меня же остановили те мятежники... Чуть не растерзали. У них какой-то сумасшедший начальник с окровавленной рукой. Он узнал меня... Нет, не он, а тот рыжий репортер из бешеной коммунистической газеты. И они пропустили меня. Ничего не понимаю. Рыжий репортер ехал со мной. Он охранял меня от нападения, пока не передал полисменам... Что делается?..

Наконец, он бессильно упал на диван и начал обтирать платком вспотевшее лицо и голый череп.

— Они вас отпустили? — удивленно переспросил Бирз. — Поймали... И отпустили?..

— Да, я же сказал вам! Какого черта переспрашиваете? — закричал раздраженно Говерс.

Секретарь осторожно вышел из комнаты, услышав, как свирепствует всемогущий Джонатан Говерс и ругает того самого Томаса Бирза, который еще несколько минут назад был здесь полновластным хозяином.

Только теперь Говерс заметил Мадлену.

— А это еще кто? — обратился он к Бирзу.

Тот взглянул на Мадлену. Глаза ее сияли, она радостно смеялась, забыв про все свои страдания. Победа! Рабочие атакуют, они наступают!

— Чему она улыбается? — в сердцах воскликнул Говерс.

— Видите ли, это длинная история, — подыскивая слова, медленно ответил Бирз. — Если позволите, я вам расскажу чуть позже. Мисс Стрэнд, я не задерживаю вас. Кажется, наша беседа закончилась?

Мадлена, не отвечая, повернулась и вышла из кабинета. Ее ждал секретарь Бирза, который должен был провести ее в свою комнату мимо железных чудовищ.

Говерс прилег на диван, все еще обтираясь платком. Бирз подошел к нему, заложив руки в карманы:

— Но, мистер Говерс, я все же не понимаю, как это вы оказались здесь? Разве вы не знали о нашем положении? Только вчера я докладывал вам телеграфом об опасности...

— Что там вы мне докладывали? Я и сам хорошо знаю, что здесь опасно. Но откуда мне было знать, что здесь уже настоящее восстание, хотя... — он перевел дух. — Хотя и в центре не лучше.

Удивленный Бирз переспросил:

— Как, не лучше?

— Так. В столице начинается такая же самая каша. Началось с коммунистических демонстраций. Потом несколько стычек с полицией... Баррикады... В город вошли войска... Начинается гражданская война!

Он замолчал. Но, сразу после этого, словно что-то вспомнив, он спросил Бирза:

— Где же ваши войска? Их еще нет, по моим сведениям, в городе. Где штурмовые отряды?

Бирз пожал плечами:

— Черт их знает!..

Телефонный звонок перебил его: это был прямой телефон для связи с тайной полицией, с Гордоном Блэком, который был установлен лишь сегодня утром.

Бирз сначала внимательно слушал, потом воскликнул:

— Алло! Я слушаю! Почему вы замолчали? Алло!..

Ответа не было. Бирз швырнул трубку на аппарат и повернулся к Говерсу:

— Гордон Блэк начал говорить о войсках, о своем положении. Ведь полицию, как и завод, посадили вооруженные повстанцы. И сразу же связь прервалась, словно кто-то разъединил нас.

— А может, разъединила станция? — спросил Говерс.

— Какая там станция, — отмахнулся Бирз. — Ведь это прямой провод с полицией.

Электрическая лампа на столе мелькнула раз, потом второй. Бирз выругался:

— Это что за шутки?

Лампа сверкнула еще раз и погасла.

— Нет электричества... — раздраженно констатировал Говерс.

И вновь зазвонил телефон. Это был второй аппарат. Он звонил настойчиво, он звонил в темноте, словно издеваясь над людьми, которые всего лишь несколько дней назад диктовали свою волю всем, кто был вокруг.

— Я слушаю, — сказал Бирз, взяв трубку.

— Если не ошибаюсь, вы Томас Бирз? — ответил голос в трубке. — Да! Джонатан Говерс с вами?

— Кто говорит? — отчаянно крикнул Бирз.

— Неужели не узнаете? Человек, с которым вы уже разговаривали по телефону однажды. Помните, когда ваши роботы пришли к забастовочному комитету демонстрировать свою мощь? А? Я Боб Лесли.

— Чего вы хотите?

— Вот так и я когда-то спрашивал вас, — весело проговорил Боб Лесли. — Прежде всего, я хочу узнать, как чувствует себя мистер Говерс после встречи с нашим отрядом... Но хватит шутить! Позвольте проинформировать вас, что город — в наших руках. Полицию обезоружили. Штурмовиков-фашистов разбили вдребезги. Мы ждем прибытия войск, чтобы общими с ним силами заставить вас сдаться. Конечно, это будет тогда, когда мы не дождемся, если не захотите уступить.

— Нет, не захочу. Увидим еще, как вы заставите меня «совместными с войсками силами», — иронично ответил Бирз.

— Ладно! Будет хуже. Но вы сами того пожелали.

— Имейте в виду, что под моим руководством есть еще роботы, — заметил Бирз.

Голос в трубке засмеялся.

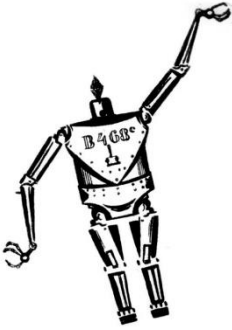
— Увидим! Под вашим руководством, говорите? Хорошо, увидим. Бывайте. Поздравления уважаемому мистеру Говерсу!

Трубка выпала из руки Бирза. Он задумался. Что хотел сказать Лесли, выражая какое-то недоверие к словам его, Бирза, о роботах?..

Джонатан Говерс вздохнул. В неясном полумраке было видно, как его тучное тело бессильно лежало на диване. Он вздохнул еще раз и сказал:

— Получается, мы сидим здесь, как мыши в ловушке...

Бирз молчал. На этот раз Джонатан Говерс очень верно определил положение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЧЕГО НЕ ПРЕДПОЛАГАЛО КОМАНДОВАНИЕ

Вечер. Тишина. Напуганные грозными событиями фермеры осторожно прячутся по своим фермам. Красный Нью-Гаррис за каких-то десять километров от них, и это расстояние военное командование объявило карантинной зоной. Все пути перекрыты вооруженными патрулями, у которых имеется строгий приказ задерживать всех, кто пытается войти в Нью-Гаррис, или выйти из него.

Тишина, тревожная тишина! Только иногда слышен лязг оружия. Это идет смена патрулям. Еще вечером солдаты получили приказ быть готовыми к выступлению. Стражи проходят линиями белых палаток и прислушиваются: не слышны ли где разговоры? Ведь они должны немедленно оповещать командиров о всяких подозрительных разговорах.

Нет, все спокойно. Солдаты спят, всюду тихо, — и патрульные спокойно проходят мимо палаток. Но интересно, почему это, увидев еще издали, возле караульной будки, высокую фигуру офицера, — патрульный сразу изменил походку?.. Он идет навстречу офицеру, четко отбивая шаги. И они, эти шаги, звучат так, что их слышно в каждой палатке, мимо которых проходит часовой.

Патрульный встретился с офицером. Он прикладывает руку к своему стальному шлему и докладывает:

— На линии все спокойно!

Офицер небрежно трогает и себя за шлем: ладно! Идет дальше. Страж доходит до конца линии и возвращается. Но его шаги вновь медленные и тихие. Часовой видит, как из палатки высовывается чья-то голова. Солдат без шлема присматривается, словно хочет что-то спросить у патрульного. Часовой еле заметно наклоняет голову: все в порядке, нечего бояться. Голова солдата прячется в палатку. И опять тишина. Снова патрульный неторопливо и тихо обходит линию за линией.

А если бы офицер мог незаметно заглянуть в палатку, — он был бы очень удивлен и озадачен. Он увидел бы внутри палатки солдат, которым и в голову не приходило спать. Он услышал бы тихую осторожную беседу:

— ... говорили, что в штабе идет совещание. Командование решило сегодня начать наступление на город. Писарь видел секретный приказ правительства. Где-то через час будем выступать.

— А зачем же у них совещание?

— Наверное, обсуждают план наступления. Они уверены, что город не сможет организовать оборону против войск. Тот писарь говорил, что сегодня днем штаб передал по радио какое-то сообщение в Нью-Йорк. А радисты, не будь дураками, прежде всего сняли с сообщения себе копию, а уже потом передали его.

— Что же там было?

— Штаб заверял высшее командование, что достаточно будет одного решительного наступления, — и революция будет ликвидирована. А?

Из дальнего угла палатки кто-то насмешливо отозвался:

— Говорил слепой — увидим. Что я так, по приказу, и стрелять буду в моего отца?.. Мне, ребята, и офицерни хватит...

С минуту царил тишина. Потом тот же голос добавил:

— Разве мы забыли, как нам самим приходилось бастовать? Нет, товарищи, я хорошо помню, как мы дрались против полиции. Так вот, теперь, когда в Нью-Гаррисе победили, когда по всей стране вспыхивает настоящий революционный пожар, — и они думают, что я буду стрелять в своих братьев? Ерунда! Я еще не сошел с ума! Вот только выступим, они увидят, как им повезло... Ей-бо! Пулям в ружьях осточертело ждать!..

— Тише, Джонни, — остановили его. — Еще успеешь поговорить. Ты вот вспомни про седьмой полк. Ведь еще придется, видимо, драться и с ними. Знаешь, там **такие** собрались, что...

— Знаю, знаю! Что же, поговорим с ними. Но, по моему мнению, с **такими** — разговор короткий. Тех, кто сдастся, разоружим и выгоним, а остальных... Ну, с остальными не придется разговаривать, с ним поговорят за нас пули и гранаты... Эх, скорее бы!

И вновь в палатке тишина. Такая же тревожно насыщенная, напряженная тишина, как и во всех других палатках большого лагеря. Командование уверено, что ему повезет одним ударом раздавить революционный Нью-Гаррис... Командование составляет блестящий план наступления. Пусть составляет!

Нет у гипотетического подслушивающего офицера таких ушей, которые услышали бы тихие осторожные разговоры в палатках.

Нет у него таких глаз, которые увидели бы, что делается на одной из расположенных неподалеку ферм, где за плотно закрытыми дверями и ставнями заканчивает свою подготовительную работу Дик Ольс. Откуда командованию знать, что на столе перед Диком Ольсом лежат копии всех самых секретных приказов и сообщений?

Командование готовится к наступлению, но к наступлению готовится и Дик. Возле Дика Ольса сидят несколько солдат и внимательно его слушают:

— Получается, что ровно через час прозвучит тревога. Офицеры уже получают приказы. Всего у нас шестнадцать рот. Десять из них вполне наши, если не обращать внимания на отдельных солдат. Три вражеские. И еще три неуверенные. Итак, у тебя, Зауэр, будет следующее задание. Слушай.

— Слушаю.

— Ты соберешь свою роту пулеметчиков и собираешь еще ребят с сотню, с гранатами. Конечно, сделаешь это до общего сигнала тревоги. Половиной пулеметчиков пересекаешь путь вражеским ротам, вторую половину ставишь позади. Задерживаешь их, и передаешь им требование сложить оружие. Конечно, они сразу не согласятся. Тогда тебе надо сразу же ликвидировать любым способом командира двенадцатой роты Уолтерса. Он пользуется в этих ротах большим авторитетом. Как только ликвидируешь его, можно начинать переговоры. Главное, помни, — ни минуты задержки. Если еще кто-то из офицеров начнет командовать — ликвидируй немедленно и его. Иначе они ликвидируют тебя. Ну, а если кто будет сопротивляться, — дай две-три очереди из пулеметов в воздух. И знай, что едва увидев пулемет, едва услышав стрельбу, большинство их сдадутся. Я этих людей знаю. Они

смелые только до тех пор, пока не увидели перед носом пулемета. Ну? Все помнишь? Вопросы есть?

— Нет. Будет выполнено. Я Уолтерса хорошо знаю, гад он. Он ведь бывший полицейский, у нас его многие хорошо помнят.

— Да. Листовки у тебя есть? Те, которые привезли вчера вечером из города?

— Есть. Уже успел всем ребятам раздать.

— Ну, хорошо. Вот еще что. Передай товарищу Шервуду, чтобы он, при первом сигнале тревоги, прервал электрическую связь главного штаба с частями. Еще Грину из мотоциклетной команды... Ведь штаб обратится к мотоциклистам, когда испортится электрическая связь... Грину напомни, чтобы его мотоциклисты приказы от штаба принимали, но передавали их нам. Следующее задание тебе, Экслер. Ты же хорошо знаешь местность?

— Я родился здесь.

— Итак, ты должен немедленно отправить человек десять вперед, чтобы они передали авангардным ротам наше распоряжение. Вот оно здесь написано... по-дожди. Вот что в нем:

«Немедленно, после сигнала тревоги, обезоружить офицеров и арестовать их, приставив с ними часовых. Личному составу рот выдвинуться на помощь товарищу Зауэру и его пулеметчикам, чтобы принять участие в обезврежении неопределившихся и контрреволюционных рот. Товарищ Экслер должен иметь в виду, что за малейшую попытку сопротивления офицеры будут расстреляны, о чем их надо предупредить заранее.

Подписано: комиссар ревкома Дик Ольс».

- Понятно?
- Будет исполнено...

Командование войска совещается. Отличный план наступления на восставший Нью-Гаррис почти готов. Но — кто его, этот план, будет выполнять?

Самому штабу и господам офицерам вряд ли удастся осуществить его... даже если бы они были на свободе. Но, есть определенные основания надеяться, что через час-два подавляющее большинство офицеров, не говоря уже о штабистах, потеряет свою свободу и превратится в обезоруженных военнопленных.

Дежурный офицер проходит линиями, прислушивается.

Ничего не слышно, кроме четких шагов часовых. Все в порядке. Разве может он заметить невидимые ниточки, что идут от фермы, где сидит Дик Ольс, к каждой линии, к каждой палатке?.. А такие же нити прочно связывают между собой и тайные коммунистические ячейки рабочих, которых правительство, мобилизовав, заставило надеть военную форму.

Но правительство, видимо, забыло, что под солдатской формой остались те же самые рабочие. Правительство забыло, видимо, что многие из них помнят, что они раньше работали на заводах, а некоторые из них, родом из Нью-Гарриса, даже и на огромном заводе машиностроительного короля Джонатана Говерса.

Дик Ольс правильно сказал Бобу Лесли — он действительно развернул работу.

Две недели Дик Ольс находился в лагере, надев обычную солдатскую форму. Он открыто ходил по лагерю, изображая из себя то часового, то уборщика с метлой, то посланника-связного. И, одновременно, работали его восемнадцать организаторов.

Командование сообщало в главный штаб о том, что войска наготове, и только ждут приказа о наступлении. Дик Ольс знал, он мог с полной ответственностью утверждать, что в этом вопросе командование не ошибалось. Да, войска были наготове, по крайней мере, их основная часть. Да, они лишь ждали приказа. Но будущи наготове, — к какому именно наступлению готовились в войсках, и какого именно приказа они ждали?..

Только здесь, только в этой «мелочи» командование ошибалось. Оно вряд ли могло догадаться, что солдатские штыки могут повернуться против него, что солдаты ждут приказа революционной организации, что они мечтают о соединении с победоносными пролетариями Нью-Гарриса. Соединения, сразу после того, как солдаты силой оружия сломят сопротивление командиров и фашистских рот.

Внезапно, неожиданно и резко раздались звуки тревожной сигнальной трубы, и сразу же лагерь ожил. Из палаток выбегали солдаты, они строились в шеренги под командой офицеров.

Все было, казалось бы, как обычно. Солдаты молча шли ровными шеренгами туда, куда приказывали им офицеры. Звучали команды, слышался лязг оружия. Где-то в стороне раздавался рокот танковых моторов.

Солдаты направлялись в сторону Нью-Гарриса. Взвод шел за взводом, рота за ротой. Куда же делись организаторы, почему войска выполняют приказ командования, почему оно двигается на рабочих? Ведь наготове уже и пушки и пулеметы. Ведь уехали уже заранее танки — он грохочут где-то далеко в темноте...

Войска двигаются на город, на рабочих! Неужели Дик Ольс ошибся, неужели войска не остановятся?..

Идут четко, перестраиваясь на ходу, исполняя офицерскую команду.

Еще десять километров остается до Нью-Гарриса. Он там, внизу, где виднеются огни железнодорожной станции.

Город лежал в темноте, будто никогда он не был залит электричеством. Не было видно гигантских, всегда освещенных корпусов машиностроительного завода, не было видно ярких уличных фонарей.

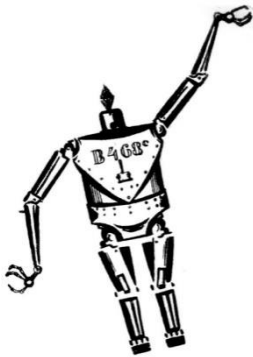
Дик Ольс мчался в коляске мотоцикла вниз, обгоняя роту. В седле мотоцикла сидел связист Экслер, они гнали вниз, предъявляя патрулям пакет с надписью «Срочно! Секретно», адресованный командиру авангардной роты, занявшей пути внизу. Дик Ольс смотрел на огни железнодорожной станции, на тьму, что окутала город. Он считал минуты.

Город был уже близко. Вот и передовые пикеты. Дик подал Экслеру знак остановиться. Мотоциклист остановился и выключил мотор. Стало необычно тихо. Дик Ольс вышел из коляски, размял уставшее тело.

— А дальше? — спросил мотоциклист Экслер.

— Подождем, — ответил Дик. — Вскоре начнется. Давай пока что выпустим ракету; надо, наконец, подать сигнал, который все ждут!

И через секунду высоко в небо, яркой белой огненной линией, взметнулась сигнальная ракета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОЛДАТЫ С НАМИ, ТОВАРИЩИ!

Действительно, если на заводе царила тьма, то совсем другая картина была на вокзале. Здесь работа шла под яркими лучами электрического света. Разгрузкой вагонов с оружием руководил сам Боб Лесли. Это он распорядился, чтобы электростанция отключила цеха и заводские здания.

— Оставить Бирза с Говерсом без света – стоит того. Я по своему опыту хорошо знаю, как темнота деморализует, – сказал он Тиму.

Выгрузка продвигалась энергично. Оставалось уже немногим меньше половины вагона, как в небе мелькнула огненная лента ракеты. И, почти одновременно, к Бобу подбежал рабочий с ружьем:

— Войска осаждают город! Мне только что звонили по телефону из Айленда, там проходят рота за ротой; солдаты приближаются к городу!

Еще через десять минут прибежал второй рабочий-связист:

— Военная разведка наткнулась на наши передовые баррикады в пригородной полосе. Кажется, они развертывают пулеметы. Наши ждут помощи, у нас мало оружия.

Боб взмахом руки подозвал к себе товарищей.

— Кончайте немедленно выгрузку и начинайте распределять оружие. Всех вооруженных посылайте на баррикады. Пойдем, Тим!

Как только они свернули с привокзальной налево, как стали слышны одиночные выстрелы, словно кто-то резко раздирал сухие кусочки ткани. Боб сказал рабочему, который должен был проводить их до баррикад:

— Вот что, товарищ. Мы найдем путь сами. А ты возьми записку и беги в полицию, то есть теперь уже не полицию, а в штаб нашей красной милиции. Передай записку и возвращайся обратно.

Он подошел поближе к освещенному окну, и быстро написал записку.

— Вот, беги.

Рабочий исчез за углом, а Боб объяснил Тиму:

— Надо расставить патрули по улицам и, может быть, успеть захватить этих гадов из «Боевых крестов» во главе с полковником Блэком, которые успели выдвинуться к станции управления роботами. Или, пусть они сидят там, все равно мы их возьмем. Можно даже не спешить. Ведь станцию мы обложили крепко. Понимаешь?

Тим кивнул.

Они подходили ближе. Уже было слышно, как строчили очередями пулеметы там, за баррикадами. Это была пока только пристрелка, ибо пулеметчики выпускали подряд не более, чем пять-шесть пуль. Но ясно было, что это пристрелка перед основным боем. С этой стороны баррикад выстрелов не было слышно: рабочие сэкономили патроны, выжидая открытого нападения.

Невольно пригибаясь, когда слышалось близкое пчелиное жужжание пуль, Боб и Тим добрались до баррикады. Здесь все были спокойны, люди лежали с оружием наготове. Около них стояли ящики с патронами; не успели даже как следует вытереть с винтовок густую смазку, которой были смазаны ружья в ящиках.

Отрядом руководил один из старых рабочих, член забастовочного комитета.

— Здравствуй, Джаспер! — окликнул его Боб. — Как дела?

— Ждем, Боб, ждем. Ведь ты дал именно такой приказ? Однако, если не оправдаются твои соображения, — будет очень плохо. У них уйма пулеметов. Слышишь, стреляют... Прислушайся сам.

Действительно, пулеметы теперь стреляли почти без передышки. Враг словно хотел прошить пулями баррикады, уничтожить противника пулеметным огнем — и уже потом только начинать наступление.

— Ничего, Джаспер, — ответил Боб. — Такого добра хватит и у нас. Через несколько минут получишь с вокзала новую партию оружия, и еще четыре-пять пулеметов. Держись, старик, не трать зря патронов. Твоя тактика такая: спокойно ждать и присматриваться, как ведут себя солдаты. Ты же знаешь, что среди них есть много наших. Они точно стрелять не будут. Но есть и такие, с которыми есть только один способ разговаривать — из винтовок и пулеметов.

— Ладно, будь уверен, мы начеку. Чтобы только не задержалась доставка оружия.

— Нет, не беспокойся. Ну, мы пошли дальше. Бывай!

Когда они уже отошли от баррикады, и шли по улице ко второй, Тим сказал:

— И все же, у меня иногда возникает мысль: а что, если работа наших военных организаторов во главе с Диком Ольсом не даст результатов? Что тогда?

Боб жалостливо взглянул на Тима, как на ребенка, и похлопал его по плечу:

— Никогда не думал, что мой хороший приятель, Рыжий Тим, так будет рассуждать. Во-первых, что это

за панический склад мыслей вообще? Ты видел ракету? Кто ее выпустил? Дик Ольс. Значит, все в порядке. А если бы и не так — разве мало у нас оружия, чтобы нам пугаться? Разве не готовы мы к решительному бою? Эх, ты!

Тим смутился.

— Видишь ли, я немного не о том говорил. Я вспомнил тот седьмой полк, где собрались, как говорил Дик, самые фашисты. Как бы он не доставил нам хлопот.

— И вновь, не так страшен черт, как его малюют. Пусть даже у Ольса не получится своевременно справиться с седьмым полком, — что может этот полк в одиночку сделать против нашей силы? Нет, Тим, ты сегодня что-то слишком пугливый.

Тим смутился еще больше. Тем временем, они приблизились уже ко второй баррикаде, которая перегородила широкую улицу. Позади нее был город, перед баррикадой — улица постепенно переходила в большое шоссе, идущее в сторону пригорода Айленд, откуда ждали наступления войск. Здесь стрельба была более интенсивная. Очевидно, воинские части уже делали попытку наступления, потому что перед баррикадой, сколько хватало глаз, лежало множество человеческих тел.

Но не на это обратил внимание Боб Лесли, схватив за руку Тима. Он указал ему на нескольких защитников баррикады, которые хоть и лежали вместе со всеми с винтовками в руках, но своим внешним видом значительно отличались от остальных.

— Тим, ты видишь? Видишь?

В голосе Боба Лесли послышались радостные, торжественные нотки. И он имел основания считать это победой, потому что вместе с рабочими, каждого из которых он знал в лицо, — за баррикадой, защищая

революционный город от войск, — лежали с винтовками в руках и сидели возле пулеметов солдаты. Откуда они взялись? Ведь в Нью-Гаррисе их не было?..

— Неужели же это они перешли к нам с той стороны?

Вместо ответа Боб обратился непосредственно к солдатам:

— Здравствуйте, товарищи! Как вы попали сюда?

Один солдат повернулся к нему, и радостно улыбаясь так, что его зубы ярко сверкнули во тьме, ответил:

— Товарищ, очень просто. Пришли с ружьями и патронами. Вот даже пулемет захватили. Считаем, что лучше использовать оружие с этой стороны, а не с той. Мы ведь сами рабочие, а двое из наших даже с завода Говерса.

— Что вы скажете о положении в войсках?

— Мы точно не знаем, потому что мы все из авангардной роты, занимавшей позиции в Айленде, и которая первой получила приказ двигаться в наступление на город. Но этот приказ привез нам сам комиссар Дик Ольс. Он только добавил некоторые изменения. Он так и сказал: «Выполняйте приказ, идите в город, помогите рабочим». Ну, что же, мы люди дисциплинированные, привыкли выполнять приказы — и вот мы уже здесь. Там, — солдат махнул рукой, указывая по ту сторону баррикад, — войска идут. Однако, кажется, у них там какие-то проблемы. Мы слышали, когда шли сюда, стрельбу и взрывы гранат там, на горе. Как будто там уже идет стычка между собой.

Тем временем, стрельба несколько стихла. Сначала стало меньше выстрелов со стороны войск, потом стали реже стрелять и рабочие. В неясном полумраке Тим заметил, как откуда-то сбоку, с тылов к позициям рабочих подошли еще несколько солдат. Но вид у них

был совсем не военный. Они несли свои винтовки в руках и бежали, часто оглядываясь назад. Одновременно с Тимом это заметил и Боб Лесли:

— А это еще кто? — воскликнул он.

На баррикаде щелкнули затворы винтовок, стволы устремились в сторону солдат. Но вот, один из них поднял руку и воскликнул:

— Не стреляйте! Мы к вам.

— Да это же из шестнадцатого полка, мы их видели раньше, — подтвердили солдаты, что уже были на этой стороне баррикады. — Это же они по нашему пути идут, выполняя приказ Дика Ольса.

Рабочие, быстро освободив проход, пропустили их внутрь баррикады. А когда солдаты зашли, их сразу же засыпали вопросами.

— Что там за стрельба такая на горе? Мы лишь издали ее слышали, а в чем дело — не знаем?

— Это добрый знак, — ответил один из них. — Насколько я знаю, товарищ Зауэр с командой пулеметчиков окружил контрреволюционные роты, чтобы обезоружить их. Ведь вы слышали, наверное, что у нас есть такие роты? Вот, наверное, Зауэр с ними и устроил бой. Может быть, что этот бой идет наверху и сейчас...

Издали снова слышались глухие взрывы. Один, второй, третий... Потом опять стало тихо, только изредка стреляли из винтовок.

— Это, насколько я понимаю, Зауэр заканчивает дело, — добавил солдат из новоприбывших.

— А как с другими ротами? — спросил его Боб Лесли.

— Разбегаются, командование ничего сделать не может, просто на глазах разбегаются, — насмешливо ответил тот. — Разбегаются по одному. И каждый из

убежавших в вашу сторону пробирается. Дикю Ольсу приходится только собирать их, чтобы они переходили к вам группами. Вот увидите, к утру здесь будет наших солдат больше, чем с той стороны, ей-Богу.

— А все же, кто-то с той стороны пулеметами бьет,
— ответил один из рабочих.

— Да и мы постреливаем, но не по вашим баррикадам, а чуть выше, так сказать, по облакам. Разве же мы не знаем, куда стрелять? Конечно, есть и такие, что стреляют по баррикадах. Но их немного.

Разговор продолжался дальше. Из него Боб и Тим узнали, что сигнальная ракета Дика Ольса имела двойное значение. Она не только сообщала Нью-Гаррису о начале наступления войск, но и одновременно была сигналом к восстанию в военных частях. Сразу же, увидев ее, организаторы и руководители подпольных ячеек сделали знаки товарищам нападать на офицеров. По крайней мере, именно так было в шестнадцатом полку, откуда пришли эти солдаты.

Первым делом восставшие солдаты разоружили нижних офицерских чинов, и уже потом окружили штаб. Здесь завязалась недолгая перестрелка, которая длилась, пока командование полка не убедилось, что оно осталось в одиночестве и осаждено повстанцами. Тогда командир полка, не теряя времени, сдался, как только ему обещали сохранить жизнь.

Значительно сложнее, как потом оказалось, обернулось дело в седьмом полку, состав которого был укомплектован элитными фашистскими бойцами. Здесь предшествующая агитационная работа была почти невозможна. Оставался единственный способ — это агитация оружием.

И пулеметчик Зауэр хорошо выполнил задание Дика Ольса. В результате его действий седьмой полк ока-

зался между двумя огнями. Спереди его встретили пулеметы Зауэра; а когда части попытались отступить назад, — дорогу уже перерезали части гранатометчиков и три танка, отправленные туда осторожным Зауэром.

Однако, фашисты из седьмого полка не сдавались. Здесь бой длился несколько часов, пока в наступление не пошли еще танки, подоспевшие с флангов. Тогда значительная часть фашистского состава полка принуждена была сдаться. Но вторую роту этого полка Зауэру пришлось успокаивать гранатами. Именно эти взрывы и слышали на баррикаде.

Боб Лесли и Том Кроунти шли вперед, обходя баррикады. И чем дальше они шли, тем больше видели солдат, которые непрерывно переходили с той стороны. Кое-где с этой стороны баррикад было уже больше солдат, чем рабочих. Выстрелы с той стороны прекратились; или командование войсками не знало, что делать, или его уже не существовало вообще.

— Действительно, интересно, — рассмеялся Боб. — Мы не стреляем, а у них стремительно уменьшается количество бойцов!

Через полчаса стрельба стихла совсем. Рабочие не имели никакого намерения начинать сражение первыми, войска (или, точнее, те его остатки, что еще оставались по ту сторону баррикад) тоже не осмеливались что-то начинать. Что очевидно, военное командование даже не могло и подумать, что дело так обернется.

Становилось ясным, что до утра можно было не бояться нападения. А когда придет утро — хватит ли у командования сил и средств, чтобы продолжать наступление? Можно ли было хотя бы приблизительно подсчитать число солдат, что уже перешли на сторону

рабочих? Военному командованию, похоже, надо было думать о своем собственном спасении, а не о штурме баррикад.

Боб задумчиво о чем-то размышлял.

Тим невольно подумал о Мадлене. Что с ней? Он надеялся найти ее в тюрьме; но, оказалось, что среди заключенных Мадлены не было. Где же она?..

Вдруг Тим услышал новый приказ Боба Лесли, который распорядился бросить укрепленные отряды к центральной станции управления роботами. Близились утро, надо было выполнять инструкции и, сломив сопротивление оставшихся фашистов, захватить в свои руки станцию, или, по крайней мере, ликвидировать фашистов, которые засели в ней.

Это было нелегко. Высокое железобетонное здание станции возносилось вверх, как настоящая крепость. И вряд ли отрядам рабочих, даже с помощью солдат, которые перешли на их сторону, повезло бы быстро захватить даже двор станции, если бы не счастливый случай.

Один из рабочих вспомнил, что еще вчера на станции проводил ремонт туннеля, в котором проходили электрические кабели. Этот туннель соединял завод и станцию.

Вооруженные группы рабочих воспользовались этим, и вход в туннель был открыт. Один за другим рабочие шли через тоннель, помня категорический приказ ревкома — ни в коем случае не портить кабелей. Туннель выходил во двор станции, где вооруженные рабочие и оказались совершенно неожиданно для штурмовиков, которые скрывались на станции.

После короткого боя, оставшиеся в живых фашисты заперлись внутри станции, оставив двор рабочим.

Дальше продвигаться было очень трудно, потому что крепкие стены станции можно было разрушить только артиллерийским огнем. Без подкрепления наступление на станцию управления роботами не привело бы ни к чему.

Начинало светать. Утренняя заря розовым пламенем занялась на востоке. Стрельба со стороны войска совсем утихла. Казалось, войска отступили. Вдруг раздались резкие гудки мотоциклов. К зданию бывшей полиции, а теперь помещению ревкома и милиции, подъехал отряд военных мотоциклистов. Солдаты заглушили мотоциклы и выстроились возле ревкома. Их командир через часового вызвал главу революционного комитета:

— Очень просим его выйти к нам. Есть важные сведения.

Боб Лесли вышел на улицу. Его встретили криками приветствия.

— Что вам, товарищи? — обратился он к мотоциклистам.

— Мы — бригада мотосвязи восемнадцатого полка. От нашего полка остался там, за городом, только штаб, а все солдаты перешли сюда. Вот и мы решили не отставать от товарищей. Командование поручило нам поддерживать связь между остальными полками и штабом во время отступления, но мы считаем это лишним...

— Одну минутку, — перебил его Боб Лесли, — разве штаб войска отступил?

— Да, еще до наступления утра. Вот секретный приказ, который мы не передали адресату, а привезли вам, по поручению Дика Ольса.

Боб Лесли разорвал пакет и прочитал приказ:

«В штаб восемнадцатого полка. Совершенно секретно. Несмотря на трудное положение и открытое предательство части солдат, приказываю немедленно собрать все роты полка и отступить от Нью-Гарриса к Айленду. Ваш полк прикрывает общее отступление, которое выполняется с целью восстановления боеспособности и доукомплектовки личного состава полков».

Подписано: «Чарльз Грэй, генерал».

Лесли поднял глаза на мотоциклистов:

— Благодарю за такую приятную новость. Выходит, войск нет. Уже отступили?..

— Нет, не совсем так. Отступил только штаб с некоторым количеством солдат и офицеров. А главные части войск не отступили, наоборот, они в городе.

Лесли рассмеялся:

— Да, да, понимаю. Действительно, войска в городе, только они теперь наши. Хорошо. Все?

Командир мотоциклистов немного поколебался:

— Видите ли, товарищ, мы хотим просить вас поручить нам любое ответственное задание. И... нам хотелось бы увидеть тех самых роботов, о которых столько писали в газетах.

Лесли торжественно поднял руку:

— Сегодня увидите. Но воевать с роботами не придется, имейте это в виду. С сегодняшнего дня роботы — наши друзья. Идите товарищи, отдыхайте. А в двенадцать приезжайте к заводу. Там роботов и увидите. Идите!

Он повернулся, чтобы идти, когда снова услышал рокот мотоцикла. Из коляски подъехавшей машины выпрыгнул человек в военной форме, и схватил его за руку.

— Подожди, Боб! Мне надо тебе кое-что сказать. Все получилось!

— Дик? Вот молодец! Но как?

— Нам все удалось. Седьмой полк ликвидирован. Правда, все получилось не так легко, как задумывалось. Чертовы фашисты дрались отчаянно. Я подозреваю, что они откуда-то пронюхали о наших планах. Они даже встретили наш отряд огнем.

— Ну, и?..

— Ну, пришлось показать им, что наши намерения более серьезные, чем их. Правда, это немного задержало нас, поэтому пришлось отправлять на помощь Зауэру еще танки, но дело было сделано. Командование полком было ликвидировано... А вместе с ним — и большая часть фашистов.

— Много наших полегло? — тихо спросил Боб.

— Не более восьмидесяти бойцов. Ничего не поделаешь, Боб, у меня не было другого выхода, — словно оправдывался Дик.

Но Боб остановил его.

— Ладно. Пойдем наверх.

Вернувшись в штаб, Боб Лесли приказал:

— В двенадцать устроим большую демонстрацию около завода по поводу первой победы. Войска отступили. Это не конец, это только первая победа. Отметим такое событие хорошей демонстрацией. Необходимо собраться всем у заводских ворот в половине двенадцатого. Хорошо?

Он улыбнулся и обратился к Тиму:

— А сейчас ты увидишь, что я был прав, когда отпустил Джонатана Говерса и поручал тебе охранять его... Но что с тобой, Тим? Почему ты нервничаешь? Что случилось?

Тим подошел ближе к Бобу Лесли и с тревогой сказал ему:

— Мадлена Стрэнд в руках Бирза, на заводе.

Боб Лесли нахмурил брови:

— Откуда ты знаешь?

— Во время допроса захваченные штурмовики из тайной полиции показали, что Томас Бирз лично приезжал к полковнику Блэку, забрал Мадлену и перевез ее на завод.

Боб Лесли задумчиво смотрел сквозь Тима, словно не замечая его. Наконец он сказал:

— Ладно. Тогда роботы сами выдадут нам всех троих вместе: Говерса, Бирза и Мадлену.

Он решительно взял телефонную трубку:

— Алло! Дайте завод. Кабинет Томаса Бирза. Алло! Это вы, мистер Бирз?..

И он начал разговаривать с Бирзом спокойным ироничным голосом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

РОБОТЫ ИДУТ!

Этой ночью Томас Бирз никак не мог заснуть.

Его раздражало всё, начиная с неподвижной фигуры робота, который стоял возле дверей, и кончая Джонатаном Говерсом, который совсем перестал владеть собой, и, казалось, сошел с ума. Он то яростно ругался, то угрожал забастовочному комитету (который, конечно, никак не мог услышать его) всякими карами, то впадал в откровенное отчаяние, прося Бирза спасти его, спрятать где-то или подкупить кого-то, чтобы, переодевшись в рабочую одежду, он, Говерс, получил возможность убежать. Бирз не слушал Говерса, ему было противно смотреть на этого дородного человека с голым черепом, который еще недавно диктовал всем свою волю, а теперь согласился бы ползать по земле, только чтобы спасти свою драгоценную шкуру.

Но больше всего раздражало Бирза то, что он и сам не мог придумать надежного способа решить так крепко затянутый узел проблем. Единственная надежда была на армию. Но Бирз хорошо понимал, что во время революционных событий на войска никак нельзя полагаться. Он хорошо помнил исторические факты, когда войска разбежались, даже не встретившись в бою с революционными отрядами, и целыми полками переходили на сторону революционеров. Не случится ли такого и теперь?

Конечно, пока Бирз находится под защитой роботов — и ни один человек не доберется до его кабинета без разрешения. Но — что будет дальше? Что происходит сейчас? Раньше Бирз получал хоть какие-то сведения от полиции. Хоть у него и были немного подпорченные отношения с Гордоном Блэком, однако он все же регулярно информировал Бирза о событиях. Теперь — здание полиции захватили революционеры. Блэка наверняка арестовали.

Первые звуки выстрелов, которые издали донеслись до завода, немного подняли настроение Бирза: вот, наконец, пришли войска. Но через час-два выстрелы прекратились — и Бирз сделал из этого простой вывод, что положение вовсе не улучшилось: военное командование, очевидно, почему-то отложило свое наступление на революционеров. Возможно, и оно чувствовало неуверенность в своих силах?..

Только на рассвете Бирз задремал, положив голову на руки. Через несколько минут (так, по крайней мере, ему показалось) его разбудил резкий звонок телефона. Он, еще не раскрыв глаз, протянул руку взять трубку, но наткнулся на чью-то руку, которая пыталась раньше него схватить трубку. Бирз открыл глаза. Он увидел перед собой безумное лицо Джонатана Говерса.

— Кто это звонит? — прошептал Говерс.

— Откуда я знаю! — И Бирз хотел взять трубку.

Но Говерс тоже хватался за нее:

— Нет, я тоже хочу слушать. Вы можете предать меня!

Бирз еле сдержал себя, чтобы не ударить этого отвратительного труса, который, казалось, потерял все человеческие качества. Однако, он решил не спорить с Говерсом, не тратить на это времени. Ведь возмож-

ность спастись теперь зависела только от самого Бирза. Он нажал кнопку, чтобы включить громкую связь.

— Слушайте, слушайте, — сквозь зубы процедил он.

Потом Бирз громко произнес:

— Алло! Я слушаю.

— Это вы, мистер Бирз? Да? Говорит Боб Лесли. Вы окончательно все проиграли, уважаемый мистер Бирз. Повторяю: город в наших руках. Войска отступили. Точнее сказать, отступило командование войсками, а сами войска в полном составе перешли на нашу сторону.

Джонатан Говерс громко застонал:

— Это конец!

— Итак, от имени военно-революционного комитета предлагаем вам сдаться. Кстати, вы захватили в свои руки несколько дней назад Мадлену Стрэнд, привезя ее на завод. Что с ней?

— Это вас не касается! — яростно зарычал Бирз.

— Имейте в виду, — не обратил Боб Лесли внимания на грубость Бирза, что вы можете рассчитывать на спасение лишь в том случае, если Мадлене Стрэнд не будет нанесено никакого вреда. Мы требуем, чтобы вы немедленно отпустили ее. И требуем, чтобы вы сдались сами вместе с мистером Говерсом. Гарантируем вам, что, если наши условия будут полностью и безоговорочно выполнены, никто вас не тронет... пока вашу судьбу не решит революционный суд.

Бирз услышал, как позади него что-то упало — тяжелое и неуклюжее: послышался глухой стук. Он повернул голову. Это упал на пол, потеряв сознание, перепуганный Джонатан Говерс. Он не выдержал ужасных слов — «революционный суд».

— Чего же вы не отвечаете, мистер Бирз? — продолжал Боб Лесли. — Ведь, кажется, у вас не осталось

никакого выбора. Завод оцеплен, выйти вы не можете. Через час у ворот собирается большой митинг-демонстрация. Если вы не согласитесь сдать, придется решить на митинге, что делать с вами дальше.

— Пропадите вы пропадом, — глухо ответил Бирз, — я не сдамся.

У него мелькнула сумасшедшая мысль: роботы!.. Они спасут!

— Это ваш окончательный ответ — не сдаетесь?

— Да.

— Ладно, как хотите. Смотрите только, чтобы потом не пришлось об этом пожалеть.

Послышался звук брошенной на аппарат трубки. Разговор закончился. Бирз оглянулся на Говерса; тот лежал неподвижно. Бирз нервно сжал пальцы руки до хруста.

«Роботы спасут, — вновь подумал он. — Ведь я могу окружить себя ими и выйти с завода. Они будут идти вокруг меня. Пусть кто попробует прикоснуться к ним — такой смельчак упадет замертво, так как я могу зарядить роботов электричеством. Добраться до вокзала и там угнать паровоз. Это будет уже несложно. Справлюсь!»

Он вновь взглянул на Говерса, который уже приходил в себя.

— Ну, хватит, вставайте! — в сердцах воскликнул Бирз.

— Что... Что с нами будет?

— Ничего. Спасемся.

И Бирз рассказал Говерсу о своем плане. Говерс схватил его за руку.

— Чрезвычайно... Вы гениальный человек. Я вам дам столько... Все, что я имею, все отдам вам... Только спасите!

Бирз отмахнулся от него: несчастный человек! И здесь не может не попытаться подкупить его своими деньгами!..

Он сел к аппарату управления роботами, чтобы подготовить осуществление своего плана. Говерс неподвижно сидел на диване, склонив голову на руки, и исподлобья следил за движениями Бирза.

Тем временем, у ворот завода собиралась большая демонстрация. Никогда еще не видели заводские ворота такого внушительного зрелища. Площадь наполнилась до краев человеческой массой. Пришли не только рабочие: пришли их жены, дети, пришли группами солдаты, этой ночью перешедшие на сторону рабочих.

Ничто уже не напоминало предыдущих печальных демонстраций — сегодня нельзя было увидеть ни одного хмурого лица: радость первой победы царила повсюду. Повсюду над головами реяли красные флаги.

Уже никто не боялся полицейских и штурмовиков, потому что их не было. Лишь небольшая кучка «Боевых крестов» заперлась в центральной станции управления роботами и сидела там, как в ловушке.

И вдруг, неожиданно, раздались громкие звуки оркестра. Это играли военные музыканты, которые перешли на сторону рабочих, прихватив с собой инструменты.

Бывший забастовочный, а теперь военно-революционный комитет расположился на большой трибуне, на скорую руку построенной этим утром неподалеку от главных заводских ворот. Тим Кроунти с ликованием смотрел на площадь, — вот он, подлинно революционный праздник!

— Что, хорошо? — услышал он возле себя Боба Лесли.

Лицо председателя революционного комитета потеряло привычную мрачность, общая радость украсила и его веселой улыбкой.

— Мало сказать «хорошо», — ответил Том, — мне не хватает слов, чтобы выразить мои впечатления.

— Ну, если не хватает слов тебе, журналисту, то, что уж требовать от меня? — ответил Боб. — Но об этом потом. Не пора ли начинать?

Тим посмотрел на часы: было половина двенадцатого. Время!

Боб Лесли сделал знак рукой.

И словно какая-то волна прошла по толпе; она началась у трибуны — и мгновенно распространилась во все стороны, неся с собой тишину. Еще с полминуты гомон спадал. И тогда Боб Лесли начал говорить. Море человеческих голов было перед ним; даже молчаливые заводские ворота прислушивались к его словам, закрытые заводские ворота.

— Товарищи, — начал Боб Лесли, — поздравляю вас с первой победой. Поздравляю рабочий класс с победой над капиталом, поздравляю товарищей-солдат, что перешли к нам и помогли нам победить. Мы начали с забастовки, нам было очень трудно. Несколько раз кое-кому казалось даже, что мы проиграем нашу игру. Потому что капиталисты мобилизовали против нас все свои силы — от полиции и армии до фашистов и роботов включительно. Это им не помогло, победа — за нами. Наша забастовка превратилась в революцию. Наша забастовка докатилась до других городов — и зажгла там революцию тоже. Почему же все это произошло?

Он перевел дух.

— Потому, что мы шли под знаменем коммунистической партии, под ее лозунгом: «Пролетарии всех

стран, соединяйтесь!» Нам помогли рабочие всей нашей страны, — как теперь и мы будем помогать им. Нам помогли рабочие, принужденные правительством надеть военную форму — я говорю о товарищах-солдатах. Эти рабочие перешли на нашу сторону, они поняли, что нечего слушаться командиров, ибо командиры заставляют их стрелять в своих братьев. Но и этого мало. Наш лозунг — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — означает не только единение рабочих нашей страны, но единение рабочих всего мира! Вы все слышали о большой Красной Стране, где капитал побежден уже давно, где пролетарии построили свое государство и отбили все попытки международного капитала вмешаться в их дела и помешать их строительству. Слышали?

Волна гомона пробежала по толпе: конечно, слышали! Кто не знает о Красной Стране, счастливой стране, где рабочий класс свободен!

— Итак, теперь свободные пролетарии Красной Страны помогают нам. Несколько лет назад они просили нас помочь им, ибо тяжело им приходилось в условиях постоянной угрозы со стороны капиталистических государств. Мы помогли им, мы не позволили нашему правительству напасть на Красную Страну. Теперь трудящиеся Красной Страны сами помогают нам. Они присылали нам средства на поддержку забастовки, они давали нам возможность бороться за свое освобождение. Более того, Красная Страна нашла способ превратить наших врагов-роботов в наших друзей...

Ропот удивления пронесся по толпе: как это так?.. Роботы — наши друзья?

— Да, я не шучу. Ученые Красной Страны смогли покорить роботов своей воле. А воля трудящихся Красной Страны — это наша воля. Сегодня, товарищи, вы

увидите, как роботы пойдут на демонстрацию вместе с нами!

Позабыто о тишине, позабыто даже о том, что Боб Лесли еще не закончил говорить! Радостные возгласы раздались вокруг трибуны:

— Роботы, роботы пойдут вместе с нами! Победа! Победа!

Боб Лесли вновь поднял руку, призывая к тишине. В эту же минуту за воротами завода раздался тяжелый грохот. Его услышали и рабочие. Сразу все притихли: это были тяжелые шаги роботов... Боб оторопело посмотрел на Тима:

— Разве уже двенадцать?

— Нет... Двенадцать будет через десять минут, — ответил тот.

Ворота завода распахнулись. Железные фигуры роботов появились перед рабочими. Они шли тяжелыми шагами, образуя собой круг. Внутри круга Тим увидел три фигуры: это были Томас Бирз, Джонатан Говерс и Мадлена Стрэнд. Круг роботов вышел из ворот и остановился.

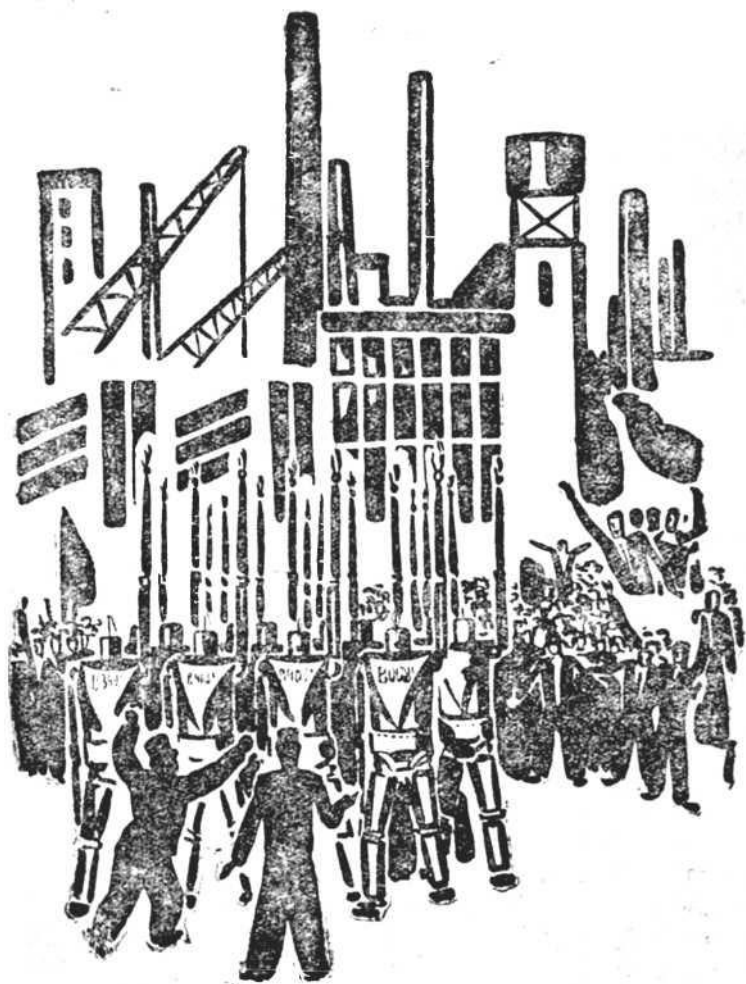
Роботы стояли плотной стеной, защищая людей внутри.

Среди полнейшей тишины раздался голос Томаса Бирза:

— Предупреждаю всех: кто прикоснется к роботам, тот умрет, потому что они стреляют электричеством. Дайте дорогу!

Люди, стоявшие около роботов, отшатнулись назад.

— Дайте дорогу, — повторил Бирз. — Иначе роботы пойдут прямо на людей. Я не хочу лишних жертв. Дайте дорогу. Жду две минуты.

Роботарі повставили на нього, на свого колишнього господаря.

Тим побледнел: неужели Бирз смог преодолеть влияние станции Красной Страны на роботов? Но Боб Лесли быстро спросил у него:

— Сколько еще до двенадцати?

— Пять минут.

— Ладно.

Боб Лесли поднял руку:

— Дайте дорогу роботам, товарищи! Они далеко не уйдут.

А пока толпа расступалась, он быстро написал несколько строк на бумаге, сложил его, подозвал мальчика-вестового и сказал:

— Беги, быстро, Стимсон, к станции управления роботами.

Через несколько секунд мальчик исчез, быстро пробираясь в толпе.

Тем временем, толпа раздвинулась, освобождая роботам путь. Но через двадцать шагов их остановила цепь солдат-пулеметчиков. Они лежали на земле, выставив перед собой пулеметы. Дула пулеметов были направлены на роботов.

— Видите, мистер Бирз, — громко проговорил Боб Лесли, — мы освобождаем вам дорогу. Но — посмотрите, пожалуйста, вперед. Там кто-то вас ждет. Смогут ли защитить вас роботы, даже заряженные электричеством, от пулеметов?

На несколько секунд Бирз задумался: так, этого он не предвидел. Но почти сразу же он ухватился за последнюю надежду:

— Не знаю, смогут ли роботы защитить меня от пулеметов. Если не смогут, то не смогут одновременно защитить и вашу знакомую, Мадлену Стрэнд, судьбой которой вы недавно интересовались. Имейте в виду:

пули, что будут убивать меня с Говерсом, убьют и мисс Стрэнд. Если вы этого хотите — стреляйте. Мыпошли.

Тим видел, как дрогнуло лицо Мадлены. Томас Бирз крепко держал ее руку и тянул Мадлену за собой. Однако, если бы он даже отпустил ее — Мадлена вынуждена была бы идти с ним, потому что иначе она попала бы под ноги идущим сзади роботам. Том взглянул на часы: стрелка приближалась к двенадцати... Еще полминуты!..

— Не стреляйте, товарищи! — воскликнул Боб Лесли. — Бирзу уже ничего не поможет, — сейчас увидите! Подождите немного.

Стрелка часов приближалась к двенадцати. Роботы медленными, уверенными шагами шли среди толпы, образуя собой надежную защиту тем троим, что были внутри их круга. Но вот, вдруг железные чудовища остановились. Тим разразился радостным возгласом:

— Вот оно!

Роботы остановились. Слышно было, как громко выругался Томас Бирз:

— Что такое? Что за черт?

Роботы не двигались. Они стояли, словно прислушиваясь к чему-то. Затем медленным движением, как один, начали поднимать руки. Выше, выше!

— Роботы приветствуют нашу демонстрацию! — закричал Боб Лесли. — Роботы превращаются в наших друзей!

Томас Бирз побледнел, как стена. Он выпустил руку Мадлены. Роботы повернулись и, держа руки вверх, пошли вперед.

Но круга уже не было: они сошлись в каре по четыре, и так и пошли вперед, оставляя Бирза, Говерса и Мадлену позади себя. Мадлена посмотрела на Бирза, огляделась — и быстро выбежала из-за роботов к рабо-

чим. Через полминуты она была уже возле трибуны и упала в объятия Тима.

— Тим!.. Тим!..

Она не могла больше ничего произнести.

— Роботы с нами! — кричал с трибуны Боб Лесли. — Они идут с нами на демонстрацию! Ученые Красной Страны выполнили свое обещание!

Бирз пошатнулся. Он увидел, как скривилось яростно лицо Джонатана Говерса. Он услышал, как Говерс громко причитал:

— Измена!.. И здесь измена!..

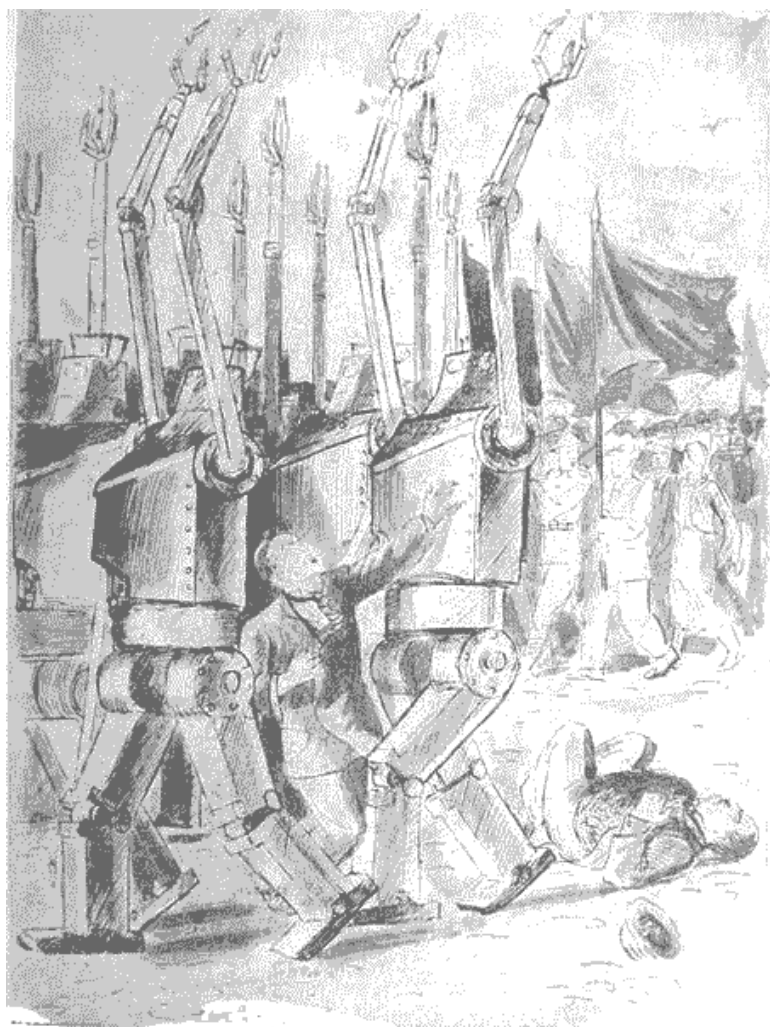
Затем он увидел, как Говерс, словно обезумев, бросился на роботов, грозя им кулаками. Джонатан Говерс забыл, что перед ним не живые люди, а железные машины, он пытался угрозами остановить их. Бесполезные попытки! Роботы шли на него, на своего бывшего хозяина.

Вот железная фигура робота толкнула Говерса в грудь. Он покачнулся, ухватился рукой за поднятую руку робота — и, вскрикнув, упал на землю. Лицо его почернело.

А роботы пошли дальше, словно не замечая его, наступая на него своими железными квадратными ногами...

«Убит электричеством!..» — понял Бирз и попытался отпрыгнуть в сторону, чтобы избежать прикосновения к роботам. Но, именно в это время, роботы около него стали сходитьсь, чтобы стать в ряды по четыре, как и все предыдущие. Бирз заметался, как зверь в клетке.

Он попытался выбежать из-за роботов. Но их железные шеренги не пропускали его. Бирз отшатнулся назад и налетел на одного из железных чудовищ.

Хрипло злякнувши, він, як і Гомере упав під ноги роботарні

Хрипло вскрикнув, он, как и Говерс, упал под ноги роботам...

А железные люди шли дальше и дальше, держа руки вверх. За ними двинулась толпа рабочих, на ходу выстраиваясь в шеренги. Но все осторожно обходили место, где на улице лежали две неподвижные фигуры с черными лицами. Томас Бирз и Джонатан Говерс были мертвы. Их убили те самые роботы, которыми они пытались раздавить рабочее движение. Томас Бирз и Джонатан Говерс лежали на брусчатке мостовой в неестественных позах, раскинув руки, смятые железными ногами роботов.

Тим стоял, обнимая Мадлену. Она глядела туда, где лежали Бирз и Говерс. Она была бледна. Она говорила нараспев:

— «Тяжелыми ногами роботов мы растопчем всех, кто станет у нас на пути». Это слова Бирза, Тим... И роботы растоптали, но растоптали только его и Говерса...

— Да, иначе и не могло быть. Идем!

И они двинулись вперед вместе с рабочими и солдатами. Вперед, туда, откуда доносились радостные возгласы рабочих, где пламенели в воздухе красные знамена победоносной революционной демонстрации.

Харьков,

1931.

А. РОМ (А. БЕЛЯЕВ)

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!

Фантастический рассказ

Журнал «Всемирный следопыт», № 4, 1928 г.

Рассказ А. Рома

ОТ РЕДАКЦИИ

«Хороший слуга должен быть, как машина», — говорит герой рассказа «Сезам, откройся!», фабрикант на покое Гане, отражая в этих словах взгляды своего класса. Подавление личности рабочего, превращение его в «живую машину» и, с другой стороны, «очеловечение» машины, создание дешовых, покорных и послушных «механических слуг» — мечта всякого капиталиста-эксплоататора. И если известный фабрикант Форд работает в первом направлении, автоматизируя труд человека до механичности машины, то американская компания Вестинггуз занялась изготовлением «очеловеченных машин». Р. Ж. Венелей, один из инженеров этой компании, изобрел машины, которые — как сообщали недавно иностранные газеты — не только повинуются словесным приказам человека, но и дают звуковые ответы на задаваемые вопросы.

Некоторые из этих механических слуг уже приняты «на работу» в военное ведомство САСШ. Механический слуга обслуживает резервуар городского водопровода, сделав ненужными рабочих, которые следили за уровнем воды. По словесному приказу «Сезам, откройся!» механические слуги от-

крывают двери, пускают в ход электрический вентилятор и т. п.

Особый интерес это изобретение представляет в том отношении, что управлять механическими слугами возможно даже на расстоянии — тем же звуковым приказом. Не только домашняя хозяйка, находясь в гостях, может приказать «слуге» вымести пол или проветрить комнату, но даже инженер, не выходя из своего кабинета, получает возможность управлять машинами завода, быть в курсе хода работы, выключать отдельные механизмы и т. д. Все это достигается при помощи телефона в комбинации с принципом беспроводного телеграфирования.

Это изобретение — одна из технических сказок наших дней, воплощенная в жизнь «научная фантастика»; разумеется, оно имеет огромное культурное значение: применение «очеловеченных машин» в области, например, опасных и вредных профессий или на работах в опасной обстановке — вот одно из направлений, по которым должно было бы развиваться новое изобретение в рамках организованного хозяйства, — по которому оно, несомненно, и пойдет у нас, в СССР. Но в капиталистических странах «механический раб» не может не явиться конкурентом живого рабочего, а поэтому такое изобретение должно там повести лишь к обострению классовых противоречий.

История дает яркий пример подобного обострения — в эпоху появления первых машин и первых фабрик, вытеснивших мануфактуры построенные по принципу механизированного разделенного труда массы людей (как те, в свою очередь, побороли некогда труд неорганизованных мастеров-одиночек).

В рассказе А. Рома рисуется момент вторжения «механических слуг» в домашний быт. Несмотря на ограничение поля действия рассказа рамками частного дома, в трагикомедии Гане и его слуги уже можно предугадать зародыши будущих классовых конфликтов, в связи с появлением на рынке труда «железных рук» очеловеченной машины...

I. Больное место Эдуарда Гане.

— Вы начинаете стареть, Иоганн, — ворчливо сказал Эдуард Гане, отодвигая кресло.

Лакей с трудом опустился на колени, подавляя вздох, и начал подбирать упавшие с подноса кофейник, серебряный молочник и чашку.

— Зацепился за угол ковра, — смущенно проговорил он, медленно поднимаясь.

Эдуард Гане, выпятив толстую, синюю нижнюю губу, неодобрительно смотрел на пятно от разлитого кофе, и с упрямством старика сказал еще раз:

— Вы начинаете стареть, Иоганн! Сегодня утром, одевая меня, вы никак не могли попасть отверстием рукава в мою руку. Вчера вы разлили воду для бритья...

На каменном, бритом лице Иоганна промелькнула тень печали. То, что говорил Гане, было правдой — Иоганн начинал стареть и даже дряхлеть. Но это была горькая правда. Семьдесят шесть лет — не шутка, и из них пятьдесят пять было отдано служению Эдуарду Гане, который только на шесть лет был моложе слуги. Пора на покой. Иоганн имеет кое-какие сбережения. На его век хватит. Но что он будет делать, оставив службу? Его старое тело, как машина, справляется с привычной работой обслуживания другого человека. На себя же, — Иоганн знал это, — у него не хватит сил. И он привык, сжился с этим старым брюзгой Эдуардом Гане. Иоганн поступил к нему еще в Ганновере, откуда они приехали в Новый Свет искать счастья пятьдесят лет назад. Эдуарду Гане повезло. Он нажил большой капитал, и десять лет назад, после легкого удара, продал свои текстильные фабрики, выстроил в окрестностях Филадельфии загородную виллу, в стиле немец-

кого замка, и удалился на покой. Полсотни лет не сделали из Гане американца. Он остался немцем в своих вкусах, привычках, во всем. Дома с Иоганном он говорил только по-немецки. Настоящее имя Иоганна было Роберт, но Гане признавал для слуги только одну «кличку»: Иоганн, и, в конце концов, старый лакей сам забыл свое первое имя...

Как многие старые холостяки, Эдуард Гане был не чужд странностей. В домашнем быту он не признавал новшеств.

В его замке время, казалось, остановилось. Гане не выносил электрического света, который, по его мнению, портит зрение. Во всех комнатах горели керосиновые лампы, а в кабинете, на письменном столе, стояли свечи под зеленым абажуром. О радио старый Гане не мог слышать. «Довольно того, что через меня проходят радиоволны, — говорил он. — От них у меня усиливаются подагрические боли. Непременно надо будет сделать на крыше и стенах дома радиоотводы. Я не желаю, чтобы через меня проходили звуки какой-нибудь пошлой шансонетки». Гане не переносил также езды на автомобиле. В его конюшне стояла пара выездных лошадей, и в редкие посещения города он появлялся в старомодной карете, возбуждая удивление прохожих. Но эти выезды он совершал не более двух раз в год. Зато каждое утро, с немецкой пунктуальностью, Гане прогуливался по саду, опираясь на руку Иоганна.

И когда они шли так по усыпанной песком дорожке, рука об руку, с черными тростями в руках, незнакомый человек затруднился бы сказать, кто из них хозяин и кто слуга. За долгую совместную жизнь Иоганн как бы сделался двойником Гане, усвоив все его жесты и манеру держаться. Иоганн казался важнее, так как

он был старше и брился, как истый, американец, а у Гане были небольшие бачки. И только внимательный взгляд мог по костюму отличить хозяина: у Гане сукно было значительно дороже.

Иоганн очень любил эти прогулки. Неужели им должен прийти конец? Нет, этого не может быть. Никто лучше Иоганна не знает привычек Эдуарда Гане, никто не вынесет его старческого брюзжания.

Эта мысль несколько успокоила Иоганна, и он, с едва заметной улыбкой на высохших губах, но внешне покорно сказал:

— В таком случае, господин Гане, вам придется поискать мне заместителя... Молодой человек, конечно, справится лучше меня...

— Что-о? Молодой человек? Вы решили сегодня извести меня, Иоганн! Принесите мне кофе...

Иоганн бодрящейся походкой вышел, подергивая в коленях ногами. За дверью лицо его утратило каменное выражение. Он улыбнулся во весь рот, обнаружив искусственные зубы безукоризненной белизны. Иоганн попал в самое больное место Эдуарда Гане. Гане не выносил слуг вообще, а молодых — в особенности. В своей вилле он держал самое необходимое количество слуг: садовника, — он же был кучером, и повара-китайца. Обоим было по пятьдесят лет. Женской прислуги не было. Белье отдавалось в стирку на соседнюю ферму. Оттуда же приходила старая женщина, когда нужно было навести порядки в доме. Повар и садовник жили во флигеле, а Иоганн помещался в небольшой комнате, рядом со спальней Гане, готовый во всякое время дня и ночи прийти на зов хозяина.

II. Невероятное предложение.

После утреннего кофе, Эдуард Гане и Иоганн совершали обычную прогулку по саду. Опираясь друг на друга, как два старые, подгнившие дерева, они медленно шли по дорожке, от времени до времени отдыхая на удобных садовых скамейках.

— Вы предлагаете, Иоганн, нанять нового слугу, молодого. Разве год назад мы не сделали этого опыта? И что же? Я не знал, как отделаться от этого молодого человека. Правда, он не бил посуду и быстро попадал в рукава, одевая меня. Он не зацеплялся за ковры и не портил мне дорогих ковров, как вы, Иоганн...

Иоганн терпеливо ожидал, когда последует «но».

— Он все делал быстро и хорошо. Но ведь это же невозможные люди... современные слуги, молодые! Каждое слово обдумывай, чтобы не обидеть их и не нарваться на грубость. Лишний раз не позови. Ночью... у меня подагра разыгралась, зову его, а его и след простыл! Нет! Гулять отправился! Воскресенье придет — давай ему отпуск.... И чем все это кончилось? Нагрубил и ушел. Хорошо еще, что не зарезал, не ограбил... Присядем, Иоганн, у меня что-то нога... К дождю, вероятно...

И усевшись на скамью, Гане тяжело вздохнул:

— Нет больше хороших слуг, Иоганн. Умирает эта порода. Хороший слуга должен быть, как машина. «Сядь!» — Сел. — «Встань!» Встал. — «Поддай!» — Подал. И все молча, четко, ловко. И чтобы никаких там «сознаний личности», обид. Мало ли что старый человек сказать может, когда у него и тут ломит, и там болит?.. Нет, Иоганн, это не выход.

— Можно нанять постарше, — самоотверженно давал советы Иоганн, — так, лет пятидесяти, чтобы крепкий был, да только без молодого шала.

— Да где их достать таких? Такими дорожат. Ведь я бы вас не отпустил, Иоганн, когда вам было пятьдесят, если бы кто захотел переманить вас к себе. Так и каждый хозяин. Да и трудно привыкать к новому человеку, а ему — ко мне.

Оба замолкали, подавленные безвыходностью положения.

— Если женщину, постарше?

— Вы решительно хотите доканать меня, Иоганн. Неужели вы не знаете, что каждая женщина, поступая в услужение к старому, одинокому, богатому человеку, норовит прибрать его к рукам, женить на себе, вогнать в гроб и выйти замуж за молодого. Нет, нет, избави меня бог. Я еще жить хочу. Уж лучше с вами буду век коротать, Иоганн...

На душе Иоганна отлегло. Он не знал, что впереди предстоит новое испытание...

На нижней дорожке слышался скрип песка под чьими-то тяжелыми шагами. Иоганн и Гане насторожились. Гане не любил посетителей. И надо же было кому-то прийти во время прогулки! Дома можно не принять, а здесь он был беззащитен перед вторжением непрошенного гостя. Гане измерил расстояние до дома... Нет, не успеть дойти... Из-за поворота дорожки уже виднелась чья-то голова в котелке. Еще несколько шагов — и неизвестный предстал перед Гане. Это был плотный солидный человек, лет сорока, в безукоризненном костюме, с уверенными, корректными манерами.

— Могу я видеть мистера Эдуарда Гане, — спросил неизвестный, оглядывая сидящих и стараясь угадать,

кто из них Гане. Иоганн скромно опустил глаза, хотя, как всегда, он был польщен этим замешательством посетителя.

— Я Эдуард Гане. Что вам угодно? — спросил Гане, не приглашая незнакомца сесть.

Посетитель учтиво приподнял котелок и ответил:

— Джон Мичель, представитель электро-механической компании Вестингауз. Я осмелился побеспокоить вас, чтобы сделать вам очень интересное предложение...

— Если бы вы даже были представителем самого Форда, я не приму вашего предложения, — ворчливо перебил его Гане. — Ват уж десять лет, как я отстранился от всякой коммерческой деятельности и не желаю...

— Но я совсем не предлагаю вам вступить в дело, — в свою очередь перебил его посетитель. — Мое предложение совершенно иного свойства, и если вы будете любезны одну минуту выслушать меня...

Эдуард Гане беспомощно посмотрел на кусты роз, перевел взор на цветущие глицинии, окружавшие зеленым каскадом садовую беседку, и, наконец, возвел глаза вверх... Потом покосился на край скамейки и с зловещей любезностью сказал:

— Садитесь. Я вас слушаю.

Незнакомец притронулся к шляпе и с достоинством уселся на скамью. И тут... тут случилось чудо. Незнакомец заговорил и с первых же слов приковал внимание Гане и Иоганна к тому, о чем он говорил:

— Богатый, пожилой, воспитанный джентльмен не может обойтись без прислуги. Но как трудно в наш век найти хорошего слугу! Старые, преданные слуги, под влиянием неумолимого закона природы, все больше дряхлеют, — Джон Мичель выразительно посмотрел на

Иоганна, — а на смену их нет никого. Молодежь развращена профессиональными союзами, партиями, федерациями. Их требования, их капризы невыносимы. Притом, вы никогда не гарантированы, что один из таких молодчиков не перережет вам в одну прекрасную ночь горло и не убежит с вашими драгоценностями. Даже женщины не безопасны, в особенности — для старых холостяков. Наймешь какую-нибудь экономку, и не успеешь оглянуться, как окажешься у нее под башмаком.

«Что за чертовщина, — подумал Гане. — То ли он подслушал, то ли это в высшей степени странное совпадение»...

А Мичель продолжал свою загадочную речь:

— Да, о найме новых слуг приходится забыть. Но вместе с тем, и без слуг обойтись нельзя. Домашний уют пропадает. Везде пыль, по углам пауки ткнут паутину. Но это еще не все. Подумали ли вы, мистер Гане, о том печальном моменте, когда ваш старый слуга, — я не ошибаюсь, это он сидит с вами? — когда ваш старый слуга не придет на ваш зов потому, что он не в силах будет, от старческой слабости, подняться с кровати? И вы останетесь один, беспомощный и жалкий...

Думал ли об этом Гане! Эта мысль преследовала его по ночам, как кошмар. И Гане не один раз вызывал Иоганна ночью лишь для того, чтобы убедиться, что слуга еще может дотащиться до него, и с волнением прислушивался, как Иоганн, кряхтя и сопя, поднимал с кровати свое старое тело...

— Вам некому будет подать таз с водой, принести кофе, — продолжал терзать Гане посетитель. — Вы будете лежать в своей кровати, а пауки — отвратительные, мохнатые пауки — будут спускаться вам прямо на

голову, и обнаглевшие крысы начнут прыгать по одеялу...

Гане снял шляпу и отер платком лоб: «Это бред какой-то!..»

— Что же вы хотите, — спросил он с отчаяньем и тоской в голосе. — Зачем вы говорите мне все эти ужасы?

Мичель посмотрел на Гане уголком глаз и остался доволен наблюдением. Ключуло! Он как будто не слышал вопроса. Не спеша закурил сигару, окинул рассеянным взглядом сад и сказал:

— Хорошенькая у вас вилла. Уютный уголок. Здесь можно беспечально провести остаток жизни, если только...

— Я просил бы вас держаться ближе к цели вашего визита, — нетерпеливо сказал Гане.

— ...если только иметь хороших, надежных слуг, которые повинуются вашему голосу, немые, как рыба и послушны вам, как ваши собственные мысли, — закончил Мичель. И повернувшись к Гане, он сказал:

— Вот за этим самым я и пришел к вам. Я могу предложить вам.....таких идеальных слуг.

Разговор неожиданно был прерван появлением собаки — черного пинчера, выбежавшего из дома садовника. Собака быстро подбежала к Гане, но увидав чужого, заворчала и оскалила зубы.

Мичель опасливо поджал ноги.

— Джипси, на место! — прикрикнул Гане, и собака, с ворчаньем, улеглась под скамейкой.

Мичель поморщился.

— С детства не переносу собак, — сказал он. — Однажды от них я очень сильно пострадал. А других у вас нет?

— Только эта. Не беспокойтесь, она не укусит. Так вы говорили, что можете предложить мне идеальных слуг... Но, если не ошибаюсь, вы назвали себя представителем фирмы Вестингауз. И в то же время вы — комиссионер по найму слуг?

— В то же время и от той же фирмы.

— С каких это пор фирма Вестингауз...

— С тех самых, как она стала изготавливать слуг, идеальных слуг.

«Это какой-то сумасшедший», — подумал Гане, с новой тревогой поглядывая на посетителя.

Мичель заметил тревогу в глазах Гане, и с улыбкой ответил:

— Вас это, может быть, поразит, но это так. Фирма Вестингауз изготавливает механических слуг. Комбинация телефона с принципами беспроводного телеграфирования — только и всего. Ваше приказание передается вибрационной волной в девятьсот колебаний в секунду и даже в тысячу четыреста колебаний. Эти колебания воспринимаются особыми вилочками, вилочкаки переменяют пазы в машинном слуге, и он выполняет приказание. Я не буду утомлять вас техническими описаниями. Важно то, что механические слуги будут выполнять все ваши приказания.

— Что же они... в виде людей? — спросил Гане.

— Есть разные, — ответил Мичель. — Некоторые из этих механических слуг представляют собою просто скрытый аппарат. Довольно вам будет отдать приказ, и такой аппарат зажжет электрические лампочки, пустит в ход электрический веер, осветит комнату прожектором, зажжет сигнальную лампу, приведет в действие электрическую метлу или пылесос. Наконец, откроет вам двери. Довольно вам будет сказать, как в сказке из «Тысячи одной ночи», — «Сезам, откройся!»

— и дверь немедленно откроется, впустит вас и закроется за вами.

— Как в сказке?.. Гм!.. А вы знаете сами эту сказку? — спросил Гане.

— Признаться откровенно, забыл, — ответил Мичель.

— Если память не изменяет мне, — сказал Гане, — в этой сказке говорится об одном человеке, который, сказав эти слова «Сезам, откройся!» — вошел в пещеру, полную сокровищ, но войдя, забыл волшебное слово; каменные стены сомкнулись за ним; он не мог выйти обратно и был настигнут разбойниками...

— Значит, фирма Вестингауз усовершенствовала арабские сказки. Если вы забудете волшебное слово, вам довольно будет нажать электрическую кнопку, и дверь откроется. Этого, надеюсь, вы не забудете! Компания берет на себя полную гарантию за исправность своих механических слуг. Мы берем все расходы на себя и не удержим с вас ни одного доллара из задатка, если слуги не удовлетворяют вас. Разрешите принять от вас заказ?

— Так — сразу — я не могу решить. Для меня это слишком необычное предложение.

— Тогда мы сделаем вот как. Надеюсь, вы не откажете мне продемонстрировать некоторых из наших механических слуг. Это вам ничего не будет стоить.

— Я право, не знаю, что вам сказать...

Мичель, как будто дело было уже решенным, поднялся, откланялся и сказал:

— Завтра утром, с вашего разрешения, я буду у вас. — И он ушел, сопровождаемый лаем собаки, выскочившей из-под скамейки.

III. Испытания Иоганна еще не кончились.

В эту ночь Иоганн и его хозяин спали очень плохо. Предложение Мичеля было заманчиво, но Эдуард Гане боялся всяких новшеств. Страшные же картины одиночества пугали его еще больше. И когда он забывался в тревожном сне, ему казалось, что он лежит один, без слуги, пауки спускаются ему на голову, а по одеялу бегают крысы. Иоганна преследовали еще более страшные кошмары: в правый бок дул холодом электрический вентилятор, потом вдруг откуда-то выскакивала огромная механическая метла и выметала его из комнаты... Иоганн убежал от нее, но не мог открыть дверей и с ужасом кричал — «Сезам, откройся!..»

Утром после завтрака пришел Мичель с рабочими, которые принесли ящики с механическими «слугами» и принялись за работу.

— Будьте добры познакомить меня с расположением вашего дома, — сказал Мичель, обращаясь к Гане.

— Из этой гостиной, — объяснял хозяин, — дверь ведет в мою спальню. В правой стене спальни — дверь в кабинет, а в левой — две двери: одна — в комнату Иоганна, а другая — в ванную.

— Прекрасно. С этих дверей мы и начнем электро-механизацию вашего дома. К вечеру все будет готово.

В то время, как рабочие снимали двери и вделывали в стены механизмы, Мичель объяснял назначение других аппаратов:

— Вот этот ящик на колесиках, с круглой щеткой на конце, и есть механическая метла. Вы ставите ее вот так, поворачиваете вот этот рычажок — и метла готова для работы. Скажите ей — «Мети!»

— Мети! — визгливо крикнул Гане взволнованным голосом. Но метла не двигалась.

— Ее механизм реагирует на более низкие колебания звука, — объяснял Мичель. — Нельзя ли взять тоном ниже.

— Мети!..

— Еще ниже.

— Мети! — пробасил Гане. И метла пришла в действие. Колесики ящика закрутились вместе со щеткой в виде вала, и механическая метла прошла по большой комнате, как трактор по полю, осторожно обходя препятствия, дошла до конца стены, сама повернула обратно и пошла по новой полосе...

— Под щеткой находится пылесос. Таким образом, вся пыль собирается внутри ящика и потом выбрасывается, — продолжал объяснения Мичель.

Метла вымела уже половину комнаты, когда произошло маленькое происшествие. В комнату вбежал Джипси и отчаянно залаял на метлу. В тот же момент колесики метлы заработали с необычайной быстротой и метла, как бы спасаясь от собаки, начала, выписывая восьмерки, метаться по комнате, преследуемая собакой. Иоганн и его хозяин, стоявшие посередине комнаты, от ужаса перед столкновением с взбесившейся метлой, сразу помолодели на сорок лет, и начали с неожиданной быстротой увертываться от механического врага. Несколько раз метла едва не налетела на них, но они, делая прыжки, достойные Дугласа Фербэнкса, спасались. Однако, неожиданным поворотом метла задела Иоганна, он упал на пол, растянувшись во всю длину своего долговязого тела, и метла проехала через него — впрочем, без особых повреждений. Она лишь задрала фалды его фрака, вычистила попутно спину и подняла вверх волосы на затылке. С этой необычайной прической он поднялся с пола и бросился к дивану, где уже стоял его хозяин.

Метла, преследуемая собакой, начала метаться по комнате...

На повороте она задела Иоганна...

А Мичель, размахивая руками, гонялся следом за собакой и неистово кричал:

— Уберите собаку! Уберите собаку!..

Приключение окончилось так же неожиданно, как и началось. Метла, изменив фигуру восьмерки на круг, промчалась вокруг комнаты и остановилась.

Мичель вытер лоб и сказал, обращаясь к Гане.

— Мне очень неприятно, но здесь во всем виновата собака. Дело в том, что механизм метлы, как я уже сказал, реагирует на звуки. Собачий лай, заставив вилочки вибрировать слишком сильно, вызвал все эти неожиданные явления. Придется удалить собаку. Что же касается метлы, то исправления сейчас же будут сделаны.

Монтер подошел к метле, открыл дверцу ящика, повозился несколько минут, и метла была вновь в полной исправности. Иоганн увел собаку и запер ее в дальней комнате, а успокоившаяся метла благополучно домела комнату.

— Видите, как это удобно, — говорил Мичель. — Ваш верный, старый Иоганн будет управлять механическими слугами, и с их помощью еще долго будет служить вам...

Хитрый Мичель считал нужным задобрить Иоганна, основательно опасаясь его влияния на хозяина.

Над кроватью и письменным столом Гане были сделаны электрические вентиляторы, которые начинали работать по одному словесному приказу.

К вечеру все было готово.

Эффект самооткрывающихся дверей так понравился Гане, что заставил его забыть неприятный случай с метлой.

— Присмотритесь к вашим механическим слугам, — сказал на прощание Мичель. — И когда вы привыкнете к ним, я уверен, что они станут для вас совершенно необходимыми. Вы будете удивляться, как могли жить без них раньше. Я навещу вас через несколько дней...

И уже у двери он еще раз напомнил о необходимости убрать из дому собаку:

— Только в этом случае я могу отвечать за исправность механизмов!

Предубеждение Гане перед новшествами было сломлено неоспоримыми преимуществами новых механических слуг. Когда Мичель и рабочие ушли, он занялся испытанием:

— Мети! — приказывал он метле, и метла безукоризненно выполняла свою работу.

— Вентилятор! — говорил он, обращаясь к небольшим пропеллерам, установленным над кроватью. И вентиляторы, для которых был проведен электрический ток из флигеля, — начинали с усыпляющим, тихим шумом свою освежительную работу.

Но двери особенно восхищали Гане. До позднего вечера он ходил из комнаты в комнату и, останавливаясь перед закрытыми дверьми, повторял.

— Сезам, откройся!

И двери, послушные его голосу, бесшумно открывались и медленно закрывались за ним:

— А ведь, это, действительно, как в сказке! — говорил восхищенный Гане. — Мичель не обманул. Как вы полагаете, Иоганн?

— Да, это неплохо, господин Гане! — Старый Иоганн говорил искренне. Он уже примирился с вторжением в дом механических слуг. Облегчая его работу, они не угрожали ему лишением места. «Приносить кофе и попадать в рукав они все-таки не могут!» — думал Иоганн, обрадованный тем, что механические слуги все же не могут вполне заменить живого человека. Он не знал, что его испытания еще не кончились...

Вечером, улегшись в кровать, Гане заставил вентиляторы освежить его нежной струей воздуха и, засыпая, сказал:

— Теперь, по крайней мере, пауки не угрожают мне...

IV. Механические слуги.

На третий день, когда Гане только что окончил завтрак, послышался шум автомобиля.

Иоганн выглянул в окно и увидел, что к дому подъезжает на автомобиле Мичель в сопровождении грузо-

вика. На грузовике были уложены длинные ящики, напоминающие гробы. Почему-то эти ящики взволновали Иоганна — быть может, напоминанием о смерти, которое никогда не покидает старого человека.

— Мичель приехал, — доложил Иоганн.

Быстро отдав распоряжение слугам, Мичель вошел в комнату с развязностью друга дома:

— Как поживают наши механические слуги? Вы довольны ими?

— Да, благодарю вас, я вполне доволен ими, — ответил Гане.

— Ну, а я не вполне, — ответил Мичель, весело улыбаясь.

— Не угодно ли чашку кофе, мистер Мичель. Чем же не удовлетворяют вас механические слуги? — спросил Гане.

— А вот чем, мистер Гане. Они имеют слишком ограниченный круг работ. Узкие специалисты, так сказать. Они не могут помочь вам одеться и не подадут вам кофе.

У Иоганна от этих слов что-то повернулось в груди. Неужели Мичель... Иоганн не успел додумать свою мысль, как Мичель подтвердил его опасения.

— Я не хотел пугать вас слишком необычайными новшествами, — продолжал Мичель. — Все эти «Сезамы» и механическая метла — детский лепет по сравнению с последними изобретениями компании Вестингауз. Я привез вам пару настоящих механических слуг. Они будут выполнять все ваши приказания, повинаясь вашему слову...

Иоганн крикнул. Руки его задрожали, и поднос выпал из рук.

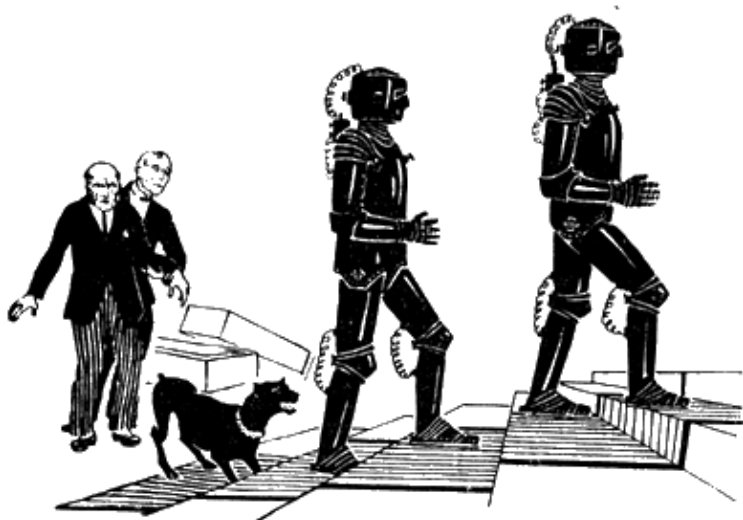
— Не пугайтесь, Иоганн, — обратился к нему Мичель. — Вы все же будете необходимы. За механиче-

скими слугами нужен некоторый уход и присмотр. Вы только повисите в чине и будете мажордомом. А слуги станут выполнять за вас всю работу, которая вам не под силу. Не угодно ли взглянуть?

Мичель, Гане и Иоганн вышли из дома. Рабочие уже сняли гробоподобные ящики, положили на землю и вскрывали крышки.

Со смешанным чувством страха и любопытства Гане заглянул в ящики и увидел двух железных истуканов, напоминающих рыцарей, закованных в латы с ног до головы. Сочленения этих истуканов были соединены спиральными пружинами.

Рабочие взяли за затылки этих мумий и подняли их несгибающиеся тела. Мичель подошел к «слугам» и ударил черной тростью по их лицам, издавшим металлический звон. Затем «слуг» поставили у подножья лестницы, ведущей в дом. Мичель подошел к ним и, осмотрев маленькие выключатели, находившиеся на затылках «слуг», повернул их.

С глухим треском колени «слуг» изогнулись, и «слуги» начали взбираться по лестнице..

Произошло чудо. С глухим щелканьем и треском, колени «слуг», изогнулись — и «слуги» начали взбираться по лестнице в дом. Но в этот момент опять откуда-то появился Джипси. С громким лаем, наскакивая и отлетая, он начал хватать одного «слугу» за ногу. И «слуга» вдруг дернул ногой и остановился.

— Уберите собаку! — закричал неистово Мичель.

Садовник схватил лающего Джипси и унес к себе. После этого «слуги» без остановки взойшли по лестнице, дойдя до стены вестибюля, они повернулись и вошли в гостиную.

— Стойте! — крикнул Мичель, следовавший за ними.

Слуги остановились.

— Вперед десять шагов! Поворот направо! Наклонитесь! Возьмите! Назад! Стойте! — командовал Мичель.

«Слуги» выполняли все приказания. Они прошли через комнату, повернули к столику. Нагнувшись, осторожными движениями взяли со столика лежавшие альбомы и принесли их Мичелю.

Гане был поражен, Иоганн потрясен.

— Видите, как это просто. Все, что вы не прикажете им, они выполнят. Причем, довольно лишь раз приказать им исполнить что-либо, например, сходить в буфет и принести закуску, как они будут делать это по одному приказу: «закуску!» или «кофе!». Иоганну останется только командовать ими, да от времени до времени смазывать механизм.

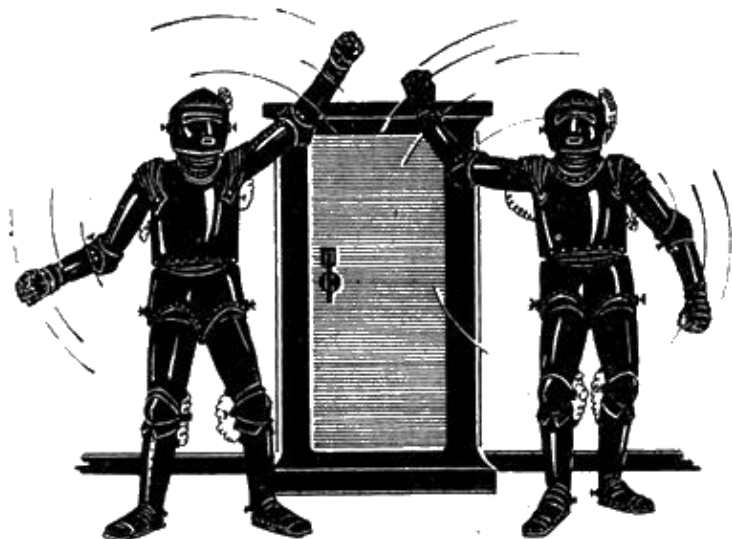
И обратившись к рабочему, Мичель сказал:

— Дайте масленку. Благодарю вас. Подойдите сюда, Иоганн и смотрите внимательнее.

Обратившись к «слугам», Мичель приказал:

— Нагнитесь!

«Слуги» нагнулись.

– Тревога! – крикнул Мичель, и «слуги» заработали руками с необычайной быстротой!..

– Видите, Иоганн, маленькую дырочку в темени? Сюда пускайте масло. Механических слуг тоже надо кормить. Берите масленку. Да не бойтесь. Отчего у вас так дрожат руки?

У Иоганна, действительно, дрожали руки, и он никак не мог попасть в дырочку.

– Ничего, привыкнете, – ободрял его Мичель. И он продолжал демонстрировать механических слуг, заставляя их проделывать всевозможные вещи. «Слуги» убирали в комнате, приносили вещи, сняли с Мичеля смокинг и вновь надели. Все это они выполняли с безукоризненной точностью.

– Они не только прекрасные слуги, но и незаменимые сторожа. Разрешите перейти в кабинет.

И не дожидаясь ответа, Мичель сказал «слугам»:

– Идите за мной!

Гане был так поражен, что лишился воли, и сам шел следом за Мичелем, как механический слуга... Мичель прошел в кабинет и поставил слуг около несгораемого шкапа. Отойдя в сторону, он крикнул.

— Тревога!

В тот же момент слуги заработали руками с необычайной быстротой.

— Всякий бандит, который осмелится подойти к шкапу, будет убит и превращен в лепешку этими стальными рычагами! Хорошо? — спросил Мичель, обращаясь к Гане.

— Даже слишком, — ответил побледневший Гане.

— И в то же время, они кротки, как голуби. Попробуйте сами приказать им.

— Нет, знаете, мне не надо этих слуг, — вдруг решительно заявил Гане. — Это слишком необычайно. И потом, что если эти слуги взбесятся, как взбесилась ваша механическая метла? Ведь от них спасения не будет!

— Исключена всякая возможность, — быстро ответил Мичель. — Довольно вам сказать «стоп»! — и их механизм парализуется.

За окном послышался шум отъезжавшего грузовика. Гане с беспокойством посмотрел в окно и сказал:

— Позвольте, куда же он уезжает? Я не хочу механических слуг. Пусть рабочие увезут их обратно...

— Простите, но я был так уверен в том, что «слуги» понравятся вам, что распорядился не ожидать меня... Впрочем, это можно исправить, если не хотите...

И подойдя к окну, Мичель закричал:

— Эй, эй, вернитесь!

Но грузовик уже завернул за угол и скрылся.

— Не слышат! Уехали... Ну, ничего, я приеду за ними завтра. Хотя надеюсь, вы за день настолько при-

выкнете к ним, что сами не пожелаете вернуть их. Позвольте попроситься с вами. Мне нужно еще доставить пару слуг на виллу Мансфельда. И пожалуйста, не беспокойтесь. Все будет прекрасно...

— Но как же так?..

Приветливо кивнув рукой, Мичель выбежал из комнаты.

— До завтра! — крикнул он из автомобиля — и уехал.

Эдуард Гане и Иоганн остались одни, со страхом поглядывая на металлических истуканов, стоявших у несгораемого шкапа.

— Вот так история, — топотом сказал Гане, опасаясь, как бы звук его голоса не привел в движение механических слуг. Сделав знак рукой, Гане на ципочках подошел к закрытой двери и негромко сказал:

— Сезам, откройся!

Дверь отворилась. Гане и Иоганн выскользнули из кабинета в спальню. Дверь закрылась за ними. Оба вздохнули с облегчением.

— Только бы они не вышли оттуда, — опасливо сказал Гане тихим голосом. Он с ужасом вспоминал металлические руки, вращающиеся, как крылья мельницы. — Неприятная история...

— А что, если бы их выгнать оттуда, — предложил Иоганн.

— Но как? — с тоскою спросил Гане.

— Мы вот что сделаем, — сказал, подумав Иоганн. — Вы, господин Гане, пройдете вверх и запретесь на ключ. В верхних комнатах двери без всяких сезамов. Старый ключ будет надежней. А я пройду со двора и крикну этим идолам из окна, чтобы они убирались отсюда к чорту.

— Что же, попробуем, — согласился Гане.

Он заперся наверху, а Иоганн, выйдя из дома, крикнул через окно:

— Сезам, откройся! — Когда дверь из кабинета в спальню открылась, он крикнул вторично:

— Вперед десять шагов!.. Шагом марш!.. Уходите отсюда!

Но «слуги» стояли неподвижно.

— Пошли вон! Убирайтесь!

«Слуги», по-прежнему, не двигались, стоя у шкапа, как рыцарские доспехи. А двери в это время уже закрылись, и Иоганну пришлось вновь повторять «сезам, откройся». Он изменил тон, кричал во все голоса то басом, то фистулой — все напрасно. «Слуги» окаменели. Иоганн просил, умолял их; наконец, начал ругаться. Но разве сталь проберешь ругательствами!..

В полном отчаяньи явился он к Гане:

— Не уходят...

Гане сидел в кресле, опустив голову. У него было такое чувство, как будто в его дом ворвались разбойники и заперли его в верхней комнате. Но что могло произойти со слугами?..

Гане хлопнул себя по лбу.

— Все это очень просто, — сказал он, повеселев. — Мичель, объясняя, сказал в присутствии слуг «стоп»! Это слово парализовало их механизм. Они, кажется, в самом деле вовсе не опасны нам...

Гане осмелился даже спуститься в нижний этаж и пройти в свою спальню. Но вечером, ложась спать, он заставил Иоганна принести из гостиной столы, диван и стулья и забаррикадировать ими дверь из кабинета.

— Так будет спокойнее, — сказал он, укладываясь в кровать. — А вы, Иоганн, на всякий случай, останьтесь сегодня со мною. Можете прилечь на этом диване.

Иоганну совсем не улыбалось провести ночь на баррикадах, но он улегся без возражения, по привычке повиноваться...

Вечером, ложась спать. Гане наставил Иоганца забаррикадировать дверь из кабинета...

V. Ночь кошмаров.

Это была самая беспокойная ночь за всю долгую совместную жизнь Иоганна и его хозяина. Старикам не спалось. Им чудились какие-то шорохи в кабинете... В тревожном сне их преследовали кошмары — стальные люди хватали и били их железными руками...

Незадолго перед рассветом Иоганн разбудил дремавшего хозяина:

— Господин Гане... господин Гане!.. в кабинете что-то творится неладное...

Гане проснулся, вскочил с кровати и прислушался. Да, это не обман слуха: из кабинета, действительно, доносились заглушенные звуки, тихий треск, удар металлического предмета о ковер, и потом шипенье...

— Ожили! — с ужасом прошептал Иоганн. Его челюсти выбивали дробь, а руки тряслись так, что он не мог стянуть с себя одеяла.

Похолодевшие от страха старики сидели несколько минут неподвижно, не будучи в силах сделать ни одного движения.

В кабинете шум усилился. Что-то упало и с грохотом покатило по полу. Это переполнило границу страха. Гане вдруг подбежал к двери и закричал испуганным голосом.

— Сезам, откройся!!

Но дверь не открывалась.

— Сезам, откройся! — эхом повторил Иоганн. И они пищали, ревели, кричали у двери, стараясь извлечь из своих старых глоток всю гамму звуков человеческого голоса, чтобы пробудить какие-то неповинующиеся вилочки в механизме дверей. Но все было напрасно. Страшная сказка «Тысяча и одной ночи» претворялась в действительность. Им казалось, что двери из каблине-

та дрожат под напором чьих-то тел... Еще минута, и оттуда вырвутся сорок разбойников и растерзают их старые тела...

Последнее, что слышал Иоганн, это был визгливый лай Джипси, изгнанного на ночь из дома. Потом все замолкло... Иоганн и его хозяин потеряли сознание...

Когда они пришли в себя, уже рассвело. С радостным удивлением они убедились в том, что живы и невредимы. Дверь в кабинет была закрыта и баррикада из стульев, столов и дивана ненарушима. Иоганн нажал на дверь в гостиную ручкою, и, к его удивлению, дверь открылась. Они были свободны. Иоганн разбудил садовника и повара. Но никто из них не решился войти в кабинет.

— Вызовите полицию, — сказал Гане.

Садовник отправился во флигель и по телефону сообщил в ближайший полицейский участок. Через полчаса послышалось трещанье мотоциклетов. На этот раз Гане не возражал против технического прогресса. Неприятный шум мотоциклета показался для него райской музыкой.

Полисмены открыли дверь кабинета. На полу лежали поверженные кем-то металлические слуги. Дверцы несгораемого шкапа были открыты... Все драгоценности исчезли...

Присутствие полиции придало Гане смелости. Он вошел в кабинет и, глядя на лежащих «слуг», сказал прочувственно, как будто он обращался к трупам:

— Я был не прав к ним. Я боялся их, а они погибли на посту, охраняя мое имущество от воров, которые, очевидно, проникли через окно...

Но ему недолго пришлось оплакивать «верных слуг». Полицейские довольно бесцеремонно подняли «трупы», осмотрели их и нашли, что от механических

слуг остались одни пустые оболочки!..

Гане сразу стало все ясным! Мичель сыграл с ним плохую шутку. Под видом механических слуг, он поместил в металлические футляры своих сообщников. Бандиты ночью вышли из металлических футляров, расплавили шкаф, похитили драгоценности и удрали через окно. Вот почему Мичель так опасался собаки...

— Господин Гане, вас хочет видеть агент компании Вестингауз, — сказал Иоганн, заглядывая в кабинет.

— Что, Мичель? Очень кстати!

И обращаясь к полисмэну, Гане торопливо проговорил:

— Арестуйте скорее этого бандита!

Полицейские и Гане вышли в гостиную. Там стоял русоволосый молодой человек с бумагой в руке. Он с недоумением посмотрел на полицейских и, учтиво поклонившись Гане, сказал:

— Здравствуйте, мистер. Я пришел, чтобы произвести с вами расчет за установку механических слуг...

— К чорту механических слуг! — взревел Гане. — Пусть лучше пауки падают на голову и крысы бегают по одеялу! Вы с Мичелем и механическими жуликами обобрали меня! Арестуйте этого человека!

— Я не знаю Мичеля. Это какое-то недоразумение. Ваш управляющий заказал у нас механическую метлу, вентиляторы и «сезамы». Вы приняли заказ и расписались. Вот счет...

— А это? — продолжал волноваться Гане;— Пожалуйте сюда, молодой бандит!

И пригласив следовать за собой, Гане провел молодого человека в кабинет и показал на лежавших «слуг».

Агент Вестингауза посмотрел, пожал плечами и сказал:

— Наша фирма не вырабатывает таких кукол.

Гане продолжал бесноваться, но тут вмешался полисмэн. Он поговорил с молодым человеком, посмотрел на счет, проверил полномочия и сказал, обращаясь к Гане:

— Мне кажется, мистер Гане, что молодой человек не причастен к преступлению. Мы расследуем это дело. Мичель, по-видимому, сделал от вашего имени заказ у Вестингауза только на метлу, вентиляторы и «сезам». Эти же футляры «лакеев» он изготовил сам, и в них ввел в ваш дом своих сообщников. Это, конечно, стоило ему денег, но расходы, вероятно, окупилась. Сколько у вас было денег в шкапу?

— Всех ценностей на сто тысяч с чем-то долларов...

— Ну, вот видите, хороший куш! По всей вероятности, злоумышленники убежали бы в своих железных оболочках, чтоб еще раз использовать их, если бы что-нибудь не заставило их поторопиться...

— Собака подняла лай! — вставил слово Иоганн.

— Но «сезам» тоже участвовал в заговоре, — упорствовал Гане. — Почему все двери перестали открываться в момент грабежа?

— Может быть, вы слишком сильно крикнули от испуга «сезам откройся!», и тем испортили механизм, — высказал предположение агент. — Наши аппараты рассчитаны на известную силу и высоту тона...

Это объяснение — Гане не мог не сознаться — было похоже на правду. Он не кричал, а рычал, вопил на непослушные двери.

— Мистер Штольц, — сказал полисмэн, обращаясь к молодому человеку. — Я не арестую вас, но все же прошу следовать за мной. Мне необходимо выяснить все обстоятельства дела.

Полицейские, забрав металлических слуг, как вещественное доказательство, удалились вместе с агентом.

Эдуард Гане остался один со своим слугой.

— Я еще не пил кофе, — сказал устало Гане.

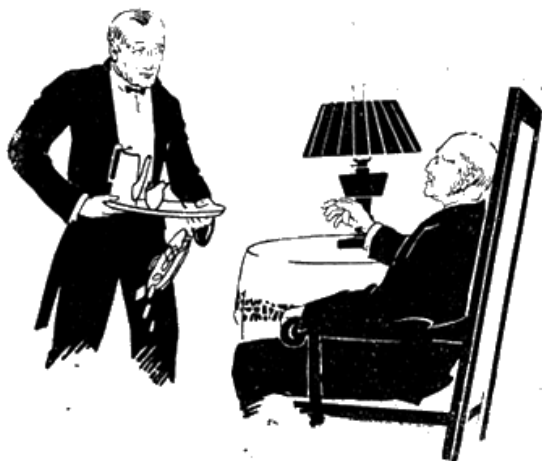
— Сию минуту, сэр, — ответил Иоганн, семеня к буфету.

От всех волнений ночи у Иоганна дрожали руки сильнее обычного и, подавая кофе, он уронил сухарницу.

— Ничего, Иоганн, не расстраивайтесь, это с каждым может случиться, — ласково сказал Гане.

И отпив дымящегося кофе, он задумчиво добавил:

— Сезамы, вентилятор и механическую метлу мы, пожалуй, можем оставить, Иоганн. Это — полезное изобретение. Оно облегчит ваш труд. Эти настоящие вестингаузовские механические слуги имеют, на мой взгляд, лишь один недостаток: они не переносят лая и приказаний в повышенном тоне. Но с этим уж ничего не поделаешь. Такой теперь век...

Э. ИНГОВОР

ЭНРИК - 9

Отрывок из научно-фантастического романа
«Этландия»

Журнал «Знание-сила», № 3, 1937 г.

Инженер Энрик Куарт хотел подняться на чердак, когда в комнату вошла его жена Мария. Она сделала несколько шагов и бессильно остановилась, прислонив голову к стене.

Большие серые глаза Марии были наполнены слезами.

— Почему я должна переносить столько оскорблений?! Она выгнала меня вон из лавки и кричала на всю улицу: «Если ваш муж не заплатит мне долга... я вас обоих засажу в тюрьму!..» Там собралась целая толпа. И все смотрели на меня... Ну, скажи, за что это?

— Мария!

— Я ведь молчу, когда я голодна... Но когда меня каждый день оскорбляют... Почему? Ведь я не виновата, что у тебя нет денег. Я ведь не виновата? Нет, нет. Я больше не буду плакать. Это мешает тебе...

Куарт сбежал с лестницы.

— Родная! Закрой уши и глаза на три дня... Только три дня — и муки кончатся. Я достану денег.

— У меня нет сил.

— Я скажу тебе... Я нашел то, что искал. Я заканчиваю. Сегодня, в три часа ночи он придет сюда...

— Придет?

— Придет. Ложись, спи. Я разбужу тебя. Ты голодна. Спи, так легче... Я пойду работать.

В кресле спала Мария. Куарт тихо шагал по комнате. Часто останавливался, прислушивался и смотрел на часы...

Без пятнадцати...

Куарт вытащил браунинг. Смотрел на него, слушая ход часов. Перевел гашетку на «огонь» и спрятал браунинг в карман.

— Без десяти...

Тишина. Спят дома, города. Мир спит. 27 ноября... может войти в историю как дата переворота. Может войти, как дата в журнале морга. Выстрелы не разбудят мира. Дома будут спать. Улицы — мокнуть.

Мария проснулась.

— Энрик! Ты что?

— Жду.

— Сколько времени?

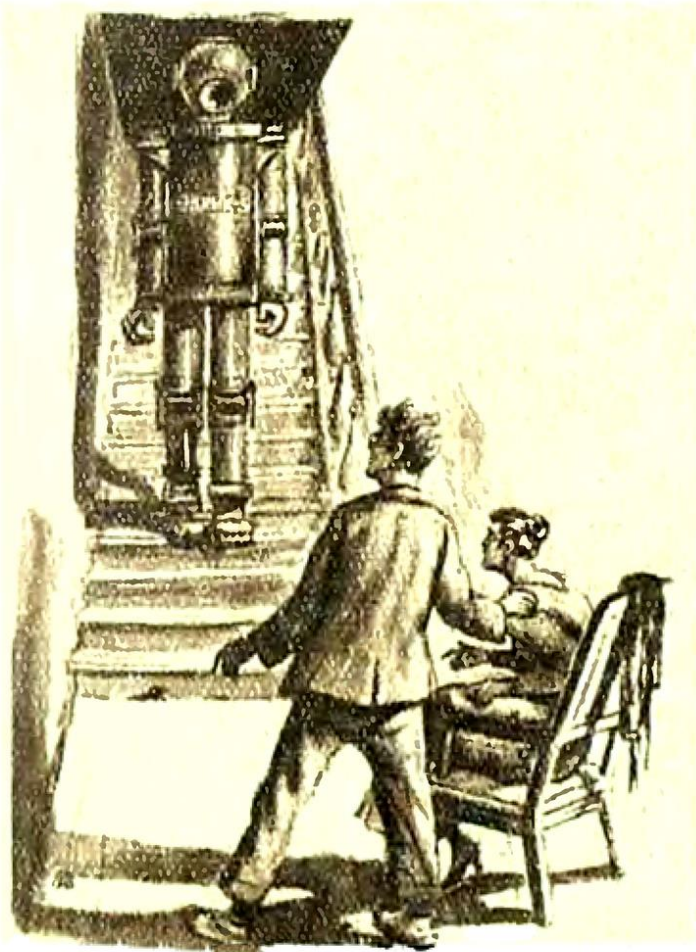
— Без пяти три...

— Значит, сейчас придет?

— Четыре минуты... Я не мог ошибиться, Мария! Милая, пойми только: девять неудач, девять крушений... Три минуты... Но ведь часы могли отстать? Значит, уже три часа... и тихо... тихо... Слушай, не дыши...

Несколько минут в комнате, где замерли двое, царит пустая тишина. Где-то далеко в квартире застуженным звоном бьют часы. Три часа ночи. Энрик Куарт вскакивает, делает шаг к лестнице. Наверху, на чердаке, раздается шум. Шум длится мгновение и обрывается. Энрик бросается к лестнице, виснет на перилах... Достает браунинг, прячет за борт пиджака, идет к поникшей в кресле Марии. Он уже подошел к креслу. В этот миг наверху раздаются тяжелые шаги. Оба вскакивают. Шаги приближаются. И Куарт шепчет:

— Идет...

**По лестнице спускается огромная метал-
лическая фигура.**

Оба впиваются глазами в люк, ведущий на чердак. Шаги гремят, откликаются эхом по комнате. Открывается люк, и медленно, тяжело по лестнице спускается огромная металлическая фигура. Она ступает по лестнице, идет вниз, лязгая железом. На середину комнаты выходит механический человек, останавливается и хриплым криком произносит:

— Здравствуйте, инженер Куарт!

И Куарт, в слезах, кричит на всю затхлую мансарду, на весь прогнивший дом:

— Здравствуй, Энрик-9! Ты принес мне жизнь!..

Явление миру Энрика-9 в «Клубе изобретателей» должно было начаться с доклада инженера Куарта и демонстрации способностей автомата. У Куарта не было денег, чтобы нанять грузовую машину и перевезти свое детище в лекционный зал. Инженер хотел пустить автомат пешком, но подумал, что это соберет такую толпу, что едва ли доберешься на лекцию... Вернее всего, попадешь в участок.

После долгих упрасиваний Марии владелица бакалейной лавки смилостивилась и дала на вечер свою ручную тележку.

Уложив в разобранном виде Энрика-9, Куарт взялся за ручку тележки и, тяжело упираясь ногами, зашагал по мостовой.

В зале была горсточка людей. Хмурый старик, принесший графин с водой на эстраду, шепнул сочувственно Куарту:

— Люди теперь слабо стали интересоваться наукой, господин лектор... Их интересуют больше кассы пособий...

Нужно было начинать. Сердце Куарта забилося. Ему стало стыдно за свои дрожащие руки.

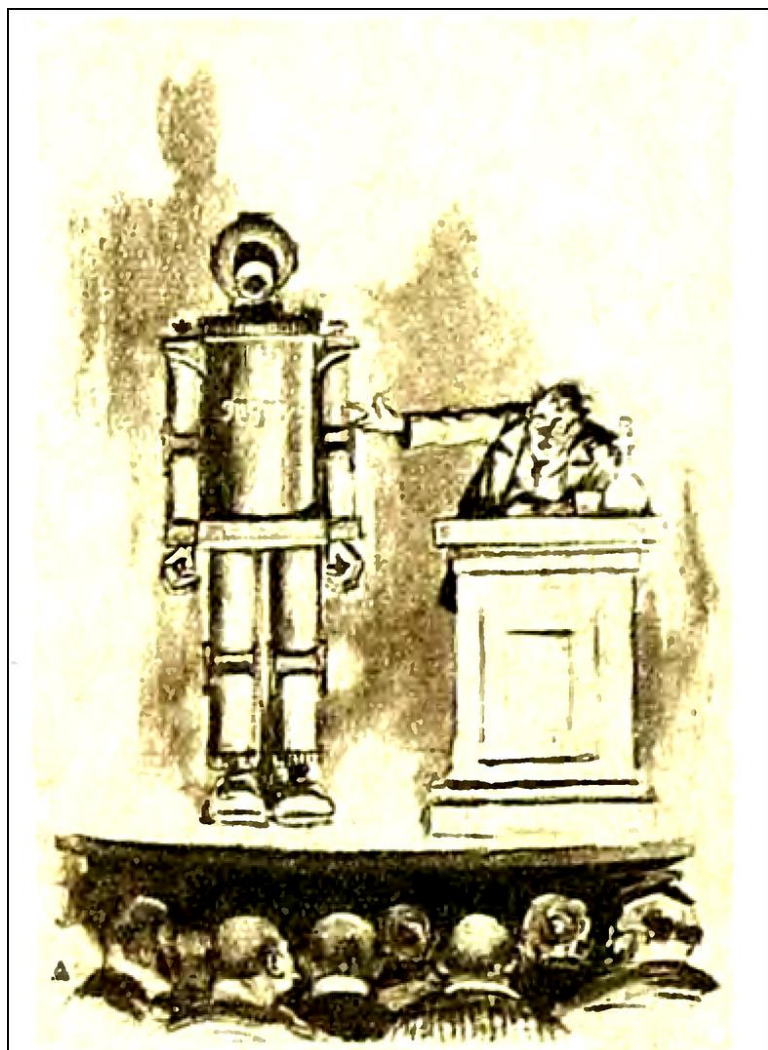
Энрик-9 был непоколебимо спокоен. Конструктору хотелось стать таким же холодным, как его автомат, но это не удавалось.

На эстраде стоял автомат Энрик-9. Стальные цилиндры его рук и ног сияли под огнями рампы.

Круглый стальной барабан его торса покоился на двух трубах ног, оканчивавшихся тяжелыми, как у водолазов, подошвами. На сложный механизм рук были надеты стальные цилиндры рукавов, заканчивавшиеся гибкой перчаткой суставов-крючков. Над торсом покоилась безглазая голова с небольшим рупором вместо рта.

Энрик-9 своим обликом не рождает улыбки. Он был страшен и суров. На его металлической груди выделялась белая надпись: «Энрик-9». Бледный, щуплый, с детски застенчивыми глазами, инженер стоял рядом со своим неуклюжим, угрюмым детищем, волновался, часто снимал очки, ерошил волосы и путанно заканчивал объяснения конструкции автомата:

— ..силой, приводящей в движение автомат, является электрическая энергия. В отличие от андроидов и автоматов семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого веков, приведшихся в движение пружинами часовых механизмов, являвшихся «механическими людьми», Энрика-9 можно назвать «электрическим человеком»... При работе автомата в шахтах, у конвейеров, питание также производится электрической энергией. На горных разработках, в полях и в ряде случаев, когда трудна проводка, автомат работает на аккумуляторах, расположенных в его спине. Электромотор мощностью в двенадцать лошадиных сил, приводящий в движение автомат, находится в барабане

На его металлической груди выделялась
белая надпись: «Э и р и к-9».

его груди... В ряде производственных процессов нужна большая устойчивость автомата. Мне пришлось много поработать в поисках конструкции гироскопа-стабилизатора, благодаря которому автомат быстро обретает потерянное равновесие. Его трудно опрокинуть.

Кварт с силой толкнул несколько раз Энрика-9, — тот, отклонившись, медленно возвращался в прежнее положение.

— Сердцем, мозгом «электрического человека» является ряд реле, состоящих из катушек, втягивающихся сердечников и контактов. Чтобы было яснее: весь процесс, — допустим, загрузки углем печей, — разложен на ряд движений. Каждое реле, сработав, замкнув цепь движения, включает автоматически следующее. Реле воспроизводят рабочий процесс без участия в нем человека... Мысли, чувства, бродящие в работающем человеке, рождают случайности, ошибки; мешают четкости и гибкости производственного процесса. Нужен приход холодного, выверенного до мельчайших колебаний автомата, и не только это. Энрик-9 пришел, чтобы освободить усталого, измученного человека... Создавая его, я часто видел перед собой древнюю Элладу. Я видел лазурь неба и торсы Праксителя. В древней Греции существовали рабы. На них была взвалена работа, тягучий труд... Аристотель определил два вида орудий производства: *organa apsycha* — неодушевленные орудия, и *organa empsycha* — одушевленные орудия, рабы. Человек, владевший «одушевленными орудиями», был свободен от изнурения. Я создал раба современности. Он железный. Его мускулы, кости рондились на кальке чтотежного стола. Я создал железного раба, «одушевленное орудие». Я верю, что эпоха эксплуатации человека человеком умирает. Да здравствует эксплуатация железных рабов!..

Публика зевала. Двое поднялись и ушли. Он посмотрел на Марию, сидевшую во втором ряду. Ее глаза были полны сострадания и жалости: ей было стыдно за него, за то, что приходится что-то доказывать жалкой горсточке людей, по одному покидающих зал; было смешно, когда Куарт почти театрально кричал перед тупыми, сонными лицами бакалейщиков, коммиссионеров и лавочников: «Долой эксплуатацию человека человеком! Еще смешнее были слова об Элладе, Аристотеле, *organa empsycha* перед людьми, которые сидели и думали: какой недуг затянул их на лекцию вместо пивной или кино?..

Голос Куарта упал.

— Может, это неясно?.. Представьте себе... мир. Мир наполнен железными рабочими. Они заполняют пашни, заводы, шахты. Каждый купит себе железного раба, и он будет за него работать. Вот такого раба. Но это — в будущем. Сейчас он еще неуклюж, но уже кое-что умеет делать... Он может быть шахтером...

Куарт включил Энрика-9, и тот, шагая, нагибаясь, стал производить движения забойщика с киркой. На ходу Куарт переключил автомат, меняя характер его движений.

— ...молотобойцем... кочегаром... Надо спустить его в штреки, отравленные газамн. Пора вытащить живых людей на воздух. Пусть под землей останутся только стальные автоматы. Мы можем поставить его у конвейера, пресса, топки. Я видел конвейеры Форда, — там живого человека превращают в бездушный автомат. Это ужас! Эте позор! Позор для всего человечества! Надо автомат превращать в рабочего, а рабочего — в человека. Я даю вам оружие... В Энрика-9 я вложил много лет напряженнейшей работы, все свои средства и надежды... Не задумываясь, я вложил всего себя...

Ибо передо мной была большая цель — раскрепостить человека от непосильного труда, освободить его мысль. И вырвавшаяся мысль затопит мир своей мощью и переделает его. Не пугайтесь, я не фантаст. Конечно, освобождение придет не сразу. Сейчас около автоматов в топках пароходов, у доменных печей будет еще долго стоять и живой человек. Да. Он будет регулировать: «Бросай ниже», «Чуть выше», «Вверх». У живых людей будет одна профессия — управляющих автоматами. Автоматы типа «Энрика-9» будут иметь различные профессии. «Автомат-кочегар» — типовые движения такие-то. «Автомат-шахтер»... Потом мы создадим универсальный тип... Огромные, кипящие работой цеха, в которых нет ни одного живого человека! Одни потомки Энрика-9. Вот они стоят темными теньями у станков, резко выбрасывают руки-рычаги, хватая части, железные балки, передавая их друг другу. Полное безмолвие царит в цеху... Несется экспресс. Ведет поезд машинист из стали...

Из публикации инженер Куарт получил три записки:

«Милый, не волнуйся так. Публика начинает смеяться над тобой...»

Это писала Мария. Куарт стал багровым от стыда.

«Господин изобретатель! Может ли автомат резать, взвешивать и отпускать колбасные изделия? И трудно ли придать ему более приятную для покупателей внешность?»

— Торговать колбасой мой автомат, к сожалению, не может.

«Почему бы вам не выступить в мюзик-холле? Это имело бы успех».

Куарт побледнел и не ответил на третью записку.

Шли дни. У Куарта от голода немели ноги. Голодал даже Энрик-9. Не было денег на зарядку аккумуляторов. Дни уходили в бесполезной беготне. Все грубо отмахивались от предложения «реконструировать промышленность силами автоматов системы Энрик-9». Всюду было — перепроизводство, кризис.

Владельцы заводов грубо кричали Куарту: «Вы, молодой человек, не нюхали рынка», «Мне руки живых людей стоят дешевле рук вашей игрушки», «Коммерчески невыгодно», «Ваши электрические люди будут делать в десять, в шестьдесят раз больше... но покупателей станет еще меньше... А безработных будет тридцать миллионов. Мы идем к краху! Нет, довольно! Мы посадим вашу технику на цепь»...

После целого дня, проведенного в подъездах, приемных, конторах заводов, где, сжав кулаки, закусив губы, Куарт боролся со своим телом, падающим от истощения, с ногами, подгибающимися и отказывающимися служить, к вечеру нужно было плестись на далекую окраину. Там, укутанная пальто и одеялом, в полутьме каморки терпеливо дожидалась его жена Мария.

Однажды Куарт встретил своего школьного товарища, инженера Хольгера, который стал кельнером в баре «Одеон», отчаявшись найти работу по специальности. Хольгер решил помочь умиравшему от голода Куарту. Он рассказал чудеса об автомате своего школьного товарища, сумел растрогать жирное сердце своего

начальника, вскружил метрдотелю голову перспективами оригинальной рекламы бара. Он устроил Энрика-9 механическим швейцаром в «Одеоне» и даже сумел вырвать для Куарта аванс на переделку фонографа.

Стальной череп Энрика-9 был вскрыт. Из него была выброшена хрипящая мешанина приветствия: «Здравствуйте, инженер Куарт!», и вместо нее вставлен новый валик фонографа.

Когда вечером стеклянные трубки вывески наливались кровавым свечением «Бар Одеон», когда внутри начинали выть саксофоны, у подъезда стальная громадина вежливо открывала дверь бара и из своей механической пасти громко приветствовала:

— Добрый вечер! Пейте коньяк Савери! Лучшие устрицы только у нас! Бар Одеон... Бар Одеон!..

Несколько дней все шло прекрасно. «Железный швейцар» собирал у подъезда бара толпу зевак. О нем даже писали в газете. В заметке также были указаны меню бара «Одеон» и премьеры джаза. И репортер получил право неделю бесплатно ужинать в баре. Куарт стал думать, что вскоре он сможет снять угол и продолжать свои опыты. Управление автоматом на расстоянии, по радио...

Но в один из вечеров, когда пошел дождь, покрывая лаком асфальт, машины и плащи людей, Энрик-9 взбесился.

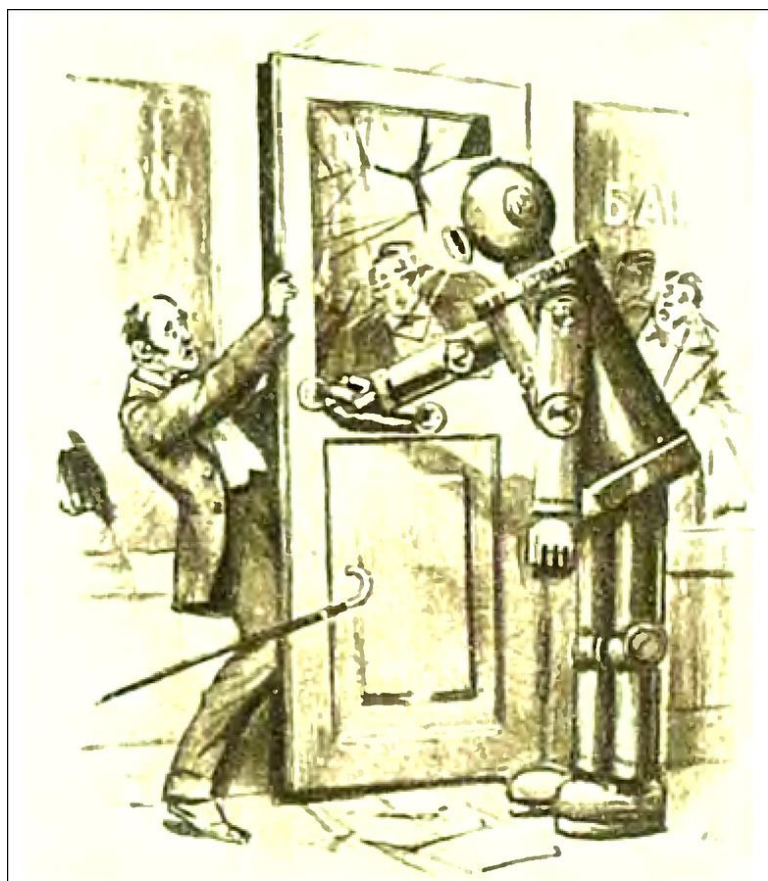
Вместо того чтобы равномерно открывать дверь, он разбивал входящим головы, вопя:

— Добрый вечер! — трах по голове. — Добрый вечер!..

Он прищемлял пальцы, руки, ноги, крича:

— Пейте коньяк Савери!

Он обрывал перепуганным женщинам хвосты платьев, хрипя:

...„Эрик-9“ взбесился... Он разбивал
входящим головы, вопя: „Добрый
вечер!“...

— Лучшие устрицы только у нас!

Он поверг всех в ужас своим механическим иступлением, грохая все быстрее дверь. Летели выбитые стекла.

— Бар Одеон! Бар Одеон! — гремел он.

Он осатанело тормозил дверь, не давая никому ни войти, ни выйти. В окнах мелькали лица перепуганных официантов...

Куарт отлучился на полчаса, понадеявшись на выверенную точность железного швейцара. Вернувшись, он застал толпу, протоколы, истерические вопли намазанных женщин, потрясавших ключьями, вырванными из длиннохвостых платьев. Он увидел кровь, бежавшую из разбитого носа какого-то толстяка... Группа белых официантов, возглавляемая озверелым метрдотелем, повалила автомат на тротуар, в бегущие потоки воды.

Опрокинутый на землю Энрик-9 продолжал неистово двигать рычагами своих рук и безостановочно орал в небо, рушившееся дождем:

— Добрый вечер! Пейте коньяк Савери! Добрый вечер, пейте коньяк Савери...

Куарт умолял каких-то прохожих помочь втащить автомат в ворота. Злые лица исчезали за потоками воды.

Инженер лепетал:

— Его заливают вода... Поймите! Он заржавеет... Помогите, будьте добры... Помогите!..

Куарт стащил с себя пиджак, кутал автомат. Тот грозно выбрасывал свои рычаги, срывал пиджак. Холодная вода обливала тело Куарта. Скользя погами, падая в лужи, он тянул автомат за ноги.

Автомат орал:

— Добрый вечер: Пейте коньяк Савери!

Можно было сойти с ума от этого неумолкающего крика:

— Добрый вечер! Добрый вечер!.. Савери... Савери... устрицы... устрицы...

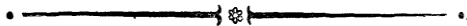
Куарт ударил ногой по рупору автомата. Смял его подошвой. На секунду автомат умолк. А потом зло, как помешанный попугай, быстро затараторил:

— Бар Одеон, бар Одеон, бар Одеон...

Дождь стеною воды рушился на улицу.

А. ВЛАДИМИРОВ

АВТОМАТ-ШАХМАТИСТ

Очерк

Журнал «Всемирный Следопыт», № 5, 1927 г.

Небывалое в истории человечества развитие техники, начавшееся в XIX веке, достигает в наше время грандиозных размеров, и можно думать, что мы живем накануне окончательного покорения природы машинами. До революции Россия почти не принимала активного участия в этом победоносном движении техники, но сейчас, разбуженная революцией, мысль рабочего класса СССР выдвинула целые отряды изобретателей: одни придумывают различные усовершенствования уже существующих машин, другие изобретают новые машины, и таким образом на арену всемирного соревнования выступает техническая мысль советской республики, еще очень молодая и неопытная, но имеющая одно несомненное преимущество: она не служит целям разрушения и убийства, она работает только для созидания, для устройства новой жизни, нового общества.

Любопытно вспомнить, в каком направлении работала мысль многих изобретателей в XVII–XVIII в.в. В эту эпоху среди механиков были в большой моде автоматы, служившие для забавы и развлечения. Так, например, механик Вокансон удивил всю Европу своей знаменитой уткой. По своей величине и форме, по своим движениям и хваткам это была самая настоящая утка. Механическая утка ела и пила с такой же жадностью, как и живая, и так же двигала головой и шеей. Крик ее невозможно было отличить от крика живой

утки. Необычайное искусство механика проявилось особенно в анатомии этой птицы: каждая косточка, каждое перышко были на своем месте, и каждый член организма в точности исполнял свое естественное предназначение. Склеванная пища «переваривалась» при помощи химических веществ, заключавшихся внутри автомата, и процесс пищеварения заканчивался выбрасыванием помета. Самый внимательный наблюдатель считал этот автомат живой уткой — пока механик не раскрывал внутренности, где виднелось множество мельчайших колес, рычагов, валов, зубьев, цепочек и т. д.

Шахматный игрок сидел в кресле, приделанном к квадратному ящику... Кукла с необычайной точностью сжимала и разжимала пальцы и ставила фигуры на определенные места.

Известен также механический павлин генерала Дежена. Этот павлин прогуливался, как живой, — распускал веером хвост, клевал зерна и «переваривал» их.

Но особенно прославился шахматный игрок Кемпелена. Это была кукла, представляющая человека среднего роста, в турецком костюме. Шахматный игрок сидел в кресле, приделанном к квадратному ящику. Правая рука его покоилась на этом столе, а в левой была трубка, которую отнимали перед началом игры, потому что автомат играл левой рукой. Перед ним находилась обыкновенная шахматная доска. Все сооружение было на колесиках и легко передвигалось.

Перед представлением машину вкатывали в залу, в которой уже собрались зрители, и механик объявлял публике, что он намерен показать устройство автомата. Сперва он открывал дверцу в передней стенке ящика, показывая зрителям сложную систему валиков, колесиков и рычажков, занимавших, повидимому, все внутреннее пространство. Затем показывал заднюю сторону ящика и открывал дверцы по бокам и, наконец, снимал с куклы платье. Когда, все внутренние части автомата были показаны, механик приводил все в порядок, становился на несколько минут сзади куклы, как бы осматривая механизм, вынимал чубук из руки турка и объявлял, что автомат готов начать шахматную партию с кем угодно. Как только партнер садился к шахматной доске, механик заводил машину ключом — и кукла делала первое движение. При каждом движении автомата слышен был стук вертящихся внутри колес: кукла кивала головой и пристально смотрела на шахматную доску. При шахе королю — она кивала головой три раза. Если партнер делал неправильный ход, кукла качала головой отрицательно и отказывалась продолжать игру, пока неправильный ход не был

исправлен, — если же партнер вторично делал неправильный ход, то автомат брал фигуру противника и ставил ее на прежнее место. Во все время игры механик стоял подле машины и заводил ее после каждых 12 ходов. Автомат играл очень хорошо и проигрывал редко.

Кемпелен путешествовал со своим автоматом по всей Европе — и после нескольких тысяч представлений на материке, перевез свою машину в Англию, где показывал ее в 1783 г. и в 1784 г.

Куклу Кемпелена видели сотни тысяч людей, среди них было много ученых и механиков, и никто не открыл секрета. Догадок было высказано много. Некоторые думали, что партию играет шахматист, скрытый внутри машины. Но Кемпелен, пред началом каждого сеанса, открывал все дверцы в своей машине и показывал механизм, — так что, если там где-нибудь сидел игрок, то это мог быть очень маленький карлик. Но никакого карлика Кемпелен с собою не возил.

Другие предполагали, что партию играет сам Кемпелен при помощи очень сильного магнита, скрытого на груди. Некоторые зрители являлись с магнитами в кармане и становились вблизи автомата, надеясь таким образом помешать Кемпелену, — но безрезультатно. Но все же предположение, что механик ведет игру при помощи магнита, сделалось всеобщим, и тогда Кемпелен опровергнул его, поставивши во время игры сильный магнит между собой и автоматом.

Было издано несколько книжек, авторы которых старались разгадать секрет этого автомата. Он был разоблачен лишь после смерти знаменитого механика.

Кемпелен, а впоследствии Мельцель, к которому перешел автомат, обыкновенно перед началом представления открывали поочередно различные части

внутренности автомата. Здесь-то механик и обманывал зрителей, потому что только подле самых дверей находился настоящий механизм, а подальше, внутрь, он был только искусно нарисован на легкой перегородке, которую без труда можно было передвигать. А внутри был спрятан человек, которого запирали перед тем, как автомат выдвигался в зрительный зал. Механик показывал одновременно только третью или четвертую часть внутреннего пространства, так что в промежутке между закрытием одной дверцы и открытием другой — спрятанный игрок передвигал остроумно устроенные перегородки, освобождая от своего тела ту часть аппарата, которая предназначалась в данный момент для показа зрителям.

Конечно, это была смелая мистификация, но все же устройство всего этого аппарата было очень интересно. Шахматист помещался в ящике автомата на скамеечке. Подле него во время игры горела свеча. В стенках ящика и в самой кукле находилось несколько искусно замаскированных отверстий для воздуха. Над головой находилась та шахматная доска, на которой разыгрывалась партия. Эта доска была стеклянная, — и очень тонкая нижняя сторона ее была раскрашена так же, как и верхняя. На каждой клетке — перед глазами спрятанного шахматиста — находился железный рычажок в виде коромысла, приводимый в движение при помощи железного язычка. Шахматные фигуры имели снизу железные пластинки — сильно намагниченные: когда ставили фигуру на клетку, она притягивала к себе железное коромысло, находившееся на обратной стороне доски, когда же фигуру снимали, коромысло отпадало. Спрятанный шахматист должен был следить за игрой с напряженным вниманием, потому что он не мог видеть, какой фигурой был сделан ход, он мог

узнать это лишь в том случае, если помнил все движения фигур по клеткам с самого начала партии. Чтобы избежать ошибок, он каждый сделанный наверху ход повторял на второй шахматной доске, находящейся перед ним. Около него находилась медная ручка, которою он мог управлять по своему произволу, и которая при помощи пружин сообщалась с левой рукой автомата. Именно этой ручкой спрятанный шахматист приводил в движение левую руку автомата, делавшую ходы, причем из своего полутемного ящика он ясно видел сквозь стеклянную доску, на какое именно место надо подвинуть руку автомата и какую взять фигуру.

Многие удивлялись, почему автомат Кемпелена играет не правой, а левой рукой. На это механик отвечал, что здесь он сделал ошибку и заметил ее поздно, когда уже трудно было исправить. На самом же деле, спрятанному шахматисту приводить в движение левую руку автомата было удобнее, чем правую: если бы автомат двигал правой рукой, то спрятанный шахматист должен был бы работать левой. Механизм руки автомата был сделан очень искусно: это было необходимо для того, чтобы кукла с необычайной точностью сжимала и разжимала пальцы и ставила фигуры на определенные места.

Шахматист, спрятанный в автомате, должен был подробно ознакомиться с его механизмом. При этом, конечно, нелегко было играть в течение нескольких часов, сидя неподвижно, в неудобном положении и ничем не обнаруживая своего присутствия. Но Кемпелен, а после него Мельцель за большую плату находили для себя хороших шахматистов. Так как плохих и средних игроков в шахматы — очень много, то неудивительно, что автомат почти постоянно выигрывал.

Конечно, бывали и проигрыши: в среднем автомат проигрывал одну-две партии из тысячи.

Шахматист, сидевший в автомате, должен был избегать всякого звука, который мог бы обличить его присутствие — тем более, что во время игры в шахматы обычно царит безмолвие. Чтобы заглушить неизбежные движения игрока, Кемпелен устроил внутри ящика систему зубчатых колес и рычагов, приводимых в движение при помощи внутреннего часового хода. Механик заводил часовой механизм перед началом игры, и стуком вращающихся колес маскировались шумы, возникавшие при движении спрятанного шахматиста.

Конечно, иногда бывали опасные моменты. Разыгрывалась интересная партия с каким-то знаменитым шахматистом. Сидевший в ящике автомата игрок Мюльхаузен так увлекся этой партией, что забыл следить за собой и вдруг очень громко... чихнул. Благодаря металлическому механизму аппарата, этот звук дошел до слуха присутствующих сильно измененным.

— Пружина лопнула! — обратился к изумленной публике Мельцель. — Что, если это от большого колеса!.. Позвольте мне удалиться на четверть часа с моим автоматом в соседнюю комнату. Мне надо осмотреть механизм. Если лопнула не главная пружина, то все будет исправлено через четверть часа, в противном случае я должен буду разобрать весь механизм и прекратить на две недели мои представления.

Мельцель выкатил свою машину в соседнюю комнату, выругал там Мюльхаузена и через четверть часа вернулся обратно, объявив, что пружина находилась у самых дверец, и он заменил ее новой. При этом он открыл дверцы и показал публике какую-то блестящую пружину. Автомат продолжал прерванную партию,

выиграл ее, и публика разошлась, весьма довольная этим сеансом.

В каком-то немецком городке один зритель, повидимому, догадавшийся, в чем секрет автомата, желая проверить свою догадку, во время сеанса закричал:

— Пожар!

Кукла начала как-то странно дрыгать: шахматист, сидевший в автомате, повидимому, вовсе не имел желания сгореть и хотел выскочить оттуда. Публика бросилась к дверям, началась давка. Тогда Мельцель стремглав бросился со своим автоматом в соседнюю комнату. Тайна и на этот раз осталась неразоблаченной.

Мельцель отправился в Голландию. Здесь ему объявили, что на представление прибудет король и все его приближенные. Публики собралось очень много. Пора начинать сеанс, а помощник Мельцеля, француз Бонкуре, не является. Мельцель бежит к нему и видит его в постели.

— Что вы делаете? — закричал в ужасе Мельцель. — Публика уже собралась, а вы валяетесь в постели.

— Я болен!

— Помилуйте! Да ведь час тому назад вы были совершенно здоровы!

— Я заболел неожиданно.

— Чем же вы заболели, позвольте узнать?

— Меня испугало громом.

— Да вы с ума сошли!.. Что же мне теперь сказать публике?

— Скажите, что у автомата лихорадка.

— Вы смеетесь! Да вы знаете, какой сегодня сбор? И я должен отказаться от такого сбора!

— Что же делать? Покоритесь судьбе!

— Слушайте... вы злодей!

— Нет, я не злодей. Я — человек, которому вы должны полторы тысячи франков и не платите.

Мельцелю пришлось немедленно уплатить свой долг, и тогда Бонкуре оделся и полез в ящик автомата.

Надо сказать, что, благодаря необычайной ловкости механика, секрет автомата не был разгадан до самой смерти Мельцеля^{*)}.

Большим успехом пользовался в Европе также аппарат Шарля, — «невидимая женщина». Он имел такое устройство. Четыре деревянных столбика соединены между собой перекладинами. К вершинам этих столбиков прикреплены согнутые железные прутья, оканчивающиеся венчиком. А к прутьям прикреплены ленточки, на которых висит пустой медный шар. С четырех сторон от этого шара отходят четыре медные трубы, оканчивающиеся широкими отверстиями.

**) Автомат-шахматист в свое время так сильно волновал умы, что — помимо многочисленных статей в периодической печати — было выпущено несколько книг, авторы которых предлагали свои догадки об устройстве этого автомата. В 1785 г. в Париже была издана книга, в которой доказывалось, что внутри автомата, несомненно, должен быть спрятан карлик, который приводит его в движение. В 1789 г. в Дрездене Фрейен (Freuhen) издал брошюру, в которой старался доказать, что внутри автомата спрятан худенький, небольшого роста мальчик, лет девяти — сметливый и хорошо выученный своим хозяином. Этот мальчик и приводит в движение механизм, руководствуясь тайными знаками, подаваемыми механиком. К этой брошюре были приложены рисунки в красках, иллюстрирующие догадку Фрейена.*

Из шахматистов, «работавших» в автомате, известны: Бонкуре, Муре, англичанин Люис (Lewis) и эльзасец Шлумбергер, сопровождавший Мельцеля под именем Мюльхаузена.

После смерти Мельцеля в Америке, — на автомат был наложен полицией арест. Затем эта «машина» была продана с торгов — и тогда стал известен ее секрет.

Заплативши деньги, можно было в трубу задать какой угодно вопрос. Потом приложить к отверстию трубы ухо, и медный шар отвечал на вопрос слабым женским голосом.

Ответы были всегда очень удачны, остроумны, причем голос отвечал на английском, французском, немецком и итальянском языках.

В комнате не было ничего подозрительного, и никто не мог догадаться, как устроен аппарат. А устройство его было не очень сложное. Он имел невидимое сообщение при помощи трубки с соседней комнатой, где сидела женщина. Против ее глаза было проделано в перегородке небольшое отверстие, незаметное для зрителей, и через него женщина могла видеть все, что происходит в зале, и могла наблюдать за тайными знаками, которые ей делал фокусник, показывавший машину.

Надо, сказать, что представления эти кончились весьма печально. Шарль обещал своей помощнице жениться на ней, но своего обещания не выполнил, и женился на другой. Тогда обиженная женщина во время одного представления разоблачила фокусника. Спектакль закончился дракой, и публика разломала аппарат...

После того, как автоматы вышли из моды и сошли со сцены в больших городах Европы и Америки, — они заняли прочное место в репертуаре фокусников, подвизавшихся в глухих провинциальных углах. Но в руках этих полуграмотных «кудесников» автоматы пришли в упадок, и механизм их был упрощен до чрезвычайности. Чаще всего фокусники пользовались «говорящими» автоматами, в которых, в сущности, и механизма-то никакого нет: во внутренности куклы помещается мальчик, который и отвечает на задавае-

мые хозяином или публикой вопросы. Конечно, такие автоматы привлекали к себе внимание только в «медвежьих» углах, где публика не избалована зрелищами.

РАДИОПОЛИСМЭН

Приводимый ниже рисунок — не плод свободной фантазии. При современных достижениях телемеханики (управления механизмами на расстоянии с помощью радио) осуществление такого телемеханического автомата находится в пределах возможности.

РАДИОПОЛИСМЭН

1. Антенна.
2. Motor, приводящий в движение руку и диск с колотушками.
3. Громкоговоритель.
4. Телеграфон.
5. Приемник радиоуправления.
6. Бензиновый бак.
7. Бензиновый двигатель.
8. Выходная труба двигателя.
9. Выход сжатого газа.
10. Динамомашинка.
11. Аккумуляторы.
12. Прожектор.
13. Гусеничные ступни.
14. Шарнирные колени.
15. Жироскопы для устойчивости.
16. Управляющий автомобиль.

У кого что болит; американский журнал, у которого заимствован этот рисунок, не нашел лучшего применения для телемеханики, как приспособить ее для борьбы с „чернью“ и „для нужд промышленности“ (сиречь против рабочих волнений). Но этот рисунок ярко характеризует возможности современной радиотехники. Такой механический полисмэн, действительно, неуязвим. Его плоть — сталь, нервы — радиоволны, а мозг и воля — сосредоточены в автомобиле (см. верхн. лев. угол рис.), в котором сидят люди, управляющие издали с помощью радио всеми манипуляциями стального полисмэна.

Радио только управляет, но не передает той энергии, которая необходима для движения того или иного механизма. Эту энергию дает бензиновый мотор, приводящий во вращение динамо-машину. Ее ток питается прожектор, освещающий толпу, и ряд вспомогательных моторов. Одни из них приводят в движение руки чудовища, снабженные вращающимися дисками. Свинцовые шарики, прикрепленные к дискам на гибких лентах, действуют в качестве колотушек. При передвижении этот полисмэн не шагает, а катится на своих ступнях, снабженных подобно трактору гусеничными лентами.

Быстро вращающиеся жиромеры дают устойчивость всему аппарату. Зычный голос, раздающийся из громкоговорителя, служит для устрашения и увещевания толпы, или для отдачи ей приказаний, передаваемых по радиотелефону из автомобиля.

Наконец, чудовище снабжено еще баком со слезоточивым газом.

Для приема волн служит антенна, прикрепленная к шлему и спине железного полисмэна.

Журнал «Радиолобитель», № 1, 1924 г.

Д-р З.

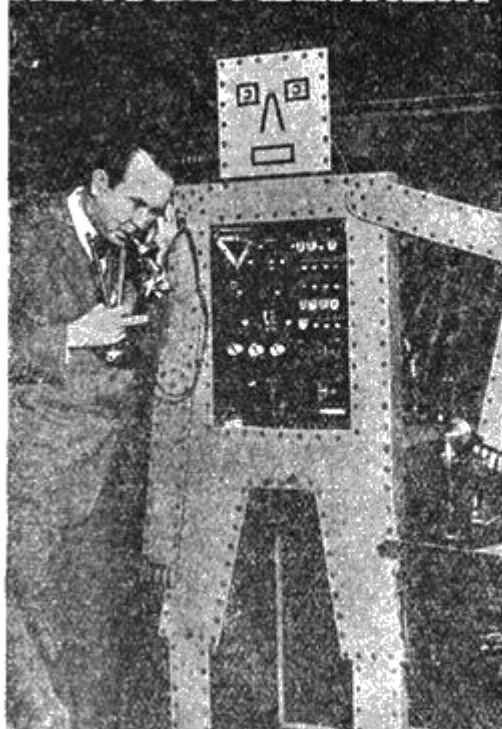

ИСКУССТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Очерк

Журнал «Мир приключений», № 8, 1928 г.

ИСКУССТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Очерк д-ра З.

I

Из истории великих изобретений за последние годы можно вывести любопытное заключение: — первое применение к жизни все эти изобретения находят почти всегда в Америке. Пишущую машину, например, изобрел тирольский крестьянин, а десять лет спустя изобретение это произвело переворот в конторском деле в Америке. Радиотрубка — детище одного венско-

го инженера, а благодаря ей Ли де-Форест стал в Америке отцом радиотехники. В 1900 г. датчанин Эленхаммер совершил первый полет, но практическое применение полетам дали только братья Райт по ту сторону океана. Недавно американский изобретатель Кулидж «открыл» лучи смерти, а уже в 1896 г. гейдельбергский профессор Ленард делал опыты с этими лучами.

Но, к сожалению, мало кто знает о предварившем Кулиджа замечательном открытии русского ученого и философа М. М. Филиппова, действительно открывшего еще в 1903 г. смертоносные лучи, действующие на неограниченном расстоянии, да и самая смерть изобретателя покрыта тайной (см. № 2 «Мира Приключений» за 1927 г.).

Все это свидетельствует, что Америка весьма сведуща в деле рекламы, и что там ко всему подходят со стороны практической. Такие устремления Америки отразились и в новом изобретении американского инженера Венслея. Он соорудил искусственного человека, фигуру из металла, которая может двигать руками и ногами (см. заголовок).

В этом изобретении, казалось бы, нет ничего необычайного. Такие фигуры самого разнообразного вида существовали тысячи лет назад. Некоторые были даже лучше сделаны, больше походили на людей.

II

Идея «человека-машины» почти так же стара, как само человечество, и ведет нас в глубокую древность.

Уже движущиеся автоматы-треножки, которые описывает Гомер в восемнадцатом стихе своей Илиады, являются несовершенными предшественниками

искусственного человека. Конечно, теперь нельзя установить, как действовали эти автоматы-треножники, ибо вообще до позднего средневековья трудно найти границу между символом и фактом, легендой и истиной.

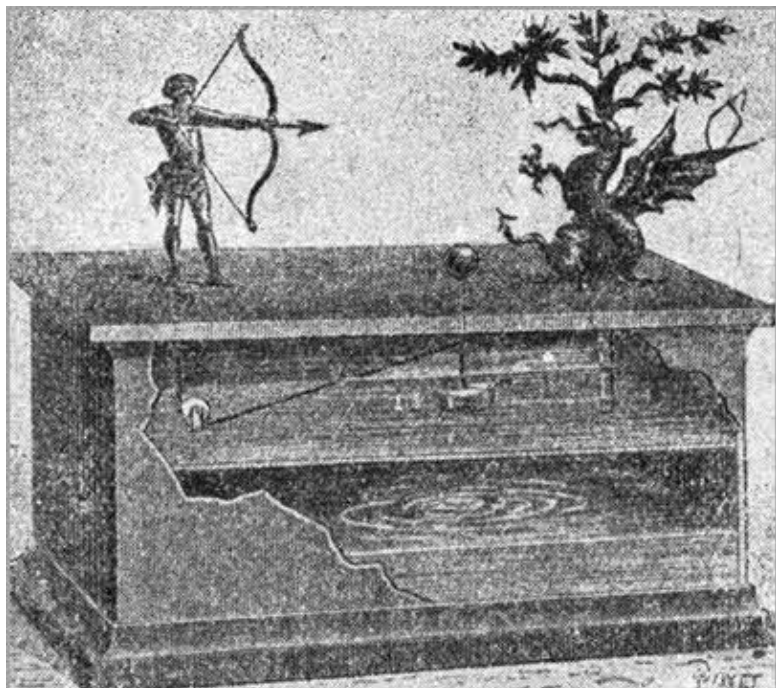
Древние жрецы пользовались фигурами-автоматами, чтобы усилить свое влияние. Статуя бога Аммона в стовратных Фивах двигалась и отвечала на вопросы «да» и «нет». В Греции почитали движущуюся статую Андидума и говорящую голову Лесбоса. Тут суть была всегда в обмане верующих. В статуе либо скрывался человек, либо пользовались магнетическими силами, которые тогда уже были известны.

Во времена Герона (за 2 столетия до нашей эры) впервые начинают применять для движущихся фигур механику. Среди многочисленных литературных произведений ученого александрийца особенно интересен «Театр автоматов», который снабжен конструктивными рисунками.

Среди более чем ста механизмов, Герон дает описание знаменитого алтаря. Две фигуры богов стоят по обе стороны алтаря. В вытянутых руках они держат сосуды, из которых после возжигания огня изливается жертва. Вокруг жертвенника вьется змея. Эффекты достигаются тут с помощью пара. На таком же принципе сооружена фигура Геркулеса, которая пускает стрелу в дракона, как только вытягивают наверх насаженное на острие яблоко. Таким же способом Герон сконструировал еще свистящего человека, пьющего оленя и т. д. До позднего средневековья сочинения Герона являлись основой для всех искусственных фигур и механических установок. Ими руководились Леонардо да Винчи, Дюрер, Галиллей, Порта, Кирхер и Шотт.

Первые искусственные люди, приводимые в движение паром фигуры египетских богов на алтаре.

Геркулес убивает лернейскую гидру

(Рисунок из книги «Magic Stage Illusions». London, 1897 г.)

Прошло более тысячи лет со времен Герона, и ничего нового не было внесено и эту область. Папа Сильвестр II, по-видимому, — первый, о попытках которого в этой области остались следы в истории. Этот сын Оверни, изучавший у арабских учителей в Севилье математику, физику и тайные науки, соорудил голову, отвечавшую на вопросы «да» и «нет». Очень возможно, что это был простой говорящий автомат, какого в 18 веке сконструировал барон фон Кемпелен. Для извлечения таких простых звуков не требуется сложного механизма.

Подобную же голову сделал в 13 веке епископ линкольнский Роберт Большоголовый. Великому философу и противнику схоластики Рожеру Бэкону также приписывается сооружение головы, внутри которой находились все части настоящей головы. Эта голова была оракулом.

Современник Рожера Бэкона немец Больштэдт, известный как писатель и алхимик под именем Альберта Великого, соорудил железного человека, над которым работал тридцать лет. Этот автомат будто бы не только говорил, но был и верным слугой Альберта Великого. Конечно, рассказ об этом искусственном человеке впадает в крайности. Этот искусственный человек будто бы стал под конец так болтлив, что друг Альберта Великого, знаменитый теолог Фома Аквинат в гневе разбил его молотком. Но как бы то ни было, это, повидимому, был предшественник современного нам искусственного человека.

Искусственному человеку отводится большое место в легендах и сказаниях. Даже Гете своим гомункулом в «Фаусте» воздвиг памятник старому народному поверью.

Во времена гуманизма делаются новые попытки в области создания искусственного человека. Карл V занимался в тиши монастыря сооружением фигур барабанщиков, флейтистов и метателей копий, которых ему выполнял механик Туррианий. Его деревянный воробей, улетающий и снова прилетающий, был предметом общего удивления. Механику, как искусство, всегда занимали самостоятельно летающие птицы: начиная с деревянного голубя Архитоса Тарентского до орла Региомонтануса, которого этот последний выпустил в 1470 г. в Нюрнберге перед императором Максимилианом.

Следовавшие затем столетия ознаменовались большими успехами в создании искусственного человека. Адриану с Роману с рассказывает в своей «Mathesis polemica» про фигуру девушки, которая ходит, кланяется и протягивает руку, а так что ее трудно отличить от живого человека. А Каспар Шотт, вюрцбургский иезуит, уверяет, что видел в Сицилии фигуру девушки, искусно игравшей на цитре, ритмично танцевавшей и грациозно кланявшейся зрителям после исполнения песенки. Сходной должна была быть машина нюрнбергца Георга Гародерфера. При нажмие пальцем начинала двигаться целая группа фигур: цирюльник, художник, булочник и т. д.

Расцвет искусственных фигур был в веке Рококо. Англичанин Христофер Пинчбек и француз Жак де Финансов стали знамениты, благодаря своему искусству в механике. Утка Фокансона в естественную величину, двигавшая крыльями, крякавшая, пившая воду, евшая зерна и даже выпускавшая экскременты. а затем и искусственный флейтист, были настоящими произведениями искусства в области механики.

Напомним, что такая же утка показывалась несколько десятков лет назад в Петербурге, в музее Лента. Научное исследование обнаружило, что экскременты утки, по наружному виду не возбуждавшие сомнений, на самом деле являлись не переваренной пищей, а искусно сделанной кашцей.

Но ни один автомат не пользовался таким успехом, как искусственный шахматист, которого сконструировал в 1768 г. венгерец фон Кемпелен. Это была фигура турка, сидевшая перед ящиком, на котором лежала шахматная доска. Секрет заключался в том, что в ящике ловко был спрятан мальчик. Шахматист этот был привезен и в Петербург, и Императрице Екате-

рине II, с которой он играл, очень хотелось приобрести эту диковину. Секрет ее для императрицы так и остался неизвестным. Настоящим шахматистом в это время был калека. Существует литературная версия, что это был даже политический преступник.

*«Искусственный» шахматист барона фон Кемпелена, приводимый на самом деле в движение живым человеком.
(Рис. из книги «The Unmasking of Robert Houdins», 1908).*

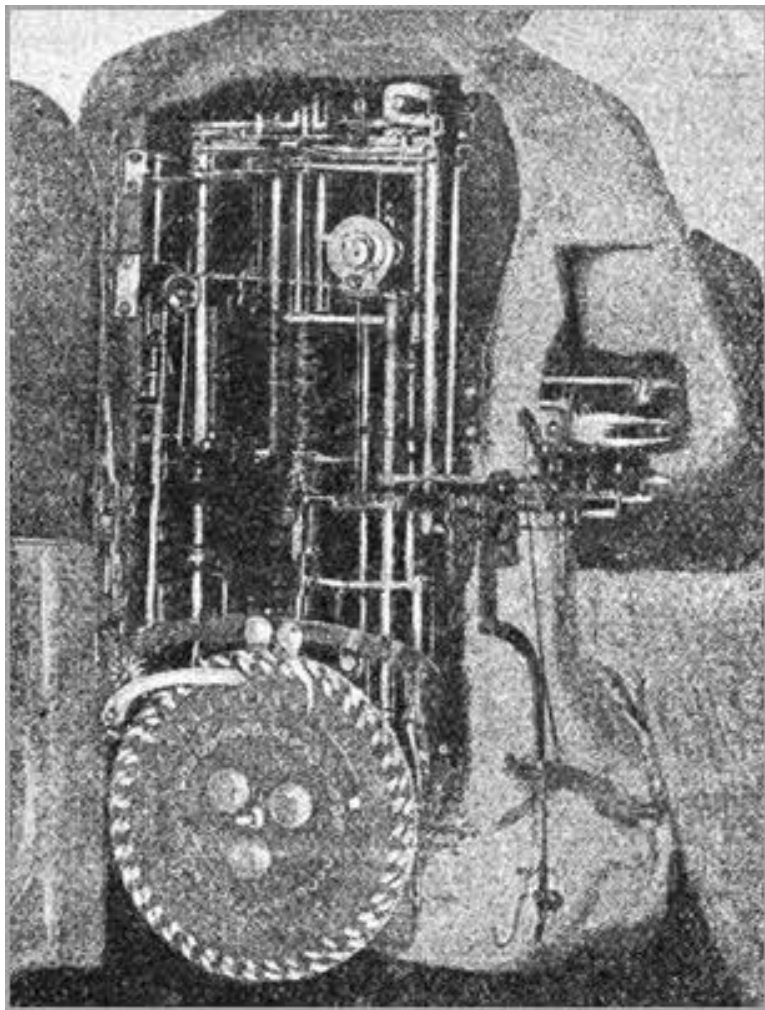
Успех, которым пользовались не только на ярмарках, но и при княжеских дворах такие автоматы с трюками, доказывает, что интерес к искусственному человеку никогда не ослабевал.

Большой шаг вперед в этой области сделал в 1760 г. венец Фридрих фон Кнаус, изобретший пишущего автомата. Это была фигура, сидевшая на шаре перед рамкой и писавшая на вставленном в рамку листе бумаги.

Идею Кнауса развил знаменитый швейцарский часовщик Пьер Жакэ Дроз. Его пишущий автомат представлял собою мальчика, сидевшего за столом и писавшего. На воспроизведенном здесь рисунке видно, как сложен был этот аппарат.

Одновременно стали усовершенствовать и говорящие головы. Основанием тут послужила говорящая машина барона фон Кемпелена. Но звуки получались в

смешном, плаксивом тоне, и голос напоминал голос пятилетнего ребенка.

Раскрытый сзади пищащий автомат Дроза

(Рис. из книги «The Unmasking of Robert Houdins». New York, 1908).

Очень многие пытались сконструировать естественно говорящую машину, пока, наконец, в 1840 г. венец Фабер построил аппарат, хорошо подражавший человеческому голосу. С этой говорящей головой Фабер объехал всю Европу и имел большой успех.

Пишущий и рисующий автомат Роберта Гудинса 1844 г.

(Рис. из книги «The Unmasking of Robert Houdins», 1908).

До конца прошлого столетия автоматы были ручной работы, и с наступлением нашего века — машины, искусство это сделалось уже устарелым. Публика начала терять к нему интерес. Ручное производство далеко уступало фабричному выполнению автоматов, делавшихся для выставок, для вокзалов и ярмарок.

Но все же бывшие говорящие головы и пишущие фигуры, конечно, были предшественниками искусствен-

ного человека, только что созданного американцем Венслеем.

III

Изобретение Венслея отличается от этих изобретений главным образом тем, что он управляет своим искусственным человеком звуками флейты. Венслей соединен со своей машиной телефоном. В этот телефон на детской флейте он берет различные тона и в ответ на эти нежные звуки искусственный человек проделывает всевозможные движения. В Америке это изобретение сравнивают со сказкой «Сезам, откройся». Но в аппарате нет ничего сказочного. Звуки флейты вызывают в телефоне посредством мембраны колебания различной частоты эти же различные колебания действуют на определенное релэ, а релэ управляют включением моторов и других аппаратов. Таким образом, звуки флейты нажимают на кнопку электрического провода. Венслей показывает «этим, что современному человеку совершенно не нужно двигаться и что можно музыкальным тоном заменять движения рук. Нет сомнения, что облегчение работы здесь большое.

Вот новое достижение американской техники! Но немецкая техническая печать уверяет, что в Германии запатентовано еще ранее немало любопытных изобретений в этой же области. Так, в 1910 г., инженер Курт Штилле хотя и не изобрел искусственного человека, но 18 лет назад ушел дальше, чем сегодня Венслей в Соединенных Штатах. Собственно принцип обоих открытий один и тот же. Если ударами вызвать колебание камертона, то эти видимые глазу колебания дают воспринимаемый ухом тон. Первый камертон приводит в состояние колебания и второй, находящийся поблизости, камертон. Таким свойством передавать колебание

обладают и мембраны, тонкие листочки из какого-либо вещества, прикрепленные по краям. Такие мембраны в телефоне, в фонографе и в громкоговорителе радио. Эти мембраны колеблются при каждом акустическом раздражении. Уже в 1910 г. доктор Штилле соорудил такие мембраны, отзывавшиеся сильно только на определенные звуки. Форму мембранам он придавал то круглую, то четырехугольную, и изменял их укрепление. Таким образом он изобрел особые мембраны для звуков *Л*, *Ф*, *С*, *Т* и *О*. Доктор Штилле не нашел мембран для всех звуков алфавита, но построил, например, дверь без ручки, которая открывалась, если отчетливо произнести слово «Пауль» (Павел). Комнатное освещение д-ра управлялось ударами в ладоши, а дочурка его играла с электрической железной дорогой, слушавшейся приказов: Вперед! Стой! Скорей! Тише! Назад!

Эти приказания воспринимались особыми мембранами, включавшими и выключающими различные токи, т. е. происходило то же самое, что делает Венслей со своей флейтой.

Во время последней Великой войны доктор Штилле предоставил свое изобретение в распоряжение обороны Германии. Он соорудил мембраны, отвечавшие на различные колебания. Он приготавливал мины, взрывавшиеся посредством барабанных ударов, трубных сигналов или электрических волн. Непосвященные не могли пустить их в ход Часовой механизм, включавший на известных промежутках времени другие мембраны, пускался в ход по первому сигналу и отъединялся, если следующее раздражение не происходило во время. Невероятная сложность опытов не дала возможности широко воспользоваться изобретениями доктора Штилле.

В настоящее время в Берлине очень усиленно заняты конструкцией автоматической пишущей машинки, работающей под диктовку.

Какая своеобразная область — техника! Современный человек жалуется, что она делает его рабом машины, принижает его. Но тут техника показывает, что может перенести нас в царство сказки. Человек отдает приказание, неодушевленный предмет слушает его слова, спрашивает, видит и даже отдает ему отчет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

**ПОРАЖЕНИЕ
ДЖОНАТАНА ГОВЕРСА**

Фантастический рассказ

Сетевой перевод Семена Гоголина

По изданию "Дванадцять оповідань", Харьков-Одесса: Дитвидав, 1936 г. Художник А. Гороховцев.

Иллюстрации использованы из издания: ВЛАДКО Володимир. Помилка Джонатана Говерса: журнал «ЗНАННЯ ТА ПРАЦЯ», 1929. №03.. Художник Й. Дайц. Твір відшукав Вячеслав НАСТЕЦЬКИЙ, 2015.

Позже, на основе сюжета этого рассказа, автор написал роман "Идут роботари".

I.

Заметка была напечатана самым мелким шрифтом (в типографиях его называют нонпарель) и помещена где-то на восемнадцатой странице еженедельного журнала "Научные Новости" между известием, что в Йеллоустонском парке найден еще один скелет ихтиозавра, и статьей о результатах последних опытов с направленной радиопередачей. В заметке было:

"На машиностроительных заводах Джонатана Говерса в Нью-Харрисе предпринята успешная попытка наладить массовое производство механических людей-роботов. По сведениям, которые мы получили, роботы Говерса уже сейчас могут заменять людей при работе на сложнейших станках. Производство роботов компания Говерса держит, как говорят, в секрете. Способ, которым роботы получают энергию, нам не известен".

Рука, перелистывавшая страницы "Научных Новостей", остановилась. Тим Кроунти, репортер рабочей газеты "Кроникл", сдвинул свои неизменные роговые очки на лоб.

— Джонни! — крикнул он, обращаясь к секретарю редакции, сидевшему за соседним столом. — Говерс готовит роботов.

— Ну?

— Разве ты забыл, что в Нью-Харрисе уже восемь дней продолжается забастовка. Предприниматели не сдаются. А что если Говерс поставит к станкам роботов?

— У тебя сумасшедшая фантазия, Тим! Откуда ты взял это?

Кроунти молча подал номер "Научных Новостей" с заметкой о роботах. Джонни внимательно перечитал ее и, нахмурившись, взглянул на Тима.

— Езжай, Тим, — наконец сказал он, — попробуй узнать. В наши дни все может быть.

Так начиналась история, которой суждено было прогреметь на всю страну. История, которую потом назвали поражением Джонатана Говерса.

II.

В приемной полномочного хозяина заводов Нью-Харриса, мистера Говерса, было тихо и просторно. Кроунти ждал. Он знал, что Говерс не любит разговаривать. Но и отступить было невозможно. Тем более, что за дверью уже раздались шаги секретаря, который доложил о визите Кроунти и теперь возвращался обратно. Тим поднялся с кресла.

— Мистер Говерс примет вас.

Джонатан Говерс знал себе цену. Его полное лицо было строгим и неподвижным. Маленькие серые глазки пристально рассматривали собеседника.

— Я хотел бы... — начал было Тим, но Говерс остановил его:

— Я знаю цель вашего визита, мистер Кроунти. К сожалению, я не скажу вам ничего.

— Но заметка...

— Заметка не врет. Мы планируем увеличить производство роботов. Больше этого я сказать не могу.

— Это будут автоматы, которые заменят рабочих у машин? — резко спросил Том.

Говерс сухо засмеялся.

— Понимаю, понимаю ваше любопытство. И все-таки вы ничего от меня не узнаете. А впрочем, могу вам сказать, что на заводах Нью-Харриса через неделю будет полный порядок. Забастовка будет закончен.

Тим Кроунти неосторожно улыбнулся. Говерс заметил это и гневно ударил кулаком по столу:

— Ладно! Черт с вами! Смотрите! — и он нажал какую-то кнопку на столе.

Напротив Кроунти бесшумно открылись двери, которые до того были скрыты дубовой обшивкой кабинета. В черном квадрате их стояла высокая темная фигура. Голос Говерса прозвучал сухо и иронично:

— Смотрите, мистер Кроунти, и попробуйте улыбнуться еще раз.

Темная фигура шевельнулась и медленными тяжелыми шагами двинулась к столу. Раздались громкие металлические шаги, словно огромный средневековый рыцарь в стальной броне ступал по блестящему паркету, направляясь к Кроунти. Это был не человек; дикая, безумная фигура на толстых квадратных ногах с тяжелым высоким туловищем, сверкал полированными частями — это был автоматический робот, механический рабочий.

Тим Кроунти инстинктивно ухватился за поручни кресла.

— Не беспокойтесь, — проскрипел голос Говерса.

Возле самых ног Кроунти робот вдруг повернулся. Он протянул руку Говерсу, который положил в нее свой портфель. Потом робот повернулся и такими же медленными шагами, от которых звенела ваза на столе, исчез за дверью, закрывшимися за ним.

На лбу Кроунти выступил холодный пот.

— Почему же вы не улыбаетесь? — снова насмешливо проскрипел Говерс. — Скажите, как вам понравился автомат?

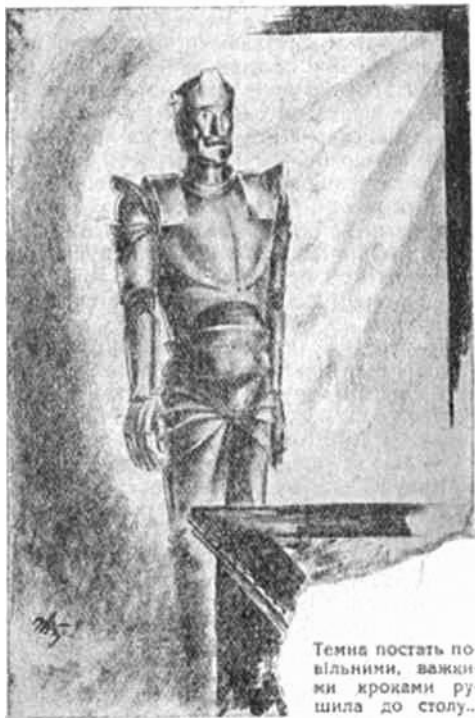
— Он производит впечатление живого человека, — глухо проговорил Тим.

Говерс засмеялся — резко и отрывисто:

— Будьте уверены, точность работы гарантирована. Хотя проблема и сложная — моя лаборатория, как видите, ее решила. Забастовок не будет, мистер Кроунти.

— Вы поставите роботов вместо рабочих? Но это же не даст вам прибыли. Ваши роботы будут значительно дороже труда живых людей.

— Я знаю это. Да, робот будет стоить мне дороже, чем безработный. Однако, — Джонатан Говерс победно поднял руку, — если даже это будет невыгодно, — что же? Я деморализую забастовщиков, они не выдержат.

Темна постать по-
вільними, важки-
ми кроками ру-
шила до столу...

Компания понесет потери, заменив живой труд роботами. Пусть. Но очень скоро, когда забастовщики сдадутся, мы наверстаем свое. А впрочем, наша беседа затянулась. Всего наилучшего, мистер Кроунти!

III.

Шли дни, похожие один на другой, — мрачные, дождливые и суровые. Забастовка в Нью-Харрисе продолжалась. Каждый вечер рабочие собирались на летучие митинги, забастовочный комитет выставлял патрули, поэтому можно было не опасаться приезда штрейкбрехеров. Тим Кроунти внимательно прислушивался к разговорам рабочих. Аккуратно в двенадцать часов каждую ночь он приходил на телеграф и подавал подробную депешу о положении в Нью-Харрисе. И вот уже шестой день эти депеши обычно заканчивались так:

"Положение не меняется. Предприниматели не уступают. Среди рабочих иногда появляются неуверенные люди. Забастовка держится крепко".

Утром 30 октября Тим, как обычно, вышел из гостиницы и направился к фабрике. Навстречу ему бежали люди: взволнованные и разгоряченные они забежали в дома, что-то кричали и бежали дальше.

— Роботы!.. Роботы!.. — услышал Тим выкрики.

Он озабоченно провел рукой по лбу.

— Неужели?.. Нет, не может быть!

Грохоча и завывая мотором, Тима опередил большой грузовик, накрытый брезентом. Он проехал дальше, к самым воротам фабрики, и остановился возле них. Вооруженные скорострельными винтовками и

химическими бомбами полицейские плотной цепью оттеснили от ворот толпу рабочих.

Том ускорил шаги. Он не хотел верить, но уже ясно было видно, как приехавшие на грузовике люди быстро откинули брезент. Они положили с машины на землю ровные доски и начали спускать по ним одну за другой огромные металлические фигуры, напоминающие людей. Потом, будто помогая встать, люди поднимали их. Фигуры, шатаясь, вставали, медленными тяжелыми шагами двигались к воротам, проходили сквозь них и исчезали где-то на фабричном дворе.

Роботы шли друг за другом. Они не слышали проклятий и ругательств рабочих; на них не действовали призывы и угрозы, которыми до сих пор запугивали и убеждали безработных штрейкбрехеров, которых при-

возили из других городов. Металлические люди шли, твердо ступая стальными ногами по брусчатке; их головы не поворачивались, руки безжизненно свисали по бокам туловищ.

К Тиму Кроунти подбежал один из членов стачкома:

— Что же делать? Мы бессильны, Тим. Говерс побеждает!..

Кроунти сжал зубы. Говерс побеждал. Роботы шли на работу к станкам. Теперь предприниматели могли диктовать побежденным рабочим свои условия. Что же делать?

— Это уже шестой тяжеловоз. Смотритель сказал, что сегодня приедет еще четырнадцать. Армия автоматов, — продолжал член стачкома.

Том хлопнул его по плечу:

— Подожди. Я хочу пробраться во двор фабрики. Ты сможешь мне?

— Это трудно. Двор охраняет полиция. Однако, — пойдем, есть один потайной ход.

Пришлось обходить фабрику с северного края. И везде, где они проходили, у всех ворот и проходов стояли полицейские. Наконец, Тим Кроунти и его товарищ добрались до складов. Здесь они залезли под платформу, к которой подходили грузовые вагоны; проводник Тима уверенно пробирался между столбами, пока не приблизился к высокой стенке из досок. Здесь он остановился и осторожным движением отодвинул в сторону две доски.

Товарищи оказались на фабричном дворе возле сборочного корпуса. Том огляделся: здесь не было никого, потому что полисмены стояли снаружи, по ту сторону стены. Недалеко от них, возле главного входа

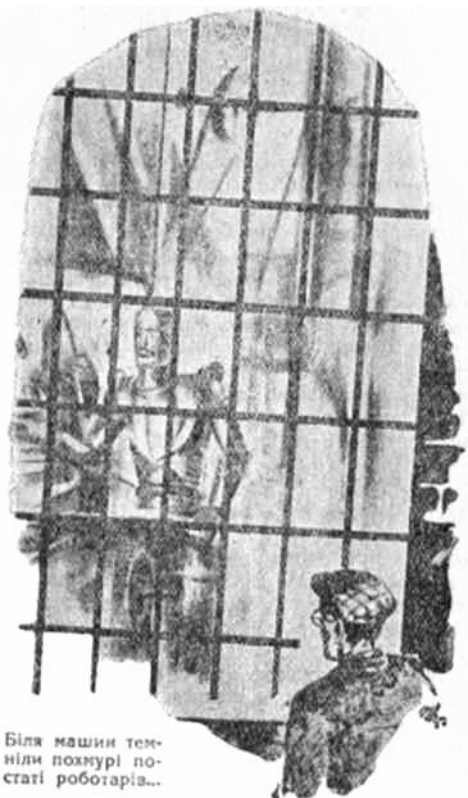
в корпус, только изредка проходили очередные караульные.

Поблагодарив спутника, Тим осторожно проскочил к большому окну фабричного корпуса и прислонился к стене за желобом. Сквозь мутные стекла окна было хорошо видно станки, стоявшие длинными рядами. Возле них темнели мрачные фигуры роботов.

Станки работали. Металлические фигуры двигали руками, похожими на рычаги. Эти руки делали короткие точные движения, — ни одного лишнего движения, никакой неосторожности. Идеальные рабочие, люди из стали, которыми двигала какая-то неведомая сила, стояли возле станков. Тим Кроунти смотрел не отрываясь.

— Как тихо должно быть в цехе... — наконец прошептал он. — Ни слова, ни вздоха... даже страшно!

Лишь изредка вдоль строя автоматов проходил человек. Это был смотритель, который следил за работой. Время от времени он подходил к какому-нибудь из роботов и несколькими движениями регулировал его работу, поворачивая ручки или выключатели, ко-

Біля машин темніли похмурі постаті роботарів...

торые виднелись с обеих сторон металлических туловищ роботов. Тим Кроунти смотрел.

Минуты шли одна за другой. Неожиданно Кроунти заметил, как один робот сделал неверное движение. Он пошатнулся, ремень затянул его руку, — и через мгновение высокая металлическая фигура упала на пол, загремев так, что Том услышал это сквозь стекло. И чудно было видеть, что никто из металлических людей, работавших рядом, не повернул головы. Все остались равнодушны, они работали дальше.

К упавшему роботу подбежал смотритель. Он остановил машину, вытащил руку робота из колеса. Автомат неподвижно лежал на полу. Очевидно, в нем что-то испортилось.

Тим тихо свистнул, спрыгнул с подоконника и исчез в тайном ходе. Он шептал:

— Значит, и у них случаются неполадки? Но почему, почему именно этот робот испортился? Почему все остальные работают?..

IV.

Рассказывая потом об этих днях, Тим Кроунти всегда отмечал, что главная роль в дальнейших событиях принадлежала не ему, а его товарищу, пылкому радиолюбителю Джиму Уинстону.

Именно Джиму пришло в голову, что роботами не может управлять ничто другое, кроме направленных радиоволн.

— Слушай, — убеждал он Тима, — ведь здесь нет никаких проводов. Эти железные черти не могут двигаться с помощью аккумуляторов или чего-то подобного, потому что для этого в них слишком мало места. Энергию они получают извне. Безусловно, это только радиоволны.

Вместе с Тимом Уинстон пробирался на фабричный двор, к окнам. И, наблюдая целый час, оба товарищи были свидетелями того, как зрители сменили несколько роботов, которые делали неверные движения и портились. Остальные автоматы работали безупречно. И только в одном месте каждый, только что поставленный робот, через несколько минут работы будто разлаживался. Он делал неуверенные движения, следствием чего всегда было одно и то же: падение на землю и катастрофа.

— Ты понимаешь, — прошептал Тим Уинстону: — наверное, дело не в роботах, а именно в этом месте цеха. Что-то мешает правильной работе робота. Но что именно?

Уинстон задумался. Потом он потрянул своими длинными космами, и сказал почти громко, забывая о необходимости быть осторожным:

— Я знаю. Обрати внимание, что недалеко от этого места — электрические часы. По стене проходит сложное сплетение электропроводящих кабелей. Там сходятся провода со всего цеха. Очевидно, эта система проводов индуктивно влияет на близкие к ней предметы, в том числе и на робота. Понимаешь?

Том отрицательно покачал головой:

— Понимаешь, Джим, у меня с электротехникой, как и со всей физикой и математикой, — давняя, раз-молвка. Однако, если ты убежден, что на робота влияет индукция проводов — я согласен. Только скажи, что из этого получается?

— Выходит только одно: роботы, получающие энергию извне, с помощью направленных радиоволн, не изолированы и от других воздействий. Значит...

— Что?

— Об этом поговорим потом.

Именно этот момент Тим Кроунти потом охарактеризовал, как решительно переломный во всей истории поражения Джонатана Говерса.

V.

Надо отметить, что с этого дня Джим Уинстон часами просиживал возле своего маленького коротковолнового радиопередатчика. Тим, пришедший к Уинстону, робко садился на расстоянии двух метров от Джима и, внимательно прислушиваясь к стуку телеграфного ключа радилюбителя, изучал развешанные по стенам комнаты цветные наклейки-квитанции, которые подтверждали дружеские радиотелеграфные переговоры Джима с разными дальними уголками земного шара.

Джим работал неутомимо. Он нетерпеливо выступивал что-то ключом, одновременно прислушиваясь к далекой мелодии поющего стрекота эфира. Иногда Уинстон передавал Тиму вторую пару наушников. Тим слушал, но ничего не понимал.

Казалось, будто черные, плотно прижатые к ушам кружки телефона были отверстиями, через которые до него долетал странный, еле слышный гомон далеких пространств. И в этом гомоне выделялись похожие на щебетание неизвестной птички сигналы: это работала какая-то далекая станция.

Ежедневно, в двенадцать часов дня Кроунти вместе с Уинстоном пробирались к окну сборочного корпуса и следили за движениями роботов.

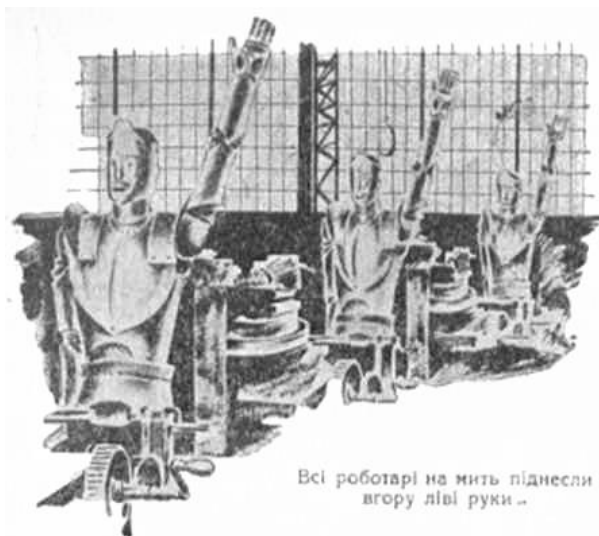
Фабрика работала на полную мощность. В течение недели грузовики подвозили все новые и новые отряды металлических людей. Машины не останавливались ни на минуту; фабрика работала двенадцать часов в сутки.

Смотрители, вероятно, догадались о причинах ошибочных движений роботов на том месте, где на стене переплетались провода. Толстые канаты кабелей убрали оттуда. Робот, который стоял на этом месте, теперь работал так же точно, как и остальные.

Ровно в двенадцать часов дня Кроунти и Уинстон жадно следили за движениями роботов. И каждый день они радостно замечали, как в тот момент, когда минутная стрелка приближалась к узкой рисочке возле цифры "XII" и сливалась с часовой в одну — роботы, видимые в окно, прекращали свои движения, словно какая-то странная посторонняя сила заставляла их сделать это.

Ежедневно в движениях роботов в течение минуты, следовавшей за полднем, можно было заметить все больше странностей. Ровно через пять дней все роботы на мгновение подняли вверх левые руки, будто приветствуя кого-то в этот миг.

— Левые! Тим, левые! — восхищенно прошептал Уинстон, хватая Тима за руку.

Всі робітні на мить піднесли
вгору ліві руки ..

Что он хотел сказать этим?..

Вечером этого дня передатчик Джима работал особенно напряженно. В этот вечер к Джиму Уинстону пришли два члена забастовочного комитета. Они разговаривали несколько часов подряд. Затем Уинстон и Кроунти пошли с ними на заседание комитета, где сейчас царила безнадежность. Двери были заперты — и тихо, вполголоса Уинстон известил комитет о чем-то. Это сообщение заставило членов забастовочного комитета забыть про все заботы, забыть о жалобах рабочих, забыть о безнадежности положения, — и они с новой надеждой прислушивались к взволнованному голосу Джима.

А когда с фабрики раздался хриплый гудок, возвещавший о конце работы, Кроунти сжал кулак и, погрозив им в сторону Восьмой Авеню, где в своем мраморном дворце праздновал победу полновластный хозяин фабрик и положения Джонатан Говерс, пробормотал:

— Подожди! Еще неизвестно, кто выйдет победителем из этой борьбы!

VI.

День 7 ноября был такой же мрачный и серый, как и все предыдущие. Забастовка длилась уже двадцать три дня.

А впрочем, это была уже не забастовка, а тяжелая отчаянная решимость голодных рабочих, в семьях которых господствовала безысходность и нищета. С появлением роботов исчезла всякая надежда. Говерс отказался разговаривать с представителями забастовочного комитета. Он передал им через своего секретаря:

— Надеюсь, те требования, которые вы выдвигали до сих пор, теперь устраняются сами собой. Со своей стороны могу сообщить, что работа на фабриках с роботами происходит вполне удовлетворительно. Заменить роботов живыми рабочими можно только при условии снижения заработной платы на пятьдесят центов в день.

З усіх боків по одному й групамі сходились робітники...

Согласиться на продиктованные Говерсом условия было невозможно. Но и бастовать дальше казалось также невозможным. На что надеялся забастовочный комитет, который поддерживал надежды рабочих и затягивал дальше эту злосчастную забастовку?..

В одиннадцать часов 7 ноября забастовочный комитет назначил общий митинг возле фабрики, где, как и раньше, дежурила полиция. Из-за стен глухо доносился грохот неустанно работавших машин. Со всех сторон по одному и группами сходились рабочие. Исхудавшие, с изможденными лицами, с потухшими глазами, — они представляли картину полного отчаяния.

Кроунти вместе с Уинстоном был уже возле наскоро сооруженной трибуны. Через каждые пять минут Тим поглядывал на свои часы: нет, стрелка слишком медленно передвигалась по циферблату!

Митинг начался, когда площадь заполнила огромная толпа рабочих. Председатель забастовочного комитета говорил недолго. Смысл его речи был такой:

— Забастовка затянулась. Никто не надеется, что мы победим. Но забастовочный комитет уверен в этом. Последнее слово будет за рабочими. Сегодня забастовочный комитет предлагает всем двинуться организованным походом на Восьмую Авеню. Мы пройдем мимо дворца Говерса, мы напомним ему о себе. Но, если это не поможет, если и после этого похода положение не изменится, забастовочный комитет решил сдать позиции и согласиться на издевательские условия Говерса.

Рабочие слушали молча: что было говорить? Часть согласилась идти походом ради того, чтобы закончить, наконец, забастовку: пусть такой ценой, но работать и спасти от голода жен и детей! Другая часть рабочих

еще надеялась на что-то; однако, никто не знал, на что именно.

Кроунти дернул Уинстона за руку:

— Без пяти двенадцать! Время!

Словно услышав, председатель комитета громко крикнул:

— Итак, организовываем колонны! Сегодня, в день первой рабочей революции, победившей в великой Красной стране, одной из тех стран, где социализм уже построен, — сегодня решится наша судьба.

Глаза Кроунти блестели; он отрывал взгляд от часов лишь для того, чтобы посмотреть на Джима. Уинстон, казалось, был спокоен; а впрочем, он волновался не меньше Тима.

— Без одной минуты, Джим!

Часы над воротами медленно и печально стал бить двенадцать, когда первая колонна рабочих тронулась, направляясь к городским кварталам. В эту самую минуту с фабричного двора послышался грохот металлических шагов. Тим Кроунти конвульсивно вцепился в рукав Уинстона:

— Идут! Джим, они идут!

Шаги приближались. Ворота фабрики широко открылись, и в них показались высокие металлические фигуры роботов. Полицейские, стоявшие у ворот, испуганно метнулись в сторону. Такого их инструкция не предусматривала.

Роботы выходили из ворот рядами по четыре, — они шли без края, десятки и сотни металлических людей. Они выходили из ворот, поворачивали налево и останавливались, словно ожидая тех, которые отстали.

Рабочие замолчали, ошеломленные неожиданным выходом роботов. Рабочие смотрели на роботов, как на нечто враждебное, — и невольно отступали перед ни-

Роботарі виходили з воріт ряди по чотири ...

Роботарі йшли один по одному. Вони не чули проповідьонів і лайок робітників; на них не впливали заклики і загрози. Металічні люди йшли, твердо ступаючи стальними ногами по бруку; їхні голови не повертались, руки безглуздо звисали по боках тудубів.

ми. Среди наступившей тишины, громко и радостно прозвучал голос Кроунти, который вскочил на трибуну:

— Товарищи, роботы с нами! Они покинули фабрику, чтобы присоединиться к нашему походу. Пусть Говерс увидит; что его не спасут даже роботы. Они с нами, с рабочими!

И, будто отвечая Тиму Кроунти, все роботы одновременно широким движением подняли вверх левые руки. Стальные рабочие приветствовали живых.

По площади прокатилось торжественное "ура". Кто-то вложил в поднятую руку робота красный флаг. Вновь раздались возгласы — и колонна рабочих двинулась в город.

Это была удивительная картина. Вслед за колоннами рабочих, исхудавшие лица которых светились новой радостью, дружными рядами шли роботы, подняв вверх левые руки. Кое-где развевались красные флаги.

Но окна и двери большого мраморного дворца Говерса на Восьмой Авеню были плотно закрыты: короля Нью-Харриса уже известили об измене роботов. А большого желания и интереса самому воочию видеть такое поражение Джонатан Говерс не имел.

VII.

Вот отрывки из письма Тима Кроунти, репортера, к своему товарищу, секретарю редакции "Кроникл", Джону Дерфелю.

"Не думай, друг мой, что в Нью-Харрисе произошло нечто чудесное. Все просто, одна техника победила другую. Даже более того: техника, направленная против капиталистов, победила технику эксплуатато-

ров. Я уже писал тебе, как мы с Джим Уинстоном заметили систематические поломки роботов, которых ставили под электропроводами. Джим объяснил причины порчи индуктивным влиянием проводов. "Значит, — сказал он мне, — можно влиять на автоматы извне". Джим приступил к работе.

Как ты знаешь, он — страстный радиолобитель и давно уже работает на коротковолновом передатчике. У этого сумасшедшего Джима есть приятели в Новой Зеландии, Африке, Сибири, Англии, Австралии и в Красных странах.

Ты, наверное, уже знаешь о том, что роботами управляла, двигала ими, электроэнергия, которую передавали им с помощью радиоволн. Теперь представь себе, что какой-то другой источник таких же радиоволн, большей мощности, начнет посылать волны, излучения, которые будут принимать механизмы роботов. Что получится? Сначала у роботов начнут путаться движения, — под смешанным влиянием двух потоков лучей. Потом должны победить более мощные лучи. Они заглушат менее мощный поток. Робот станет делать то, что ему прикажут люди, которые управляют более мощным передатчиком энергии. Робот откажется подчиняться своим бывшим хозяевам.

Примерно то же самое произошло в Нью-Харрисе. Роботы Говерса работали, вообще говоря, безупречно. Они очень чутко воспринимали даже малейшие изменения колебаний и сигналов управления. Именно это и помогло нам.

Конечно, положение спас не я, а Джим Уинстон. Он обратился за помощью к своим приятелям, радиоинженерам, которые живут в одной из Красных стран. Джим рассказал им, пользуясь своим коротковолновым передатчиком, о победе Говерса. Он сказал им, что, по

его мнению, Говерс ошибся, что не предусмотрел возможной помощи с их стороны. И друзья Джима, инженеры, помогли нам. В течение семи дней продолжались подготовительные испытания.

Джим договорился со своими приятелями инженерами, что они с помощью своей мощной коротковолновой станции будут пытаться управлять автоматами ежедневно в двенадцать часов. Мы осторожно следили, как эта мощная станция медленно подчиняла себе роботов. И, когда мы увидели, как все роботы в двенадцать часов дня, будто в знак согласия, подняли левые руки, — мы окончательно убедились, что Джонатан Говерс ошибся и победа за нами.

Дальше все было просто. Мы условились с забастовочным комитетом, который уже готов был сдать свои позиции, относительно похода рабочих к дворцу Говерса. Но это был только жест — ничего больше. Роботы, которые покорились мощному потоку радиоволн второго передатчика, бросили работу и пошли вместе с нами. Передатчик Джонатана Говерса был бессилён заставить их продолжать работу у станков. Победа, настоящая победа была за нами, друг Джонни!

Что было дальше, ты, наверное, уже знаешь. А впрочем, могу тебе вкратце рассказать. Говерс сдался. Он согласился на все условия забастовочного комитета. Я думаю, что странное зрелище совместного похода рабочих и стальных роботов мимо его дворца очень сильно повлияло на его нервы. Производство роботов прекращено. Не роботы победили забастовку, а забастовка победил Говерса.

Капиталист, сделавший роботов, испугался созданной им армии. Он понял, что эта армия не только не полезна, но и может в любую минуту выйти из-под его контроля и двинуться на него железной стеной. Всех

роботов, которых выпустил Говерс, поместили в железобетонные склады. Говерс хотел даже уничтожить их. Но затем, под влиянием инженеров, не сделал этого. Роботы лежат на складах под надежной охраной — до определенного времени.

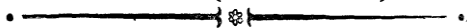
Но не беспокойся, Джонни, мы знаем, где они. Если Говерс надеется еще когда-нибудь использовать их, — то и мы не теряем такой надежды.

Если надо будет, мы сумеем открыть склады и вывести оттуда стальных людей. Что скажет Джонатан Говерс, что скажут его друзья, когда в решительную минуту армия стальных роботов двинется вместе с нами на революционные баррикады?..

Твой Тим Кроунти".

██████████

А. РОМС (А. БЕЛЯЕВ)

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СЛУГА

Фантастический рассказ

Из книги Бар-Селла в ЖЗЛ «Александр Беляев»:

«Опубликованный в ленинградском журнале "Вокруг Света" рассказ "Электрический слуга" представляет собой обратный перевод с иврита из нью-йорской еврейской газеты».

Из книги «Неизвестный Александр Беляев»

«В том же году появился еще один рассказ — «Сезам, откройся!!!», подписанный одним из псевдонимов Беляева — А. Ром. Это юмореска о наказанной скупости...

С этим рассказом Беляева произошел курьезный случай. Он был напечатан в ленинградском журнале «Вокруг света» под названием «Электрический слуга» как перевод из американской газеты, издававшейся на древнееврейском языке. Рассказ, таким образом, совершил «путешествие» за границу и вернулся обратно уже в качестве зарубежной новинки...

Журнал «Всемирный следопыт», № 49, 1928 г.

Рассказ Я. Ромса.

Рисунки Т. Битингофа.

I.

— Вы все стареете, Иоанн, — сердито проворчал Эдуард Ганс и отодвинул свой стул.

Слуга с большим трудом опустился на колени и стал поднимать упавшие серебряный кувшин и чашки.

— Я споткнулся о ковер, — пытался оправдаться Иоанн, медленно приподнимаясь.

Эдуард Ганс бросил злобный взгляд на пятно, образовавшееся на ковре от пролитого кофе, и со старческим упорством повторил:

— Вы все старитесь, Иоанн. Сегодня утром вы никак не могли одеть мне сюртук. Вчера вы вылили воду для бритья...

Бритое, пергаментное лицо Иоанна опечалилось. Ганс говорит сущую правду. Он, действительно, стареет и слабеет. Не шуточка — 76 лет. Из них целых пятьдесят шесть лет он отдал на служение Эдуарду Гансу, который и сам моложе своего слуги всего на шесть лет. Да, пора уж отдохнуть старым косточкам. У Иоанна имеются кое-какие средства. Хватит, пожалуй, чтобы

прожить остаток своих дней. Но что он будет делать, когда он оставит службу.

Он поступил к Гансу на службу еще в Германии, откуда они пятьдесят лет тому назад приехали в Америку. Эдуарду Гансу повезло. Он разбогател, и только десять лет тому назад после того, как с ним случился сердечный припадок, старый Ганс продал все свои текстильные фабрики и приобрел под Филадельфией великолепную виллу, похожую на средневековый германский замок, и поселился в нем. Ганс прожил в Америке полвека, но остался тем же немцем, с теми же привычками, вкусами и симпатиями, какие привез с собой из Германии. С Иоанном всегда дома говорил по-немецки. Собственно, настоящее имя Иоанна — Роберт, но Ганс звал его почему-то Иоанном, и старый лакей, в конце концов, забыл даже свое настоящее имя.

Как все старые холостяки, Эдуард Ганс отличался странностями. В своем домашнем обиходе, он, например, совершенно не допускал никаких новшеств. Ганс не переносил электрического освещения, которое было, по его мнению, вредно для глаз. Во всех комнатах висели керосиновые лампы, а в кабинете на письменном столе под зеленым абажуром горели свечи.

— Достаточно с меня, — говорил старик, — что через меня проходят радио-волны. Им-то я и обязан своей головной болью. Надо будет поставить на крыше дома радио-рассеиватель.

Ганс также терпеть не мог автомобилей. В его конюшне стояли лошади, и он изредка, не более двух раз в год, ездил в город, в старомодной карете, которая вызывала всеобщее удивление. Зато он ежедневно, с истинно немецкой аккуратностью, опираясь на руку Иоанна, гулял по саду.

Когда оба старика, гуляли по саду, они были похожи друг на друга.

Иоанн счень любил эти совместные прогулки по саду. Неужели они когда-либо прекратятся. Нет, не может быть. Никто, кроме него, не знает так хорошо Ганса со всеми его капризами и причудами. Эта мысль немного успокоила старого слугу. С чуть заметной улыбкой на высохших губах он сказал:

— Ну, что ж, вам, г. Ганс, придется, очевидно, подыскать мне заместителя... Молодой человек лучше справится, чем я.

— Что. Молодой человек. Ты, очевидно, решил вывести меня сегодня из терпенья. Подай кофе...

Иоанн вышел. Он улыбался. Да, он попал своему хозяину в самое чувствительное место. Ганс вообще не переносил слуг, в особенности, молодых. В замке были лишь самые необходимые слуги: садовник, он же и кучер, и китаец-повар. Каждому из них было за пятьдесят лет. Женщин Ганс не допускал в замок. Белье стиралось на соседней ферме. Оттуда иногда приходила старая женщина и убирала комнаты. Повар и садовник жили во дворе, а Иоанн жил рядом с комнатой хозяина. Он должен был днем и ночью быть готовым откликнуться на зов хозяина.

II.

После завтрака Эдуард Ганс и Иоанн вышли на свою обычную прогулку. Придерживая друг друга, оба они медленно шагали по саду и часто усаживались отдыхать на удобных скамьях.

— Ты предлагаешь мне взять молодого слугу. Разве мы не пробовали это сделать в прошлом году? Но чем это кончилось? Я еле-еле избавился от этого молодца.

Правда, он не бил посуды и быстро натягивал на меня сюртук. Он не спотыкался о дорогие ковры и не портил их, как вы, Иоанн, но...

Иоанн терпеливо молчал и ждал, что последует за «но»:

— Он все делал быстро и хорошо, но они ведь совершенно невыносимы, эти молодые слуги. Нужно обдумывать каждое слово, чтобы, упаси бог, не обидеть их каким-нибудь неосторожным, грубым словом. Не беспокоить их слишком... А ночью... У меня ночью однажды сильно разболелась голова. Я кричал, звал его, а от него ни слуху, ни духу. Нет его. Он удрал куда-то гулять. А в воскресенье... Надо отпустить его совсем. А, в конце концов, он здорово выругал нас и ушел. Давай, сядем. Ноги у меня побаливают... Наверное, дождь будет...

На скамье Ганс продолжал вздыхать.

— Нет теперь хороших слуг. Они вымирают. Хороший слуга должен быть пунктуален, как машина. «Садись!» и он сядет. «Встань!» и он немедленно встает. «Подай» и он сейчас же подает. У него не должно быть личного самосознания и обидчивости. Мало ли, что может вырваться у старика, когда у него что-либо болит. Нет, Иоанн, ничего с этим не выйдет.

— Надо пригласить человека пожилого, этак лет в пятьдесят, — советовал Исанн, — чтобы был достаточно крепок, но не нахален.

— Но где ты возьмешь такого. Таких нет. Таких не отпускают. Разве я отпустил бы вас, если бы вам было теперь пятьдесят лет. Мне трудно теперь привыкнуть к новому человеку.

Оба старика замолчали и предались грустным размышлениям об их безнадежном положении.

— Может быть, старую женщину?

— Вы твердо решили сегодня вывести меня из терпения. Разве вы не знаете, что каждая женщина, которая поступает на службу к старому, одинокому и богатому мужчине, думает лишь о том, как бы забрать его в свои руки и женить его на себе, вогнать его в гроб и взять себе молодого муженька... Нет, нет, это не для меня. Я еще хочу жить... Придется, видно, последние дни своей жизни помучиться с вами, Иоанн...

Иоанн вздохнул с облегчением. Он, бедный, не знал, какое испытание ему еще предстоит.

Издали послышались тяжелые шаги. Кто-то шел по песку дорожки. Иоанн и Ганс стали прислушиваться. Ганс терпеть не мог гостей. А тут как раз кто-то пожаловал. В дом не допустили бы никого. Здесь же, в саду, он чувствовал себя беспомощным против вторжения незванного гостя. Ганс стал мысленно измерять дорожки. Нет, не удастся уйти от гостя. Чужой человек все приближался, а через минуту какой-то, крепко сложенный и хорошо одетый человек, лет пятидесяти, заговорил:

— Могу я видеть мистера Ганса?..

— Я Эдуард Ганс. Что вам угодно? — спросил Ганс, не приглашая гостя сесть.

Незнакомец вежливо снял шляпу и сказал:

— Джон Митчель, представитель электротехнической компании Вестингауз. Я осмелился беспокоить вас, чтобы сделать вам одно, крайне интересное предложение.

— Если бы вы были даже представителем Форда, я все равно не приму вашего предложения, — проворчал недовольно Ганс. — Я уже десять лет не занимаюсь никакими коммерческими делами, и я не хочу...

— Но я вам не предлагаю никаких дел, — прервал его посетитель. — Мое предложение — совершенно

особого рода. Если вы будете так добры и уделите мне одну минуту...

Эдуард Ганс беспомощно оглянулся на кустарники с розами и на гиацинты, поднял глаза к небу и, наконец, посмотрел на скамью, и с вынужденной любезностью сказал:

— Садитесь... Я слушаю вас.

Незнакомец притронулся к шляпе и с достоинством сел на скамью. Он заговорил и — о чудо! — с первых же слов он привлек внимание Ганса и Иоанна.

— Богатый, пожилой, хорошо воспитанный джентльмен не может обойтись без слуги. Но как трудно ныне найти хорошего слугу. Старых преданных слуг, благодаря неумолимому закону природы, становится все меньше и меньше, — Джон Митчель бросил взгляд, полный сочувствия, на Иоанна, — а их нечем заменить. Молодежь развращена различными профессиональными союзами, и капризы молодых слуг совершенно невыносимы. К тому же, у вас нет никакой уверенности в том, что в одну прекрасную ночь кто-нибудь из таких молодцов не перережет вам горло и не удерет с вашими драгоценностями. Даже с женщинами нельзя быть спокойным. Особенно старым холостякам. Вы берете себе в дом экономку и, не успели оглянуться, как уже очутились под ее башмаком.

— Что за чорт, — подумал Ганс, — неужели он подслушал наш разговор, или это — какое-то странное совпадение?

А Митчель продолжал:

— Да, не может быть и речи о найме новых слуг. Но беда в том, что без них не обойтись. Все хозяйство пойдет к чорту. Всюду грязь и паутина. А подумали ли вы, мистер Ганс, о той ужасной минуте, когда ваш старейший слуга — если не ошибаюсь, он тут же сидит около вас,

— когда ваш старый слуга по своей слабости и немощи не явится на ваш зов, и вы останетесь один, жалкий и беспомощный.

Да, Ганс думал об этом. Эта мысль мучила и преследовала его как кошмар. Ганс иногда звал ночью Иоанна лишь для того, чтобы убедиться, что тот слышит его. Он с томительным ужасом прислушивался к тому, как Иоанн, вздыхая, приподнимал свое слабое тело с кровати.

— Некому будет вам подать стакан воды, чашку кофе, — продолжал незнакомец терзать Ганса. — Вы будете лежать на своей кровати, а из паутины, из отвратительной паутины вам на голову будут падать ненавистные пауки, а мыши поднимут возню на вашем одеяле.

Ганс снял шляпу и вытер пот, выступивший у него на лбу. «Ведь это кошмар какой-то!»

— Что же вам угодно? — спросил он, наконец. — Ради чего вы рассказываете мне все эти ужасы?

Митчель бросил мимолетный взгляд на Ганса и остался доволен произведенным впечатлением. Да, слова его подействовали. Как будто не услышав вопроса, он медленно стал закуривать сигару, бросил рассеянный взгляд на сад и затем сказал:

— У вас прекрасная вилла. Чудный уголок. Тут можно хорошо провести последние дни своей жизни, если бы только...

— Нельзя ли поближе к делу, — сказал Ганс.

— Если только иметь хороших, преданных слуг, которые бы исполняли все желания, и были бы в то же время немые, как рыба, — закончил Митчель и, обернувшись к Гансу, прибавил:

— По этому делу я и пришел к вам. Я хочу предложить вам таких слуг.

Разговор был прерван внезапным появлением огромной черной собаки, которая, выбежав из домика садовника, быстро устремилась к Гансу. Увидев незнакомца, собака сердито залаяла и оскалила зубы.

— На место, Джипси, — крикнул Ганс, и собака покорно залезла под скамью.

— С раннего детства я не переносю собак, — сказал Митчель, — я когда-то здорово потерпел от них. У вас больше нет собак?

— Нет, только одна. Но не беспокойтесь, она не кусается. Вы, кажется, сказали, что вы хотите предложить мне идеальных слуг... Но, если я не ошибаюсь, вы отрекомендовались представителем фирмы Вестингауз. Неужели Вестингауз занимается и рекомендацией слуг?

— Да, совершенно верно.

— А с каких пор фирма Вестингауз...

— С тех пор, как она начала производить, сэр, идеальных слуг...

«Он совсем с ума сошел», — подумал Ганс и стал беспокойно оглядывать гостя. Митчель заметил это беспокойство и, улыбнувшись, сказал:

— Вам это, вероятно, покажется странным, но факт таков. Фирма Вестингауз производит механических слуг, комбинацию телефонов с беспроводным телеграфом. Ваше распоряжение передается через вибрационную волну в 900 сил и движений. Эти движения подхватываются особыми стержнями, которые действуют на особые передатчики механического слуги, и заставляют его делать соответствующие движения. Я не стану утомлять вас различными техническими подробностями. Достаточно вам знать, что механический слуга выполнит все ваши распоряжения.

— Что же, у них вид человеческий? — спросил Ганс.

— Имеются различные сорта, — ответил Митчель. — Некоторые представляют собой обычный аппарат. Достаточно вам распорядиться, и аппарат немедленно включает свет, освещает комнату прожектором, зажигает сигнальную лампу, пускает в ход электрическую щетку и чистильщика комнат. Он откроет перед вами дверь. Вам нужно будет сказать, как в сказке из «Тысячи и одной ночи», — «Сезам отворись», как дверь немедленно раскроется, вас впустит и сейчас же за вами закроется.

— Если память не изменяет мне, — сказал Ганс, — в сказке идет речь о человеке, который, сказав: «Сезам, отворись», вошел в пещеру, наполненную различными драгоценностями, забыл волшебное слово, и каменные стены сомкнулись, и он не мог выбраться из пещеры, где на него напали разбойники.

— Фирма Вестингауз значительно усовершенствовала эту арабскую сказку. Если вы забудете волшебное слово, вы тогда сумеете нажать электрическую кнопку, и двери немедленно раскроются. Надеюсь, этого вы не забудете сделать. Компания берет на себя полную ответственность за работу своих механических слуг. Мы берем на себя все расходы и возвращаем полностью задаток, если слуга вас не удовлетворит. Разрешите принять от вас заказ?!

— Так быстро! Я не могу этого еще решить. Слишком необычайно ваше предложение.

— В таком случае, разрешите мне завтра продемонстрировать перед вами одного из наших механических слуг. Это вам ничего не будет стоить.

— Я, право, не знаю...

Митчель встал, распрощался и, точно дело было уже решено, сказал:

— С вашего разрешения, я завтра утром буду у вас, — и ушел, сопровождаемый бешеным лаем собаки, выскочившей из-под скамьи.

III.

В эту ночь Иоанн и его хозяин спали плохо. Предложение Митчеля было очень заманчиво, но Эдуард Ганс боялся всяких новшеств. Одиночество, однако, его еще больше пугало. Ему все время мерещилось, что он один-одинешенек в комнате, пауки кусают его, а мыши бегают по его одеялу.

Иоанна преследовали еще более ужасные кошмары. Ему казалось, что в его правый бок дует холодный ветер из электрического вентилятора. Вот, откуда не возьмись, выскочила огромная механическая метла и вымела его самого из комнаты. Иоанн пытался убежать, но не смог открыть двери и все кричал: «Сезам, отворись!»

Утром, сейчас же после завтрака, явился Митчель с рабочими, которые притащили с собой ящики с механическим слугой и принялись за работу.

— Будьте добры, познакомьте меня с планом вашего дома, — обратился Митчель к Гансу.

— Вот отсюда, из этой комнаты, ведет дверь в мою спальню. В правой стене спальни — дверь в кабинет, а в левой — две двери: одна — к Иоанну; а другая — в ванную.

— Великолепно. Отсюда и начнем электро-механизацию вашего дома. К вечеру все будет готово.

В то время, как рабочие снимали двери и проводили установку, Митчель объяснял Гансу функции аппаратов.

Механическая метла вымела его самого из комнаты...

— Вот этот ящик на колесах с круглой щеткой на конце и есть механическая щетка. Поставьте ее, поверните ручкой, и метла готова. Нужно только сказать: «Подметай!».

— Подметай! — крикнул пискливым голосом Ганс, но метла не двинулась с места.

— Ее механизм реагирует лишь на низкие звуки, — объяснял Митчель. — Попробуйте тише.

— Подметай!

— Еще тише.

— Подметай! — пробасил Ганс, и метла пошла. Колеса ящика начали вращаться вместе со щеткой. Щетка прошла по всей комнате, минуя, точно трактор, все рытвины. Она подошла к стене, повернулась и начала подметать новую полосу пола.

— Под щеткой находится пылесос, который собирает всю пыль, — продолжал Митчель свои объяснения.

Метла закончила уже половину комнаты, как случилось маленькое происшествие. В комнату вбежала Джипси и стала громко лаять на метлу. Колеса метлы завертелись быстрее, и метла, преследуемая собакой, помчалась по комнате. Иоанн и Ганс, стоявшие посреди комнаты, испугавшись столкновения между метлой и собакой, с поразительной быстротой побежали от механического врага. Метла, между тем, проделывала большие прыжки, и при одном из них зацепила Иоанна. Он упал на пол, а метла прошла через него, однако, не причинив ему зла. Метла лишь приподняла фалды его фрака, заодно почистила спину и причесала волосы на его затылке. С этой необычайной прической Иоанн вскочил с пола и побежал к дивану, на котором стоял уже Эдуард Ганс.

А Митчель, размахивая руками, гнался за собакой и кричал: — Уберите собаку, уберите собаку.

Кончилось происшествие так же внезапно, как оно и началось. Метла вдруг остановилась посередине комнаты.

Митчель вытер лоб и сказал Гансу:

— Мне очень жаль, но во всем виновата собака. Как я уже докладывал вам, метла реагирует на определенные звуки. Лай собаки вызвал усиление вибрации метлы, отсюда и получились столь неожиданные явления. Метла сейчас будет приведена в полный порядок.

Механик подошел к метле, раскрыл дверцы ящика, повозился с ним несколько минут, и метла опять пошла. Иоанн увел собаку и запер ее в отдаленной комнате. Метла теперь с большим успехом закончила уборку комнаты.

— Вот видите, как это удобно, — сказал Митчель. — Ваш старый, преданный Иоанн будет управлять механическими слугами, и с их помощью будет еще долго служить вам. — Хитрый Митчель решил таким образом подкупить Иоанна, чтобы привлечь его на свою сторону.

Над кроватью Ганса и над его письменным столом были поставлены электрические вентиляторы, которые начинали свою работу по устному приказу.

К вечеру работа была закончена. Самораскрывающиеся двери так понравились Гансу, что он позабыл о неприятности с метлой.

— Присмотритесь к работе ваших механических слуг, — сказал Митчель при прощании, — и вы так привыкнете к ним, что скоро вы не сумеете обходиться без них. Через несколько дней я зайду к вам...

У двери он еще раз напомнил, что необходимо удалить собаку.

— Иначе я не ручаюсь за правильную работу механизмов.

Предубеждение Ганса против всяких новшеств было побеждено несомненными удобствами новых механических слуг. Когда Митчель с рабочими удалился, он сам решил испробовать их.

— Подметай! — приказал он метле, и она аккуратно выполнила требуемую работу.

— Вентилятор! — говорил он маленьким пропеллерам, висящим над гроватью, и вентиляторы тихо и без шума принялись освежать комнату.

Но особенно понравились Гансу самсотворяющиеся двери. До поздней ночи он ходил из комнаты в комнату, останавливаясь у закрытых дверей, и говорил:

— Сезам, отворись! — И двери, согласно его приказу, тихо раскрывались, а затем закрывались.

— Действительно, как в сказке! — говорил восхищенный Ганс. — Митчель не надул. Не правда ли, Иоанн?

— Да, недурно, — соглашался Иоанн. Он уже примирился с механическими слугами: с их помощью ему легче будет справиться с работой, а, вместе с тем, они не могут всецело заменить его. «Принести кофе и одеть его они все же не могут», — утешался он и радовался тому, что механические слуги не могут заменить живого человека.

А Ганс, укладываясь ночью в кровать и заставляя механические вентиляторы работать, говорил себе:

— По крайней мере, пауки не угрожают мне больше.

IV.

На третий день утром, Ганс еще не успел закончить свой завтрак, как послышался шум приближающегося автомобиля. Иоанн посмотрел в окна и увидел, что Митчель подъехал на автомобиле, а вслед за ним —

грузовик. На грузовике стояли длинные ящики, похожие на гробы. Эти ящики почему-то не понравились Иоанну, быть может, они напомнили ему смерть.

— Митчель приехал, — доложил Иоанн.

Быстро отдав распоряжение рабочим, Митчель зашел в комнату, как старый знакомый.

— Как поживают наши механические слуги? Довольны вы ими?

— Да, спасибо! Я очень доволен! — сказал Ганс.

— А я, не совсем, — сказал Митчель, улыбаясь.

— Сядьте. Может, выпьете чашку кофе? Чем именно вы недовольны? — спросил Ганс.

— Вот чем, мистер Ганс. У них очень ограниченное поле действия, узкие специалисты, если можно так выразиться. Они не в состоянии помочь вам одеваться или, например, подать вам кофе.

Сердце у Иоанна забилося при этих словах. «Неужели Митчель...» Иоанн не решился закончить свою мысль, как Митчель продолжал:

— Я не хотел необыкновенными новинками удивить вас сразу. Все эти «Сезамы» и механические метлы — детские игрушки в сравнении с последними изобретениями фирмы Вестингауз. Я привез вам теперь несколько настоящих механических слуг. Они исполнят все, решительно все ваши пожелания и приказы...

У Иоанна задрожали руки, и чашка выпала из рук.

— Не бойтесь, Иоанн, — обратился к нему Митчель. — Вы также нужны будете. Механические слуги нуждаются в присмотре и уходе. Вы лишь получите теперь более высокое звание. Вы станете теперь управляющим дома. Слуги же будут выполнять всю черную работу, которая вам не по силам. Не угодно ли посмотреть?

Митчель, Ганс и Иоанн вышли на двор. Рабочие уже успели снять несколько гробообразных ящиков, уложили их на землю и сняли крышки. Со смешанным чувством любопытства и страха Ганс смотрел на эти ящики. Он увидел двух железных «людей», похожих на средневековых рыцарей. Отдельные мускулы у этих «людей» были скреплены пружинами.

Рабочие поставили эти мумии на землю. Митчель подошел к ним и ударил им по лицу палочкой; послышался металлический звон. Слуги были поставлены у крыльца. Митчель подошел к ним, осмотрел кнопки на их затылках и затем начал их заводить. Вдруг совершилось чудо. Колени этих слуг согнулись, издав при этом какой-то глухой скрип, и железные «люди» начали подниматься со ступеньки на ступеньку. В этот момент, откуда ни возьмись, с лаем выскочила Джипси. С громким лаем собака набросилась на «слугу» и схватила его за ногу. Слуга вырвал ногу и остановился.

— Уберите собаку, — завопил Митчель.

Садовник схватил собаку и увел ее к себе. После этого «слуги» без остановки влезли на крыльцо, зашли в вестибюль и, повернувшись, вошли в комнату.

— Стой! — скомандовал Митчель, шедший за ними. Слуги остановились.

— Десять шагов вперед! Направо! Нагнитесь! Взять! Назад! Стой! — Слуги точно исполняли все приказы. Они прошли всю комнату, повернулись к столику, осторожно взяли лежащие на столе альбомы и отнесли к Митчелю.

Ганс был изумлен. Иоанн испуган.

— Вот видите, как все это просто. Они сделают все, что им прикажут. Достаточно один раз приказать им подойти, например, к буфету, и принести закуску, и

они сразу точно исполняют ваше приказание. Иоанну нужно будет следить за ними, командовать ими и время от времени смазывать механизмы.

И Митчель, обратившись к рабочим, сказал им:

— Принесите-ка мне насос для накачивания масла. Спасибо! А вы, Иоанн, смотрите внимательно.— Митчель повернулся к слугам и сказал:

— Нагнитесь!

— Вы видите, Иоанн, эту маленькую дырочку на голове. Сюда нужно наливать масло. Механические слуги также нуждаются в пище. Берите насос, не бойтесь. Почему у вас так дрожат руки?

У Иоанна, действительно, руки дрожали. Он поэтому никак не мог попасть в дырочку.

— Ничего, привыкнете, — успокаивал его Митчель.

Когда слуги убрали комнату, носили кое-какие вещи, снимали у Митчеля пальто и опять надевали, и все это проделывая с величайшей пунктуальностью.

— Они не только прекрасные слуги, но и незаменимые сторожа. Разрешите мне зайти в кабинет?

И, не дождавсь разрешения, Митчель приказал слугам:

— Идите за мной!

Ганс был до того ошеломлен, что совершенно потерял способность мыслить. Он пошел за Митчелем, точно и он превратился в механического слугу. Митчель зашел в кабинет и, поставив слуг у железной кассы, крикнул:

— Тревога!!! — В тот же момент слуги с невероятной быстротой стали размахивать руками.

— Каждый бандит, кто осмелится подойти к кассе, будет убит ударами этих железных рычагов. Ну, нравится вам все это? — спросил Митчель у Ганса.

— О, да, очень нравится, — сказал бледный, как смерть, Ганс.

— В то же время они тихи и нежны как голуби. Попробуйте им приказать что-нибудь.

— Нет, знаете, мне не нужны эти слуги, — сказал вдруг решительно Ганс. — Слишком уж все это необычайно. Кроме того, если они взбунтуются, как ваша механическая метла, то от них и спасения не будет.

— Нет, это совершенно исключено, — быстро ответил Митчель. — Достаточно сказать: «Стой», и они сейчас же остановятся.

За окном послышался шум отъехавшего грузовика. Ганс с беспокойством посмотрел в окно и сказал:

— Позвольте; почему же они уехали? Мне не нужны механические слуги. Заберите их отсюда...

— Извините, но я был так уверен, что «слуги» вам понравятся, что я распорядился не ждать меня. Но это можно исправить, если вам угодно.

Митчель подошел к окну и крикнул:

— Стойте! стойте!

Но грузовик уже успел завернуть на другую улицу и исчез.

— Не слышат. Уехали. Ну, ничего. Я завтра заеду и заберу их. Хотя я уверен, что до завтрашнего дня вы так привыкнете к ним, что попросите их оставить у себя. Разрешите пожелать вам всего лучшего. Я должен еще заехать на другую виллу. Там мне также заказаны слуги. Пожалуйста, не огорчайтесь. Все будет в порядке.

— Но как же...

V.

За свою долголетнюю жизнь Иоанн и его хозяин никогда не переживали такой беспокойной, мучитель-

ной и кошмарной ночи, как эта ночь после посещения Митчеля. Старички не могли уснуть. Им все мерещилось, что в кабинете кто-то шумит. Кошмары преследовали их всю ночь.

На рассвете Иоанн разбудил хозяина.

— Мистер Ганс!.. Мистер Ганс! В кабинете что-то неладно.

Ганс проснулся, вскочил и стал прислушиваться. Из кабинета, действительно, доносились какие-то звуки и удары металлических предметов.

— Они ожили! — воскликнул в ужасе Ганс. Он так дрожал, что не мог даже приподнять одеяло. Обезумевшие от ужаса старики сидели без движения и не в состоянии были сделать малейшее движение. Шум в кабинете усиливался. Что-то упало, и с треском и шумом каталось по полу. Это еще больше пугало их. Внезапно Ганс вскочил с кровати, подбежал к двери и диким голосом закричал:

— Сезам, отворись!

Но дверь не раскрывалась.

— Сезам, отворись! — кричал Иоанн. Оба старика стали кричать, пищать и реветь, но все напрасно. Они испускали всевозможные старческие горловые звуки, надеясь таким путем разбудить заснувшие стержни и механизмы дверей.

Но все напрасно. Ужасная сказка «Тысячи и одной ночи» превратилась в горькую действительность. Им казалось, что двери кабинета сотрясаются под чьим-то давлением. Еще секунда, и оттуда выйдут сорок разбойников и разорвут на части их старческие тела.

Через некоторое время послышался лай Джипси, которую на ночь убрали из дому. Затем все утихло.

Иоанн и его хозяин потеряли сознание.

Из кабинета, действительно,
доносились какие-то звуки.

28

Был ясный день, когда они пришли в себя. Они с радостью прежде всего констатировали, что живы и невредимы.

Дверь в кабинет была прикрыта, а перелезть через баррикаду из столов и стульев оказалось совершенно невозможным. Иоанн взялся за ручку двери, и, к его величайшему изумлению, дверь раскрылась. Они свободны. Иоанн разбудил садовника и повара, но все они боялись войти в кабинет.

— Вызовите полицию, — распорядился Ганс. Садовник позвонил в ближайший полицейский участок.

Скоро приехал полицейский автомобиль. На этот раз Ганс не возражал против новшеств. Неприятные звуки автомобиля были ему теперь слаще музыки небес.

Полиция вошла в кабинет. На полу лежали кем-то перевернутые механические слуги. Двери несгораемого шкафа были раскрыты настежь... Все драгоценности исчезли.

Присутствие полиции придало храбрости Гансу. Войдя в кабинет и увидев на полу лежащих «слуг», он, точно обращаясь к трупам, с чувством сказал:

— Я должен извиниться перед вами. Я их боялся, а они, оказывается, погибли на посту, охраняя мое имущество от воров, пробравшихся, по-видимому, через окно...

Но недолго пришлось ему оплакивать своих «верных слуг». Полицейские бесцеремонно приподняли «трупы», которые оказались пустыми оболочками. Гансу сразу все стало ясно. Митчель просто надул его. Под видом механических слуг он ввел через эти железные оболочки своих товарищей. Эти бандиты ночью вышли из своих оболочек, открыли кассу, выта-

щили оттуда все драгоценности и удрали через окно. Вот почему Митчель так боялся собак!..

— Господин Ганс. Вас желает видеть агент фирмы Вестингауз и К-о, — сказал Иоанн, заглянув в кабинет.

— Что, Митчель, как раз вовремя, — и, обращаясь к полицейским, Ганс закричал:

— Арестуйте немедленно этого бандита!

Полицейские вышли в зал. Там стоял какой-то белокурый молодой человек с портфелем в руках. Он с удивлением посмотрел на полицейских и, вежливо поклонившись Гансу, сказал:

— Алло, мистер, я принес вам счет за установку механических слуг.

— К чорту механических слуг, — завопил Ганс. — Вы, Митчель и ваши механические слуги ограбили меня. Арестуйте его.

— Я никакого Митчеля не знаю. Тут какое-то недоразумение. Ваш управляющий заказал нам механическую щетку, вентилятор и «Сезамы». Ваш заказ приняли и подписали. Вот счет...

— А это? — продолжал горячиться Ганс, — Зайдите-ка сюда, молодой бандит.

И Ганс повел молодого человека в кабинет и показал ему распростертых «слуг». Представитель Вестингауза посмотрел, пожал плечами и сказал:

— Наша фирма не занимается производством таких кукол.

Ганс продолжал горячиться и кричать. Но тут вмешался агент полиции. Он поговорил с молодым человеком, внимательно осмотрел счета, проверил достоверность и сказал Гансу:

— Мне кажется, мистер Ганс, что этот молодой человек не имеет никакого касательства к преступлению. Мы разберемся в этом. По-видимому, Митчель сделал

от вашего имени заказ фирме Вестингауз на щетку, вентиляторы и «Сезамы». Оболочки этих «лакеев» он сам сфабриковал, и в них ввел в ваш дом своих сообщников. Это, по-видимому, влетело ему в копеечку, но он, очевидно, остался все же в выигрыше. Сколько денег лежало у вас в кассе?

— Около 100.000 долларов.

— Вот видите, неплохая работа. Вероятно, бандиты убежали бы в своих железных «костюмах», чтобы использовать их еще раз, если бы кто-либо не помешал им, и не заставил бы их бежать...

— Собака залаяла,— вставил свое слово и Иоанн.

— Но и «Сезам» принял участие в этом заговоре, — продолжал настаивать Ганс. — Почему же двери не открывались на наш зов?

— Вы, вероятно, слишком громко кричали от испуга: «Сезам, отворись!», — высказал агент свое предположение. — Наши аппараты рассчитаны на звуки определенной высоты и силы.

Да, Ганс должен был сознаться, агент был, по-видимому, прав. Он не кричал, нет, — он ревел, как резанный бык, на непослушные двери.

— Мистер Штольц, — сказал полицейский агенту Вестингауза, — я вас не арестую, но прошу вас пойти со мной. Мне надо еще кое-что выяснить по этому делу.

Полицейские забрали с собой в качестве вещественных доказательств механических слуг и уши.

Эдуард Ганс остался опять один вместе с Иоанном.

— Я еще не пил сегодня кофе, — сказал Ганс.

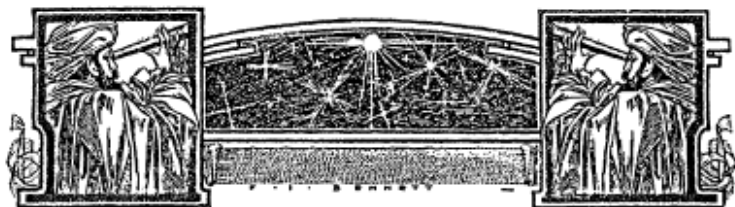
— Я сейчас подам вам, — ответил Иоанн и подошел к буфету.

От всех ночных страхов руки у Иоанна дрожали теперь больше, чем когда-либо. Подавая кофе, он уронил сахарницу.

— Ничего, Иоанн, не огорчайтесь. Это может случиться со всяким, — сказал Ганс и, после некоторого раздумья, прибавил:

— Сезам, вентиляторы и метлу надо будет все-таки оставить. Это — полезное изобретение. Вот эти настоящие механические слуги Вестингауза отличаются лишь одним недостатком: они не любят, чтобы на них лаяли и чтобы им давали приказы в повышенном тоне. Но ничего не поделаешь... Такое уж время теперь...

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР ВЛАДКО

ИДУТ РОБОТЫ

Социально-фантастическая повесть

5

А. РОМ (А. БЕЛЯЕВ)

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!

Фантастический рассказ

311

Э. ИНГОБОР

ЭНРИК - 9

Отрывок из научно-фантастического романа

«Этландия»

343

А. ВЛАДИМИРОВ

АВТОМАТ-ШАХМАТИСТ

Очерк

359

РАДИОПОЛИСМЭН

Фантастический очерк

372

Д-р З.

ИСКУССТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Очерк

375

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЛАДИМИР ВЛАДКО
ПОРАЖЕНИЕ ДЖОНАТАНА ГОВЕРСА
Фантастический рассказ

393

А. РОМС (А. БЕЛЯЕВ)
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СЛУГА
Фантастический рассказ

417

